

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

Выпускная квалификационная работа на тему:
ТЕОДОРИХ ВЕЛИКИЙ: ОБРАЗЫ ВЛАСТИ
по направлению подготовки *030600 история*
образовательная программа бакалавриата *история*
профиль: *всеобщая история*

Выполнил:
студент IV курса
дневного отделения
Беспальчикова Яна Евгеньевна

Научный руководитель
кандидат исторических наук
доцент кафедры истории Средних веков
Дмитриева Марина Игоревна

Санкт-Петербург
2017

Содержание

Введение.....	2
Глава I. Теодорих – король готов.....	14
§1. Готская идентичность в научных дискуссиях последних десятилетий.....	14
§2. Теодорих Великий до Италии: путь легитимации власти.....	19
§3. Репрезентация власти Теодориха Великого перед лицом остготов.....	33
§4. Репрезентация власти Теодориха Великого перед лицом других варварских лидеров.....	44
§5. Заключение.....	56
Глава II. Flavius Theodericus rex.....	59
§1. Репрезентация власти Теодориха Великого перед лицом восточных императоров.....	59
§2. Репрезентация власти Теодориха Великого по отношению к латиноязычному населению Италии.....	72
§ 3. Заключение.....	98
Заключение.....	102
Список использованных источников и литературы.....	107
Приложение.....	119

Введение

Данное исследование посвящено анализу образов власти Теодориха Великого, первого правителя Остготской Италии. **Актуальность** изучения образов власти Теодориха Великого определяется задачами современной исторической науки, для которой характерно перемещение фокуса внимания с области реальности в сферу сознания. События, ранее изучавшиеся сами по себе и в плоскости их реальных взаимосвязей, всё чаще анализируются как факты сознания авторов исторических текстов или собирательного менталитета эпохи. В связи с этим открываются новые ракурсы и в изучении власти и властных отношений. Эти новые ракурсы исследования разрабатываются в рамках потестарной имагологии¹ – то есть изучения образов власти, в особенности, коммуникативного аспекта властных отношений: того, каким образом власть являет себя и узнаётся воспринимающими.

¹ В широкий научный оборот в российской науке термин был введён М.А. Бойцовым – Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009. С. 14. Кроме того, см. Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. Отв. ред. Бойцов М.А., Успенский Ф.Б. СПб.: Алетейя. 2010. Целая плеяда крупнейших российских медиевистов занимается связанными с этим вопросами. М.А. Бойцов – на материале по истории Священной римской империи Позднего Средневековья (Так же он затрагивает и другие сюжеты: Его же. Раскаяние государя: император и епископ (с. 211 – 241) // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. Отв. ред. Хачатурян Н.А. Составитель О.С. Воскобойников. М.: Наука. 2008). Н.А. Хачатурян – на французском материале. У Н.А. Хачатурян так же есть и общетеоретические работы, например, Хачатурян Н.А. Король-sacre в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти) (с. 19 – 28) // Священное тело короля. Отв. ред. Н.А. Хачатурян. Ин-т всеобщ. истории РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Наука. 2006. С.Е. Федоров – по документам Англии Стюартов, (например, Федоров С.Е. Посмертные изображения монарха в раннестюартовской Англии: возрожденный Соломон и королевская эффигия (с. 177– 189) // Священное тело короля. Отв. ред. Н.А. Хачатурян. Ин-т всеобщ. истории РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Наука. 2006), О.С. Воскобойников – прицельно в рамках изучения двора Фридриха II Гогенштауфена(Воскобойников О.С. Душа мира. Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II. 1200-1250 гг. М.: РОССПЭН. 2008; Его же. Репрезентация власти и “искушение портретом”. О нескольких изображениях Фридриха II Гогенштауфена (с. 264 – 300) // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. Отв. ред. Хачатурян Н.А. Составитель О.С. Воскобойников. М.: Наука. 2008), а также многие другие. На материале источников по истории Византии, в том числе раннего периода, те же проблемы разрабатывает М.В. Бибикив (Бибикив М.В. «Великие василевсы» Византийской империи: к изучению идеологии и эмблематики сакрализации власти (с. 29 – 51) // Священное тело короля. Отв. ред. Н.А. Хачатурян. Ин-т всеобщ. истории РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Наука. 2006). Однако все те, кто занимается в данном случае историей Запада средневекового мира, основываются, по понятным причинам, на материале Классического и в основном Позднего Средневековья. Этот материал просто богаче и разнообразнее и дает возможность реконструировать целые ритуалы и церемонии.

Объектом исследования выступает история Остготской Италии как специфического политического организма, возникшего на рубеже Поздней Античности и Раннего Средневековья. В качестве **предмета исследования** выступает власть Теодориха Великого и особенности ее репрезентации. Данная проблема требует комплексного решения и предполагает выявление различных аспектов для исследования.

Хронологические рамки исследования охватывают весь период жизни Теодориха Великого: с 450-ых гг. до 526 г. и определяются как необходимостью анализа всего правления этого государя, так и понимания тех властных традиций, которые он усвоил в более юном возрасте.

Целью работы является анализ комплекса практик репрезентации власти Теодориха Великого как единого целого: конкретных образов и методов их конструирования.

Степень изученности проблемы в предшествующей историографии. Личность и власть Теодориха Великого давно привлекали внимание исследователей и достаточно полно освещены в научной литературе. Изучение структурно-политического компонента этой власти, которому традиционно уделяется наиболее пристальное внимание, восходит ещё к первому изданию *Variae* Кассиодора Сенатора – главного источника по истории Остготской Италии². В анализ статуса и «конституционного положения» Теодориха весомый вклад внесла островная историография³, сформулировав идею неопределённости этого статуса, порождавшей основные проблемы правления великого Амала. Социально-экономической составляющей власти Теодориха над Италией плодотворно занималась советская историография⁴, получившая импульс к

² Cassiodori Senatoris. *Variae*. Rec. Th. Mommsen. *Monumenta Germaniae Historica*, Tomus XII, Berolini MDCCCXCIV. С. Т. Моммзенем полемизировал Ф. Шнайдер, опирающийся на собственное исследование *Variae* (Schneider F. *Rom and Romgedanke im Mittelalter*. 1926).

³ Например, Jones A. H. M. *The constitutional position of Odoacer and Theoderic* // *The Journal of Roman Studies*. Vol. 52. Parts 1 and 2 (1962). P. 126-130 и Томпсон Э.А. *Римляне и варвары. Падение Западной империи*. Пер. с англ. Т. О. Пономаревой; под ред. М. Е. Килуновской. СПб.: «Ювента». 2003. 1-ое издание на русском языке, на языке оригинала работа издана в 1980 году.

⁴ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. *Упадок и гибель Западной римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.)*. М.: Изд-во МГУ. 1984. В соответствующей главе дан подробный анализ

анализу генезиса феодальных отношений ещё от своих дореволюционных предшественников⁵. Официальная идеология правления Теодориха является, пожалуй, наиболее изученным метатекстом истории Остготской Италии⁶.

По сей день дискуссионными являются несколько аспектов власти Теодориха Великого: правовой, этно-культурный и связанный с сугубо готскими властными традициями.

Изучение правовой составляющей власти Теодориха восходит ещё к работам второй половины XIX века⁷ и неизменно упирается в дискуссию о так называемом «Эдикте Теодориха» и о том, насколько корректно анализировать право Остготской Италии по этому документу⁸.

Этно-культурный аспект власти Теодориха тесно смыкается с современными дискуссиями об идентичности в эпоху Великого переселения народов. Главным трудом по истории остготов в рамках Венской школы изучения названной эпохи стало фундаментальное исследование «Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии)»⁹ Х. Вольфрама – одного из основных представителей этой школы, крупнейшего варваролога нашего времени. В этой работе

социально-экономических структур королевства остготов, замыкавшихся на фигуре короля. Также Удальцова З.В. Италия и Византия в VI в. М.: Издательство АН СССР. 1959, где детально описаны социальные конфликты и напряженность существования Остготской Италии – а значит, и социальная неустойчивость власти.

⁵ Кудрявцев П.Н., «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления её Карлом Великим» (1850) и Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии (1880).

⁶ В качестве примера можно назвать работу П. Амори (Amory P. *People and identity in Ostrogothic Italy*. 489-554. Cambridge University Press. 1997), где был осуществлён синтез предшествующих наработок в этом направлении, поскольку ему было важно как можно более детально проанализировать созданную в годы правления Теодориха идеологию, чтобы соотнести её с реконструируемой реальностью.

⁷ Danh F. *Die Könige der Germanen*. 1885.

⁸ Подробное описание этой дискуссии и её значимости для советской историографии дал ещё А.Р. Корсунский в статье, вышедшей в 1972 году (Корсунский А.Р. К дискуссии об «Эдикте Теодориха» (с. 16 – 31) // *Европа в средние века: экономика, политика, культура*. Сб. статей (К 80-летию академика С.Д. Сказкина). М.: Наука. 1972). Зарубежное видение дискуссий в наше время – см. Amory P. *People and identity in Ostrogothic Italy*. P. 78 – 79. Сам П. Амори использует его как источник, считая более чем вероятной его принадлежность именно Теодориху Великому, и пишет целую главу, опираясь на него. Кроме того, Lafferty S., *The law // A Companion to Ostrogothic Italy*. Ed. by Arnold J., Bjornlie S., Sessa K. Brill Academic Publishers: Brill's Companions to European History. 2016. P. 147 – 172.

⁹ Вольфрам Х. *Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии)*. Пер. с нем. Б. П. Миловидов, М. Ю. Некрасов. Под ред. М. Б. Щукина, Н. А. Бондарко и П. В. Шувалова. СПб.: Ювента (Историческая библиотека). 2003. Это первое издание на русском языке 3-его издания (1990 г.) книги Х. Вольфрама «История готы» (1-е издание – 1979 г.).

осуществлена попытка синтеза предшествующих достижений в изучении власти Теодориха Великого на материале преимущественно немецкой и австрийской историографии¹⁰. Наиболее радикальная критика теоретических установок Венской школы исходит от В. Гоффрарта¹¹ и его учеников (так называемой Торонтской школы). Для изучения именно готской идентичности наиболее важны работы британского учёного П. Амори¹² и П. Хизера¹³, одного из крупнейших англоязычных специалистов нашего времени по истории остготов¹⁴.

Изучение готской идентичности связано с восстановлением по археологическим памятникам властных традиций готов дописьменного периода. Здесь наибольшее значение имеют исследования «вождеских» погребений к северу от римского Лимеса, которые появляются уже на финальной стадии Черняховской культуры, связываемой с остготами¹⁵. Основные дискуссии возникали при попытках соотнесения данных из письменных источников с археологическими находками – то есть в области

¹⁰ А для этой традиции классический труд по истории правления Теодориха – Ensslin W. Theoderich der Grosse. 1959.

¹¹ Основные работы, важные в данном случае: Goffart W. The narrators of Barbarian History (A. D. 550 – 800); Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. 1988; Goffart W. Barbarian Tides: the Migration Age and the Late Roman Empire. 2006.

¹² Уже упомянутая работа Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. 489-554. Cambridge University Press. 1997

¹³ Его статья с критикой монографии П. Амори - Heather P., Merely a ideology? - Gothic identity in Ostrogothic Italy // The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. An Ethnographic Perspective. Ed. by S. J. Barnish, F. Marazzi. Woodbridge: The Boudell press. 2007. С изложением собственных теоретических взглядов – Heather P. Ethnicity, Group Identity, and Social Status in the Migration Period (p. 17 – 50) // Franks, Northmen and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Brepols Publishers n.v., Turnhout, Belgium. 2008. Крупная синтетическая монография, изданная в России – Хизер П. Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы. М.: Центрполиграф. 2016.

¹⁴ Подробному анализу текущих дискуссий о готской идентичности посвящен первый параграф первой главы данной работы.

¹⁵ Недавно ушедший из жизни М.Б. Щукин (Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура. СПб: Филологический факультет СПбГУ. 2005), был крупнейшим российским специалистом по археологии Причерноморья в римское время и в частности – археологии готов. Его достойный преемник – М.М. Казанский, защитивший в 1986 году диссертацию (PhD) в Сорбонне на тему «Готы в Восточной Европе в гуннское время по археологическим данным: финальная база Черняховской культуры», - в наше время один из основных русско-французских специалистов по археологии Барбарикума и Лимеса III – VI веков. Казанский М.М. Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его исторический контекст (с. 28 – 51) // Империи и периферии // Tractus Aevorum. Т. 1. 2014; Его же. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами (с. 307 – 320) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том 1. М.: «Ломоносовъ». 2010; Казанский М. М., Перен П., «Королевские» и «вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований // Краткие сообщения института археологии, выпуск 234. М.: Языки славянской культуры. Знак. 2014.

междисциплинарного синтеза¹⁶ – и касались в первую очередь восстановления истории готов до начала их интенсивных контактов с империей.

Таким образом, вопросы репрезентации власти Теодориха Великого и изучения его власти в коммуникативном аспекте мало затрагивались в предшествующей традиции: лишь в качестве дополнительных микро-тем при изучении проблем, перечисленных выше.

С другой стороны, символично-коммуникативный комплекс, окружавший главные властные отношения эпохи Поздней империи, ключевую роль в которых играл император, всё же изучен довольно неплохо. В последней четверти прошлого века вышли две работы, где были сформулированы основные принципы функционирования этого комплекса – при анализе искусства и церемонии как единого феномена¹⁷ и *adventus domini* как основного действия символического общения властителя IV – VI века и его подданных¹⁸. В наши дни динамично развивается изучение дипломатических практик Поздней Античности и Раннего Средневековья, причём внимание уделяется не только организации и структуре посольских миссий, но семантически значимому языку дипломатического взаимодействия и роли в нём даров и инсигний¹⁹. Эти исследования посвящены конкретно императорской власти и позднеантичной культурной традиции. Однако основания средневекового политического мышления лежат в синтезе трёх традиций: позднеантичной, христианской и германской. Христианская традиция восприятия власти формировалась в

¹⁶ В этой связи интересна дискуссия между П. Хизером и М. Казанским об историчности рассказа Иордана об Амалах между падением державы Эрманариха и битвой на Каталаунских полях: Kazanski M. The Ostrogoths and the princely civilization of the fifth century (p. 81 – 99) // *The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. An Ethnographic Perspective*. Ed. by S. J. Barnish, F. Marazzi. Woodbridge: The Boudell press. 2007. P. 101 – 104 (discussion).

¹⁷ MacCormac S. G. *Art and ceremony in late antiquity*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California press. 1981.

¹⁸ MacCormic M. *Eternal victory. Triumphal rulership in late antiquity, Bizantium, and the early medieval West*. Cambridge: Maison des Sciences de l'Homme and Cambridge University Press. 1986.

¹⁹ Nechaeva E. *Embassies. Negotians. Gifts: Systems of East Roman Diplomacy in Late Antiquity*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 2014. Монография Е. Нечаевой написана на материале по истории Восточной империи. Подобное исследование Запада – Gillett A. *Envoys and Political communication in the Late Antique West*. 411 – 533. Cambridge University Press. 2003, однако в нём практически ничего не сказано о репрезентативных моментах дипломатии Поздней Античности.

течение первых веков новой эры в тесном контакте с традицией античной – в связи со спецификой развития раннего христианства как культурного феномена. Поэтому внимание к ней закономерно при изучении власти в эпоху Поздней Античности. Германская же составляющая является наиболее уязвимым элементом из-за большой сложности изучения племенной традиции в столь раннее время, несмотря на то, что отдельные вопросы, например, дружинный компонент власти германских королей изучен достаточно хорошо²⁰.

В российской историографии есть одно значительное исследование, посвящённое образам власти германских правителей на рубеже Поздней Античности и Раннего Средневековья – это приуроченная к защите докторской диссертации монография С.В. Санникова²¹. Однако представляется, что в нём почти не уделено внимание племенным, германским компонентам восприятия власти, а попытка автора найти основания образов власти в культурных архетипах по К.Г. Юнгу кажется не вполне оправданной при изучении феномена репрезентации власти этого времени.

Таким образом, несмотря на то, что изучение власти в Раннее Средневековье в её символическом и коммуникативном аспекте, является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей современной российской медиевистики²², относительно V – VI веков остаётся лакуна, которая не может быть заполнена только исследованием С.В. Санникова. Восстановление преемственности с Классическим и Поздним

²⁰ См. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. Сокр. пер. с ит. В.П.Гайдука; Вступ. Статья и общ. ред. В.И.Уколовой, Л.А.Котельниковой. М.: «Прогресс». 1987. В особенности первый том, посвящённый германской воинской культуре.

²¹ Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во НГТУ. 2011.

²² В текущем году на защиту были вынесены две диссертации на соискание степени кандидата исторических наук на весьма показательные темы: «Образ власти в каролингской литературе VIII-IX веков» (Гайворонский И. Д., защита 15.02.17) и «Отражение актов политико-символической коммуникации в сочинениях оттоновского времени» (Ануфриева А.С., защита 15.03.17). Несколько ранее была защищена сходная по тематике диссертация на соискание степени кандидата культурологии – Бразговский Ф.С. Репрезентация власти в культуре Раннего Средневековья. Дис. канд. культурологии № 24.00.01: защищена 03.06.13 в РГПУ им. Герцена // Архив диссертаций библиотеки РГПУ им. Герцена. В ней особенно ценно введение проблематики в широкий общетеоретический контекст.

Средневековьем важно при исследовании репрезентации власти в европейской культуре. Ведь, на протяжении долгих столетий Раннего Средневековья было бесспорно *«лидерство средиземноморской Европы в выработке практик репрезентации власти — лидерство, задававшееся в конечном счете константинопольским двором»*²³. При такой постановке проблемы становится чрезвычайно значимым место Италии в трансляции византийского влияния на остальную Европу, в первую очередь, на императоров – Каролингов, Оттонов и Салиев – через Рим и двор наместника св. Петра. Фигура Теодориха, первого яркого политического деятеля постимперской Италии, во многом была знаковой и для современников, и для последующих правителей Италии: Карл Великий увез из Равенны в Аахен его конную статую, Оттон Великий перестроил заложенную им церковь, в новом оформлении которой появились сцены из жизни Теодориха. Таким образом, созданные вокруг его власти образы действительно следует оценивать в качестве значимого звена в указанной преемственности.

Поэтому в качестве **задач исследования** выступают следующие:

1. Осуществить анализ репрезентации власти Теодориха, связанной с готским компонентом гото-италийского единства. Для этого: уяснить природу и основные направления существующего научного дискурса в изучении остготской идентичности; проследить путь легитимации власти Теодориха до прихода в Италию через анализ моментов, значимых для собирания престижа; проанализировать ориентированную на готов репрезентацию власти Теодориха внутри официальной идеологии его правления и образ его власти, создаваемый в дипломатических письмах к другим варварским лидерам.

2. Осуществить анализ репрезентации власти Теодориха, лежащей в русле греко-римской позднеантичной традиции. Для этого: изучить репрезентацию власти Теодориха перед лицом восточных императоров и

²³ М.А. Бойцов. Величие и смирение. С. 331.

возможную реакцию на эту репрезентацию в тексте «Войны с готами» Прокопия Кесарийского; проанализировать репрезентацию власти Теодориха внутри официальной идеологии его правления (и отдельно церемониальную и визуальную составляющую) и текст второй части Анонима Вalezия как свидетельство осмысления власти Теодориха под воздействием комплекса методов её репрезентации.

Источниковая база позволяет решить поставленные в работе задачи. В неё входит большая часть письменных источников по истории Остготской Италии, известных российской историографии. Важнейший из них – корпус *Variae* в 12 книгах, созданный Флавием Магном Аврелием Кассиодором Сенатором, квестором и магистром оффиций остготских королей. *Variae* представляет собой своеобразное «*профессиональное портфолио Кассиодора*»²⁴, являясь блестящим риторическим памятником эпохи, в создании которого литературные цели, безусловно, превалировали над конъюнктурно политическими²⁵. Публикуя те послания, которые он составлял от лица правителей Остготской Италии, Кассиодор создавал риторический образец для «бюрократии» (*officiales*)²⁶, реализуя путь государственного служения, устремленного к тому, чтобы продолжаться посмертно, служения, которое становится примером для подражания и, следовательно, для воспроизведения.

Первое и наиболее авторитетное издание *Variae* Кассиодора осуществил Т. Моммзен, подготовивший публикацию источника в *Monumenta Germaniae Histotica*²⁷. Он сопроводил издание самым полным на данный момент историко-филологическим комментарием, составленным на латинском языке. Все последующие исследователи так или иначе ориентировались на работу Т. Моммзена. Последнее издание *Variae* в переводе на английский язык (и единственный хоть сколько-нибудь полный

²⁴ Gillett A. The Purposes of Cassiodorus *Variae* // *After Rome's Fall: Narrators and Sources of Early Medieval History*. Ed. A. C. Murray. Toronto; Buffalo. 1998. P. 43.

²⁵ Gillett A. The Purposes of Cassiodorus *Variae*. P. 48.

²⁶ Gillett A., The Purposes of Cassiodorus *Variae*. P. 45.

²⁷ Cassiodori Senatoris. *Variae*. Rec. Th. Mommsen. *Monumenta Germaniae Histotica*, Tomus XII, Berolini MDCCCXCIV.

перевод на новый европейский язык) с детальным комментарием, освещающим некоторые особенности стиля и семантики текстов *Variae*, вышло в свет в Ливерпуле в 1992 г. Его подготовил С. Барниш²⁸. Кроме того, фрагменты отдельных посланий *Variae* с их переводом на английский язык и подробным комментарием включены отдельной частью в монографию Р. Макферсона «Рим во время упадка. *Variae* Кассиодора в их литературном и историческом аспекте» (1989)²⁹, где сделана попытка вписать *Variae* Кассиодора в общий контекст риторической традиции Поздней Античности. Единственный перевод на русский язык нескольких отдельных посланий *Variae* осуществила М.Е. Грабарь-Пассек в 1970 г.³⁰ Единственным современным российским специалистом, изучающим тексты этого источника, является П.П. Шкаренков³¹.

Не менее значимое место занимает второй фрагмент Анонима Вalezия (*Excerpta Valesiana II*), который Т.Моммзен назвал “*Chronica Theodericiana*”³². Текст, дошедший до нас в веронской рукописи IX века, был впервые опубликован в 1636 г. французским учёным Анри де Валуа, которого в русской историографии традиционно называют Генриком Вalezием, в его издании Аммиана Марцеллина³³. Последний перевод на

²⁸ Selected *Variae* of Magnus Aurelius Cassiodorus Senator. Translated with introduction and notes by S. J. B. Barnish. Liverpool: Liverpool University Press. 2006 (reprint, first publishing in 1992).

²⁹ Macpherson R. Rome in involution. Cassiodorus' *Variae* in their literary and historical setting. Poznan. 1989.

³⁰ Кассиодор. Разное. Пер. М.Е. Грабарь-Пассек // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков. М. Наука. 1970.

³¹ Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии по “*Variae*” Кассиодора. Миф, образ, реальность. М.: РГГУ (Библиотека студента). 2003. Это исследование, посвящённое конструированию образов в текстах *Variae*, отнесено именно к изучению источника, а не к в широком смысле историографии по изучению репрезентации власти, поскольку оно в большей степени направлено на текст, чем на попытку выйти за его пределы. Кроме того, при его создании практически не задействовалась современная зарубежная литература по изучению *Variae*, а она довольно значительна.

³² *Excerpta Valesiana*. Pars II. Rec. J. Moreau. Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Academia Scientiarum Germanica Berolinensis. Lipsiae in Aedibus B.G. Teubneri. 1961.

³³ Основная литература по изучению: Barnish S.J.B. The Anonymus Valesianus II as a Source for the Last Years of Theoderic. *Latomus*. 1983; Croke B. Latin Historiography and the Barbarian Kingdoms // Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D. Ed. By G. Marasco. Brill, Leiden, Boston. 2003; Kovacs T. Some remarks on Anonymus Valesianus' Pars Posterior. Conference of Scientific Students' Associations (TDK). University of Szeged. 2008.

русский язык второй части Анонима Валезия был выполнен В.М. Тюленевым в 2000 г.³⁴

Другим важным источником, освещающим правление Теодориха в Италии, является «Война с готами» Прокопия Кесарийского³⁵, высокообразованного секретаря полководца Велизария и непосредственного очевидца значительной части описываемых им событий 535 – 550 гг. О другой части он имел возможность получить сведения из первых рук. Кроме того, он мог иметь также доступ к документам, поскольку в 550-ые гг. он писал свои 8 книг войн в Константинополе, фактически на положении придворного историографа императора Юстиниана. Также был привлечён другой труд Прокопия – «Тайная история»³⁶, вызывающий острые дискуссии на протяжении 400 лет, прошедших с момента обнаружения рукописи. Чаще всего «Тайную историю» называют «памфлетом» и относят к 50-ым гг. VI в. (552 г., 550/551 или 558/559 гг.). Она целиком посвящена правлению императора Юстиниана, «нарисованному» в исключительно тёмных тонах, что особенно контрастирует с книгами войн, в которых создан парадный образ императора-победителя.

Кроме того, к работе был привлечен Панегирик Эннодия, подготовленный им в честь Теодориха Великого предположительно в 507 году. Корпусом дошедших до нас сочинений Эннодия, включая его письма, занимается российский специалист В.М. Тюленев³⁷, он же издал перевод на русский язык некоторых из них, включая Панегирик³⁸.

³⁴ Аноним Валезия. Извлечения // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты). Сборник научных трудов памяти Клавдии Дмитриевны Авдеевой. Иваново.: Ивановский государственный университет. 2000.

³⁵ Прокопий из Кесари. Война с готами. Пер. с греч. С.П. Кондратьева, вст. статья З.В. Удальцовой, отв. ред. Е.А. Косминский. М.: Издательство АН СССР. 1950.

³⁶ Прокопий Кесарийский. Тайная история // Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер., статья, ком. А. А. Чекаловой. М.: Наука. 1993.

³⁷ Например, его статьи: Тюленев В.М. Герои и образы прошлого в «Панегирике Теодориху» Эннодия (с. 168 – 173) // ANTIQUITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 3: Проблемы источниковедения античной истории: Взгляд на историю и историческая информация в трудах античных авторов. Под ред. Махлаюк А.В., Молева Е.А.. Нижний Новгород. 2011; Его же. Эннодий – штрихи к портрету раннесредневекового интеллектуала (с. 47 – 60) // Проблемы социальной истории и

В качестве вспомогательных источников был привлечен ряд текстов, ограниченный необходимостью и состоянием дискуссий на тему достоверности тех или иных данных из них³⁹. Так жизнеописание Константина Великого, написанное епископом Евсевием Кесарийским в первой половине IV в.⁴⁰, было привлечено при изучении погребальных практик в позднеантичной традиции, а фрагменты сочинения Приска Панийского⁴¹ для сравнения некоторых черт политической культуры остготской Италии с гуннской политической культурой. Обращение к *Getica* Иордана в связи с задачами данной работы потребовало бы отдельного исследования, поэтому текст этого источника привлекался с осторожностью – только в тех конкретных случаях, когда он помогал при анализе конкретных проблем, не связанных с достоверностью текста, его принадлежностью Кассиодору и историей влияния источника на последующую традицию.

Основные исследовательские методы, используемые в данной работе: метод системного анализа, позволяющий изучать репрезентацию власти Теодориха Великого как комплекс взаимосвязанных элементов; сравнительно-исторический метод, направленный на сопоставление реалий различного культурного контекста. Изучение образа власти и методов его конструирования предполагает междисциплинарный подход. Поскольку значительная часть работы посвящена образу Теодориха Великого в конкретных текстах, принадлежащих античной риторической традиции, рационально использование некоторых методов филологической науки и

культуры Средних веков и Раннего Нового времени, вып. 8 (юбилейный). Под ред. Ю.А. Дворниченко. СПб.: Исторический факультет СПбГУ. 2010.

³⁸ Магн Феликс Эннодий, Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа тицинской церкви. Панегирик королю Теодориху. Житие блаженного монаха Антония. Благодарение за свою жизнь. Пер. с латинского, вступ.ст., коммент. и указатели В.М. Тюленева. СПб.: Издательство Олега Абышко. 2013.

³⁹ В связи с существованием масштабной дискуссии о датировке и авторстве «Эдикта Теодориха» (о чём речь шла выше), не представляется возможным использовать Эдикт в качестве одного из источников для написания данной работы.

⁴⁰ Четыре книги Евсевия Памфила, епископа Кесарии Палестинской о жизни блаженного василевса Константина. Перев. СПб Духовной Академии, пересм. и испр. В.В. Серповой, примеч. А. Калинин. М.: изд. группа Labaum. 1998.

⁴¹ Сказания Приска Панийского, Отрывок 8^й (448 г. по Р. Х.; Феод. 41-й) (Exс. De leg. Rom. P. 47—71; В. 169—212). Под ред. И.И. Срезневского. Санкт-Петербург.: Типография императорской Академии Наук. 1861.

литературоведения (структурный и концептуальный методы, метод семантико-стилистического и интертекстуального анализа).

Научная новизна работы. В рамках данного исследования даётся комплексный анализ репрезентации власти Теодориха Великого как совокупности образов и методов их конструирования.

Теоретическая значимость исследования. Содержание и выводы данной работы могут способствовать расширению теоретических представлений о сущности власти правителей на рубеже Поздней Античности и Раннего Средневековья, а также построению преемственности практик репрезентации власти в эпоху Средних веков.

Практическая значимость исследования. Выводы и материалы данного исследования могут быть использованы при подготовке статей и докладов, посвященных властным отношениям IV – VI вв., истории Остготской Италии, потестарным традициям остготов, самой фигуре Теодориха Великого и специфических политических сообществ, в российской историографии называемых «варварскими королевствами».

Структура работы. Решению каждой из поставленных задач посвящена соответствующая по номеру отдельная глава⁴². Приложением выступает комментированный перевод 12 дипломатических посланий Теодориха к другим варварским лидерам из корпуса *Variae*, осуществленный автором работы. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы и приложения.

За рамками данного исследования остаётся вопрос взаимодействия короля с духовенством, литургическая и теологическая составляющая репрезентации его власти и образов, создаваемых в отдельных текстах. Представляется, что эта тема требует отдельного исследования.

⁴² «Готский» и «римский» аспекты конструирования образа власти Теодориха, короля, строившего готоримское единство, разделены искусственно, исключительно в целях удобства рассмотрения и подачи материала. Иными словами, автор работы не настаивает таким образом на сегрегации культур и их носителей. Основанием для такого разделения служит работа с традицией: условно «готской», «германской» в одном случае и средиземноморской, позднеантичной в другом.

Глава I

Теодорих – король готов

Остготская Италия, бесспорно, относится к тем специфическим политическим сообществам, которые в научной литературе традиционно носят название варварских королевств. Однако само смысловое наполнение этого термина значительно меняется от работы к работе, особенно в связи с развитием со второй половины прошлого века концепций построения групповой идентичности в разные исторические эпохи. Для времени Великого переселения народов эти концепции связаны преимущественно с теми группами, которые в предшествующей историографии назывались варварскими народами, и даже теперь – при всём плюрализме оценок – их во многих случаях странно называть иначе. Остготы Теодориха Амала, чьи мечи и копья утвердили его в Италии, были такой группой, поэтому необходимо, опираясь на существующий научный дискурс, хотя бы попытаться определить, что это была за группа. В рамках данной работы важно изучить те аспекты репрезентации власти Теодориха Великого, которые были направлены на членов этой группы, а также направленное вовне конструирование образов его власти, связанное с племенным миром.

§1. Готская идентичность в научных дискуссиях последних десятилетий

В латинских источниках эпохи Великого переселения готы как социальная группа обычно называются *gens Got(h)orum*, *Got(h)i* – и все существующие концепции построения готской идентичности строятся во многом вокруг толкования этого сочетания. Для авторов источников такие слова, как *gens*, *genus*, *genealogia*, *natio* явно содержали представления об

общности происхождения⁴³ – но всегда ли биологического? У авторов-христиан, – а Кассиодор, автор крупнейшего из важных для данной работы источников, был не только христианином, но и богословом, – понятие *gens* окрашивалось в библейские, патриархальные, теогонистические⁴⁴ и эсхатологические тона. Однако в рамках современных концепций построения идентичности⁴⁵, авторы которых избегают говорить о какой-либо биологической обусловленности, акцент на общность происхождения в слове *gens* переносится из сферы реальности в сферу сознания: к группе принадлежит тот, кто разделяет её групповую идентичность. Понимание общности, таким образом, рассматривается как процесс коммуникации: идентичность – это вопрос восприятия⁴⁶ других и себя в соотношении с другими.

Если же говорить о второй части этого загадочного сочетания, *gens Got(h)orum*, то стоит сразу отметить, с одной стороны, её сущностную связь с германскими языками, поскольку речь, безусловно, идёт о самоназвании, с другой стороны – её включенность в систему античной этногеографии с собственной длинной традицией. По всей вероятности, в I-II вв., среди германцев, двигавшихся на юг из Северной Европы, это слово было применимо в особенном смысле (мужи? герои?) и только к довольно ограниченной группе. Возможно, вначале «готы» были лишь «вожди», определяющий класс восточных германцев⁴⁷ – племенная знать, становящаяся дружинной. И только во время пребывания в Причерноморье слово «готы» приобрело ясное и чётко очерченное этническое значение – то есть они превратились в *gens*. В конце IV века в их истории настала пора серьёзных изменений, связанных с гуннским нашествием, и те готы,

⁴³ Вольфрам Х. Готы. С. 17.

⁴⁴ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 24.

⁴⁵ Краткое изложение истории вопроса, от XIX века до последних десятилетий – Heather P. Ethnicity, Group Identity, and Social Status in the Migration Period. P. 17 – 50.

⁴⁶ Heather P. Ethnicity, Group Identity, and Social Status in the Migration Period. P. 21

⁴⁷ Скардильи П. Готы: язык и культура. Пер. с нем. А.Д. Сыщиков; науч. ред. перев. Г.А. Баева, П.В. Шувалова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История. 2012. С. 67 Подчеркну особо, что П. Скардильи не историк, а филолог и культуролог, поэтому этот его вывод опирается на исследование языка, а не чего-либо другого.

которые под властью отца и дядей Теодориха расселились в Паннонии, были группой, вынесшей свою идентичность из плавильного котла гуннской империи⁴⁸. Перед походом в Италию они соединились на Балканах с другой, неамальской группой – и собственно история *exercitus Gothorum* в таком составе не насчитывала и десяти лет к моменту падения Одоакра⁴⁹.

Пожалуй, наиболее развёрнутую концепцию того, чем сущностно являлся варварский *gens* – и в данном случае *gens Gothorum* – разработал Х. Вольфрам, остальные же построения кажутся зависящими от него или как критика, или как продолжение и развитие его взглядов. В самом общем смысле ядром его теории является представление *gens* в качестве процесса, группы в постоянном становлении, полиэтничной, многосоставной и объединённой верой в общее происхождение, выраженной в племенном предании⁵⁰. Постулируемое отсутствие биологической обусловленности, полиэтничность *gens* позволило объяснить высокую гетерогенность населения, которую показывают исследования физической антропологии и археологический материал к северу от зоны Лимеса⁵¹. Стержневая роль племенного предания в концепции Х. Вольфрама, когда вера в общность происхождения является критерием разделения идентичности, делает фактической основой мифологию – тот комплекс вышедших ещё из первобытности постепенно освобождающихся от табу рассказов, относящихся к представлениям о сакральном, которая в дальнейшем станет

⁴⁸ Хизер П., Великие завоевания, с. 363.

⁴⁹ П. Хизер считает этот момент принципиально важным, поскольку по его мнению готам пришлось выработать новую идентичность – Heather P., *Gens and regnum among the Ostrogoths*. (p. 87 – 133) // *The transformation of the Roman world. Volume 13 “Regna and gentes”*. Brill, Leiden, Boston. 2003. P. 87 – 91.

⁵⁰ Вольфрам Х. Готы. С. 24: «*Gens* - это как большая группа, так и род; как часть племени, так и конфедерация нескольких этнических общностей. *Gens* времен Великого переселения народов не была сформировавшимся территориально-политическим единством, она представляла собой не сложившуюся национальную идентичность, не состояние, а подвижный процесс. *Gens* в стадии формирования (*Origo-Stadium*) - всегда «в пути», *in peregrinatione*, цель которого заключается в том, чтобы посредством королевской власти и истинной веры (что, вероятно, всегда означало одно и то же) превратиться в народ (*populus*)».

⁵¹ Алексеева Т.И., Славяне и германцы в свете антропологических данных. Вопросы истории. № 3. 1974. С. 64 – 65 – об антропологических различиях между готами и черняховцами, тогда как выработан довольно единый взгляд на то, что Черняховская культура совпадает по времени и территории с готской державой Эрманариха.

германским эпосом. Носителем же предания, а значит – и центральной группой, вокруг которой объединяются те, кто разделяет идентичность, для Вольфрама был королевский род – у остготов это Амалы.

Основным механизмом взаимодействия империи с варварскими народами, по мнению Х. Вольфрама, была функционализация: *gens* превращался в армию, его глава – в полководца на службе империи, с подобающими привилегиями и обязанностями. На этом основании *gens* как федератское войско мог самостоятельно избрать себе короля, похожего в этом смысле на императора, поскольку и в это время армия и формально, и фактически имела весомый голос при выборах императора⁵². Это иногда считают контаминацией понятий «король» и «император» в первых варварских королевствах⁵³, однако семантика самого понятия империи была слишком насыщенной, чтобы какой-либо варварский король мог претендовать на неё во всей полноте – оставалось только подражание, *imitatio imperii*. Поэтому в целом изложенные взгляды Х. Вольфрама можно назвать условно «концепцией империализации *gens*»⁵⁴.

Критика изложенной выше концепции распадается на несколько магистральных линий. Первая из них смыкается с новейшим скептицизмом в отношении археологии и сводится к той мысли, что свидетельства материальной культуры не несут на себе однозначного отпечатка культуры духовной, в частности такого её факта, как этническая идентичность⁵⁵. Поэтому, а также из-за специфики античной этногеографии археологические культуры невозможно соотносить с теми или иными известными по письменным источникам племенами⁵⁶.

⁵² Чекалова А.А., Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV - первая половина VII века. М.: Наука. 2010. С. 170-180.

⁵³ Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов. С. 77.

⁵⁴ Вольфрам Х. Готы. С. 28.

⁵⁵ Garipzanov I.H., Geary P.J., and Urbańczyk P. Introduction: Gentes, gentile, identity, and state formation in early Medieval Europe // Franks, Northmen and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. P. 2 – 5.

⁵⁶ В связи с этим очень интересна дискуссия о статье М. Казанского на коллоквиуме по истории остготов в 2007 году – The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. P. 108 (discussion).

Другая линия критики – в сущности, попытка оспорить тезис о функционализации и заявить, что идентичность по функции – по принадлежности к территориальному военному сообществу (для готов балканскому) – была единственной реальной идентичностью. В русле такого рода взглядов риторическая топика, в которой варвар равен солдату – образ, за которым не стоит реальности⁵⁷, общее платье – только военная форма⁵⁸, а собственное право – только часть в общей тенденции права Поздней Империи к разделению гражданской и военной сфер⁵⁹.

Третья линия подвергает критике, казалось бы, самое существенное свидетельство существования готской этнической идентичности – готский язык. П. Амори отказывает готам в языковом единстве и языковой состоятельности, считая, что письменный готский язык Библии Вульфилы не имеет ничего общего с тем языком, на котором готы говорили в реальности. Он – интеллектуальный конструкт и язык литургии, а живой разговорный – пёстрая смесь латинских, греческих слов и германских диалектов, сложившаяся на Балканах⁶⁰.

Четвертая линия критики занята готским преданием: тем, что нет никакой возможности извлечь его из источников, более-менее совпадающих по времени (поскольку все записи германского эпоса и поэзии относятся к другим регионам и в основном к другой эпохе)⁶¹ – и тем,

⁵⁷ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 25.

⁵⁸ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 96.

⁵⁹ П. Амори провёл в указанной работе провёл детальное исследование просопографии, пытаясь выяснить индивидуальное мнение тех, кого называли «готами» (и кто сам себя так называл), об их идентичности. Исследование это, однако, не свободно от недостатков. Не мне их здесь разбирать, тем более, что детальная критика дана П. Хизером – Heather P. Merely a ideology? - Gothic identity in Ostrogothic Italy. P. 31 – 59.

⁶⁰ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 102 – 103. Более того, Амори считает, что и для Теодориха язык его народа был только языком военных (просто Фридрих Великий, с его немецким – языком для плаца и казармы), но нет ни одной ссылки на какие-либо источники - Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 107: «*Theoderic associated nostra lingua (never called "Gothic" by him) with the world of military training and the camp*».

⁶¹ В этой связи весьма интересна дискуссия П. Хизера и М. Казанского, в который первый исходил из исключительно текстовой преемственности (сюжеты из *Getica* Иордана через каролингские сочинения попали в Скандинавию и Исландию при записи там того, что обычно называют скандинавским эпосом), а второй из существования устной народной традиции, способной передавать предание, вопреки времени и расстоянию – см. *The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century*. P. 102.

что центральная роль королевского рода Амалов как носителей предания и стержня устойчивости идентичности полностью конструктивна⁶².

Однако необходимо всё же привести несколько аргументов в пользу самого существования готской групповой идентичности, какой бы ни была её природа. Таких аргументов, как кажется, три. В первую очередь, это всё-таки существование письменного готского языка, что было бы невозможно, если бы не существовала длительное время (хотя бы два – три столетия) устойчивая группа его носителей, совершенствовавших его поэтические возможности⁶³. Во-вторых, это тот факт, что в Остготской Италии активно развивалась именно готская письменная культура, отражавшая культивацию специфических, отличных от римских культурных форм⁶⁴, что вряд ли произошло бы, если бы готы не разделяли никакой идентичности, кроме военной и вынесенной с Балкан. В-третьих, это длительность и ожесточённость готских войн, которые могли бы завершиться гораздо быстрее и быть менее кровопролитными, если бы у готов не было твёрдого самосознания и ощущения общности перед лицом врага⁶⁵.

§2. Теодорих Великий до Италии: путь легитимации власти

Анализ стратегий репрезентации власти Теодориха Великого сущностно связан с пониманием того, кем он был до своего появления в Италии – внутри какой политической культуры существовал, носителем какого статуса в ней был, каким потестарным традициям был причастен.

⁶² Довольно значительная часть академической деятельности П. Хизера направлена на доказательство того, что амальская традиция была придумана Кассиодором в первой трети VI века. Основная работа здесь – Heather P. Cassiodorus and the Rise of the Amals: Genealogy and the Goths under Hun Domination (p. 103-128) // The Journal of Roman Studies. Vol. 79. 1989. От этой позиции он не отошёл и в более позднее время, считая её доказанной – например, Хизер П., Великие завоевания варваров, с. 336 (где в качестве сравнения с готскими Амалами привлекаются материалы по истории других народов).

⁶³ Скардильи П. Готы. Язык и культура. С. 13.

⁶⁴ Swain B., Goths and Gothic Identity in the Ostrogothic Kingdom // A Companion to Ostrogothic Italy. Ed. by Arnold J., Bjornlie S., Sessa K. Brill Academic Publishers: Brill's Companions to European History. 2016. P. 224

⁶⁵ С этим согласен и П. Хизер, но он видит здесь успешность формирования новой готской идентичности именно в королевстве Теодориха – Heather P. Gens and regnum among the Ostrogoths. P. 132.

Помимо центральных инаугурационных церемоний – таких, как коронации в Средние века – можно говорить и о других, менее заметных, но тоже весьма значимых. С их помощью происходило «собрание» престижа, иногда довольно длительное и растягивающееся на десятилетия, без этого пути невозможно было итоговое признание легитимности власти пришедшего к ней. Особенно ценно, когда состояние источников позволяет проследить если не все, то наиболее важные этапы такого процесса.

Теодорих, сын Тиудимира, родился в день победы паннонских остготов над одним из сыновей Аттилы, вторгшимся во владения трех братьев-королей из рода Амалов, чтобы привести к покорности бывших подданных⁶⁶. Приурочение рождения того, кто в будущем покроет себя славой, к знаменательной победе готского оружия созвучна как духу античной традиции жизнеописаний великих деятелей, так и культу военной доблести, процветавшему среди германцев и ставшему неотъемлемой чертой их риторического образа в латинских и греческих сочинениях. По рождению и воспитанию на протяжении всего доиталийского периода Теодориха стоит рассматривать, как носителя вполне определенной культуры. Это специфическая аристократическая культура военных вождей на службе Империи, германского и провинциального происхождения, имевших собственные армии однородного или смешанного состава, часто вступающие в конфликты между собой и даже с императором за должности, титулы, земли и финансирование для своих армий-племен⁶⁷. Для политического мышления этих людей были характерны два основополагающих свойства. Во-первых, они не представляли себя вне Империи, в отрыве от нее, как единственной формы цивилизованного существования, фактически, как единственной известной им государственной формы. Во-вторых, в этой Империи они не могли помыслить себя в роли публично представляемого верховного носителя

⁶⁶ Иордан. *Getica*. 268 – по изданию Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вст. статья, пер., ком. Е. Ч. Скржинской. 2002.

⁶⁷ Amory P. *People and identity in Ostrogothic Italy*. P. 27.

власти. Таковым для них был император, на место которого было невозможно претендовать. Наибольшим, чего они хотели для себя, было место верховного военачальника и «теневого» правителя, какими были Стилихон, Рицимер и Аспар.

Как единственный наследник дома Амалов и кандидат в будущее предводители остготского войска Паннонии Теодорих в довольно юном возрасте был отправлен в Константинополь в качестве заложника, дабы обеспечить лояльность Валамира, старшего из остготских вождей. Через десять лет он вернулся к отцу, который к тому времени стал наследником Валамира и старшим вождём по отношению к своему брату Видимиру. И тогда сыну Тиудимира пришлось доказывать отцу и его людям, что он достоин своего происхождения, деяний отца и дядей и той роли, на которую он претендовал по праву рождения и по уже прогнозируемому согласию императора.

Теодорих с блеском справился с этой задачей, предприняв поход против тревожившего Паннонию «короля сарматов» Бабая. С третьей племени-войска он перешел Дунай, напал на основные силы сарматов, разбил их, убил Бабая и взял их «столицу» Сингидун [совр. Белград – Я.Б.]. Этим успешным походом юный Амал легитимизировал себя как господина собственного права, полностью осознавая значимость произошедшего. В дальнейшем, когда он праздновал в Риме в 500 г. свои триценналии⁶⁸, Теодорих сам возводил начало своей королевской власти именно к этому моменту. Это первое действие на пути собирания престижа, становления персональной харизмы обладало действительной значимостью. Так, очевидно связанный с италийскими имперскими структурами Хильдерик, не сумев быстро доказать свою состоятельность в качестве полководца⁶⁹, был изгнан на семь лет франками, нашедшими себе другого властителя. С

⁶⁸ Вольфрам Х. Готы. С. 382.

⁶⁹ Старостин Д. Н. Возникновение королевства франков в контексте взаимоотношений Римской империи и варваров: Хильдерик и проблемы легитимности первых меровингских правителей // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Т. 12. СПб. 2015. С. 77-93.

этим сюжетом, возможно, связан и тот факт, что сценарий власти поколения Тиудимира не был повторен его сыновьями⁷⁰: у Теодориха был еще как минимум один брат, однако в источниках нет ни малейшего намека на его самостоятельность, похожую на ту, которой пользовались младшие братья Валамира.

В 474 г. умер Тиудимир, и единственным вождём остготов в Паннонии стал Теодорих. В ряде работ можно встретить фразу, что тогда же он был «избран королем», однако необходимо считаться с тем, что со всей уверенностью невозможно восстановить традиционный порядок наследования власти у ближайших предков Теодориха. Во всяком случае, речь шла о том, что он, как старший потомок мужского пола трех вождей остготов (не единственный, так как у него точно был младший брат и кузен Видимир, отправившийся с отцом в Италию), выросший в Константинополе, обласканный императором и заручившийся его благосклонностью, уже показавший себя как не лишенный дарований полководец, был воспринят готами в качестве естественного преемника Тиудимира в роли вождя их племени-войска.

Паннонские соплеменники Теодориха не были единственными остготами на Востоке – как минимум, существовала еще одна крупная группа во Фракии, тоже сформировавшая армию на службе империи. Эту группу недавно возглавил Теодорих Страбон, крупный лидер военной партии, группировавшейся ранее вокруг одного из двух верховных главнокомандующих: «магистров милитум» (*«magister militum praesentalis»* - дословно, военный наставник, лично присутствующий [при особе императора]) Востока Империи – Аспара, казненного императором Львом I в 471 г., которого теперь сменил его зять Зенон. Дело осложнялось тем, что в 473 г. Теодорих Страбон был признан императором Львом «королем всех готов», хотя сменивший его в следующем году Зенон не торопился этого подтверждать.

⁷⁰ Heather P. Gens and regnum among the Ostrogoths. P. 89.

Следующие семь лет прошли в борьбе Теодорихов, каждый из которых по выражению Х.Вольфрама «*рассчитывал монополизировать остготскую корону*»⁷¹. Так же можно предположить, что оба остготских предводителя, в сущности, делили место Аспара – наиболее могущественного военачальника-германца, занявшего высшую военную должность Империи, имевшего существенное влияние на императора и окруженного всем тем блеском, который соответствовал подобному положению.

Эти годы стали для Теодориха временем жестоких уроков войны и политики, а также практического применения знаний о принятых в кругу военачальников империи методах репрезентации своей власти. Рассказ хрониста Малха, практически современника событий, о его переговорах с Адамантием и с Теодорихом Страбоном показывает, что сын Тиудимира прекрасно владел этими методами⁷². Переговоры с двух берегов одной реки наглядно демонстрируют власть военачальника над пространством, занятым его войском. В этом случае река служит зримой и осязаемой границей сфер влияния. Выходя ради дипломатической встречи на два берега одной реки, два генерала или варварских вождя, а в V веке граница между этими категориями давно уже стала призрачной, не просто заботились о практических вопросах безопасности, но и выбирали самый понятный способ донести до сознания своего оппонента: этот берег – мой, здесь господин – я и никто более.

По прошествии трудных семи лет и после того, как были улажены неурядицы после смерти Теодориха Страбона, в 484 г. Теодорих Амал по крайней мере внешне занял то положение, за которое он боролся со Страбоном: вся совокупность почестей, которые ранее оказывались Аспару, перешла к сыну Тиудимира. А именно должность верховного главнокомандующего, консульство, звание патрикия⁷³ и «друга» (*amicus*)⁷⁴,

⁷¹ Вольфрам Х. Готы. С. 388.

⁷² Малх, Фр. 15 – Малх. Фр. 15, 18 // Гордон К. Эпоха Аттилы. Римская империя и варвары в V веке. Пер. И. Куликова. М: Центрполиграф. 2014.

⁷³ Звание консула в Восточной империи ко второй половине V века уже превратилось в важный, но всего лишь почетный титул, таким образом, консульство Теодориха было пусть и значимым, но только

возведенная в Константинополе конная статуя, право на торжественный въезд в столицу – триумф за победу над булгарами, римское гражданство, усыновление императором по оружию и честь носить императорское имя Флавий⁷⁵. Х.Вольфрам специально подчеркивает, что Теодорих стал консулом *«вероятно, в тридцать три года, - suo anno, «в свой год», - как если бы он происходил из первой римской семьи»*⁷⁶. Тогда же сестра Теодориха Амалафрида была приближена к императорскому двору и возникла перспектива женитьбы сына Тиудимира на дочери скончавшегося в 472 г. западноримского императора Флавия Аниция Олибрия и Плацидии, дочери Валентиниана III⁷⁷.

Однако между Теодорихом и императором оставалась напряженность, которая в конце 80-ых гг. обернулась открытым конфликтом. Его апогей наступил, когда остготы осадили Константинополь. Зенон вышел из положения по-византийски изящно: он вспомнил, что еще десять лет назад Теодорих предлагал свои услуги в качестве человека, который восстановит в качестве западного императора Корнелия Непота. Теперь этот план должен был быть воплощен в жизнь. Непот был уже мертв, однако в Италии оставался Одоакр, не посчитавшийся в свое время с его правами на звание императора.

Теодорих заключил с Зеноном не дошедший до нас договор, согласно которому он должен был действовать в Италии. Из-за утраты этого договора объем полномочий и статус Теодориха приходится

одним из жестов благоволения императора. Гораздо более неоднозначно дарование ему звания патрикия . Восточный патрикиат, зародившийся в правление Константина Великого, прошел длинную эволюцию: из титула, даруемого императором в знак личной близости практически любому угодному ему лицу, он после 421 года начал становиться наименованием особого слоя лиц, занимающих высшие должности в имперском аппарате. Отдельный вопрос – были ли варварские военачальники на службе Империи органичной частью этого слоя. Иными словами, значило ли дарование этого титула лишь новую совокупность почестей или привязывало к конкретной должности, в случае с Теодорихом – к должности *magister militum praesentalis*, и связанным с отправлением этой должности объемом полномочий. О должностях и титулах на Востоке империи – см. Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII века. М.:Наука. 2010

⁷⁴ Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. Prosopography of the Late Roman Empire. Т. II. Cambridge University Press. 1980. P. 1079.

⁷⁵ Gillett A. Was Ethnicity Politicized in the Earliest Medieval Kingdoms? // On Barbarian Identity: Critical Approaches to Identity in the Early Middle Ages. Ed. by A. Gillett. Turnhout. 2002. P. 116.

⁷⁶ Вольфрам Х. Готы. С. 394.

⁷⁷ Пфайльшифтер Г. Глава 2 На службе у Византии // Теодорих Великий.

восстанавливать по косвенным данным, поэтому среди исследователей до сих пор не существует единого мнения на эту тему. Прокопий Кесарийский и Аноним Вalezия единогласно называют выступившего в Италию Теодориха «патрицием» и ничего не говорят о той должности, в которой он находился. Дискуссия на эту тему в научной литературе прошлого века подробно изложена у П.П. Шкаренкова⁷⁸: по мнению О.Штейна, сын Тиудимира, лишенный звания высшего военачальника, был возведен в ранг *magister militum per Italiam*, с точки зрения В. Энслина, в качестве патрикия он становился наместником императора – но лишь почетно, а не фактически. Л.Шмидт же считал, что собственно власть над готами и римлянами в Италии Теодорих имел именно как патрикий. Однако из-за существующей дискуссии о соотношении восточного и западного патрикиата⁷⁹ к этим мнениям следует относиться с осторожностью, равно как и уверенно высказанной П. Амори мысли о том, что Теодорих был в Италии *patricius praesentalis* – тем же, чем были до него Аэций, Рецимер, Гундобад, Орест и Одоакр: фигурами, объединявшими высшую военную магистратуру с наиболее почетным гражданским званием⁸⁰.

На основании только нарративных источников мы можем все же, пусть и довольно приблизительно очертить круг полномочий, прав и обязанностей Теодориха: располагая только собственными силами, он должен был прийти в Италию и сразиться с Одоакром. В случае победы, Теодорих должен был там «царствовать вместо Одоакра»⁸¹, признавая главенство восточного императора, а в случае поражения Зенон мог отказаться от дальнейшего участия в судьбе остготов и даже от своей

⁷⁸ Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии по “*Variae*” Кассиодора. С. 44 – 46.

⁷⁹ Чекалова А.А., Патрикиат // Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. С. 106 – 118.

⁸⁰ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 92.

⁸¹ Аноним Вalezия, фр.2, XI. (49), в оригинале: «...si victus fuisset Odoacar, pro merito laborum suorum loco eius, dum adveniret, **tantum praeregnaret**». Латинский текст цитируется по *Excerpta Valesiana Pars II*. Rec. J. Moreau. Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Academia Scientiarum Germanica Berolinensis. Lipsiae in Aedibus B.G. Teubneri. 1961. Русский перевод цитируется по Аноним Вalezия. Извлечения // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты). Сборник научных трудов памяти Клавдии Дмитриевны Авдеевой. Иваново. Ивановский государственный университет. 2000. Пассаж сам по себе спорный, поскольку положение Одоакра в Италии, вполне легитимное с точки зрения автора Анонима Вalezия, нельзя считать вполне определенным в системе политической власти Восточной империи

причастности к задуманному походу. Восточный император просто с блеском применил в этой ситуации древний принцип *divide et impera*.

В 589 г. после долгого и сложного перехода Теодорих и его войско вступили в Италию и началась длинная борьба с осуществлявшим там власть Одоакром. Уже во второй половине следующего года инициатива окончательно перешла к Теодориху, которого поддержали епископы Севера Италии и вестготы Алариха II. 5 марта 493 г. он вступил в Равенну, однако, не захваченную силой оружия, а полученную ценой соглашения с Одоакром. Для этого Теодориху пришлось разорвать договор с императором. После этого произошло главное событие на пути к власти в Италии и одновременно значимый по германским понятиям символический акт – собственноручное убийство новым союзником Одоакра⁸².

Историографическая традиция останавливается на мотивировке собственноручного убийства, связанной с кровной мстью за ругийскую королевскую чету⁸³, приходившуюся Теодориху дальней родней: Гизо, жена короля ругиев Фево, происходила из рода Амалов. Они были убиты Одоакром во время войны с ругиями, явившейся результатом еще одной хитроумной имперской интриги. Это была не первая кровная мсть в жизни Теодориха, сына Тиудимира: он уже доказал, что серьезно относится к этому обычаю, со всем набором смыслов и символических значений, присущих ей в германском сознании. Ранее он своей рукой убил Рекитаха, сына Теодориха Страбона, запятнавшего себя убийством своего дяди,

⁸² Иоанн Антиохийский, Фр. 214а: «Теодорих и Одовакар согласились в договоре друг с другом, что будут вдвоем править Римской империей, и впоследствии они часто беседовали и навещали друг друга. Однако не прошло и десяти дней, когда Одовакар находился в резиденции Теодориха, и двое сторонников последнего вышли вперед, словно просители, и схватили Одовакара за руки. Вслед за этим выскочили с мечами те, кто скрывался в засаде в комнатах по обе стороны. При виде их жертвы их поразил страх, и когда они не напали на Одовакара, Теодорих сам вышел вперед и ударил того мечом по ключице. Когда он спросил: «Где Бог?» – Теодорих ответил: «Это то, что ты сделал с моими друзьями». Смертельный удар пронзил тело Одовакара до бедра, и, говорят, Теодорих воскликнул: «В этом негодяе определенно нет костей!». Цитируется по Иоанн Антиохийский, Фр. 214 (8), 214а. // Гордон К., Эпоха Атиллы. Римская империя и варвары в V веке. Пер. И. Куликова. М: Центрполиграф. 2014.

⁸³ Вольфрам Х. Готы. С. 398: «Само собственноручное убийство Одоакра Теодорих впоследствии оправдывал тем, что тот несправедливо обошелся с ругийской королевской династией».

связанного с Теодорихом Амалом родственными узами. Обоснованность же устранения Реситаха, осуществленного собственноручно, с конъюнктурно-политической точки зрения представляется достаточно спорной⁸⁴.

На основании проведенного Ф. Кардини анализа отношения германцев к кровной мести⁸⁵ можно сделать вывод о том, что могла значить для Теодориха месть за Фево и Гизо. Убивая Одоакра своей рукой, он мог рассчитывать на метафизическое «превращение в убитого» или «воскрешение» его в себе и, кроме того, включение в группу, которой принадлежал и, в силу своего наиболее высокого статуса в ней, управлял Одоакр. То есть через этот акт Теодорих прибавлял к своей власти ту, которой обладал его поверженный противник и объединял в себе одном функции двух лиц: победоносного главы *exercitus Gothorum*, пришедшего в Италию с согласия императора Зенона, и лидера варварских войск в Италии, которому достаточно долгое время подчинялась и ее римская администрация. Косвенно эти соображения подтверждаются неоднократно отмечаемым этнографами у разных народов обычаем, при котором власть нового вождя начиналась только после того, как он своей рукой убивал предыдущего. Следы таких представлений можно найти и в кельтской традиции⁸⁶, оказавшей бесспорное влияние на готов первых веков новой эры⁸⁷.

⁸⁴ В отношении убийства Одоакра стоит добавить, что в оттоновское время сюжет кровной мести и собственноручного устранения был переосмыслен. В 967 году при поддержке императора Оттона Великого было построено современное романское здание базилики Сан-Дзено Маджоре в Вероне. Видимо, в память о том, что первая базилика на этом месте для останков св. Зенона была построена при Теодорихе Великом, в оформление романского здания были включены сцены из его жизни. В частности, один из барельефов на левой стороне главного портала изображает поединок Одоакра и Теодориха: два всадника, прикрывшись щитами, сошлись настолько, что их кони касаются друг друга копытами передних ног, копьё левого всадника насквозь пронзает правого, почти невидимого из-за щита. В X веке, когда формирование рыцарской этики было уже почти завершено, невозможно было представить гибель одного из соперников в борьбе за власть от руки другого иначе как в поединке. Кроме того, в это время была распространена ордалия в форме судебного поединка, осознававшегося как проявление божьего суда. Таким образом, легитимность правления Теодориха на этих поздних изображениях доказывалась перед его потомками с помощью всей совокупности смыслов, связанных с поединками как проявлениями формирующегося средневекового благородного этоса.

⁸⁵ Кардини Ф. Воинская семья // Истоки средневекового рыцарства. Сокр. пер. с ит. В.П.Гайдука; Вступ. Статья и общ. ред. В.И.Уколовой, Л.А.Котельниковой. М.: «Прогресс». 1987.

⁸⁶ Гюйонварх Х., Леру Ф. Кельтская цивилизация. Пер. с фр. Ю.Н. Стефанова, Г.В. Бондаренко. СПб.: Культурная инициатива, 2001. С. 104: «В предании *Cath Maighe Tuireadh* («Битва при Маг Туред») рассказывается, что «временный» король Брес, дурно об обшедшийся с одним филидом («поэтом»), иначе говоря – с друидом, был принужден знатными мужьями Ирландии «сложить с себя правление».

Только Аноним Вalezия пишет о произошедшем после смерти Одоакра событии, чрезвычайно важном для дальнейшего конструирования образа власти Теодориха в Италии, осознания ее помещения в существующую властную систему. Он был избран королём: «*Готы объявили своим королем Теодориха, не дожидаясь предписания нового императора*»⁸⁸. В этом эпизоде заключен самый интригующий, по словам П. Хизера, аспект политической карьеры Теодориха – тот факт, что он был дважды избран королем⁸⁹. Однако во внутренней логике текста Анонима нет противоречия, поскольку до этого Теодорих называется предводителем готов (*dux Gothorum*) или патрикием и только после устранения Одоакра становится королем (*rex*) – обретает положение, равное отцовскому.

Интересно, что совсем ничего не пишет на эту тему Иордан, пользовавшийся написанной при жизни Теодориха «Историей готов» Кассиодора. Но по его версии единственное назначение Теодориха королем произошло еще у смертного одра Тиудимира. По всей видимости, Иордан (если не Кассиодор и не сам Теодорих), не показавший того трудного пути, который привел сына Тиудимира к минуте избрания в Равенне, скрыл финал этого пути из тех же соображений, что и сам путь. Его Теодорих – король готов по праву рождения и наследования отцу и дяде – не нуждался ни в каких дополнительных источниках легитимации своей власти, будь то благоволение императора или воля племени, кроме своей собственной личности, крови и харизмы.

Для того, чтобы хотя бы высказать предположение о значении произошедшего в статусе Теодориха изменения, о котором рассказывает Аноним Вalezия, необходимо обратиться к существовавшим у готов категориям власти и их интерпретации в научной литературе.

Но в действительности король Ирландии никогда не «складывал с себя» власть: он терял ее с жизнью, обычным его концом была смерть от руки будущего короля, более молодого и сильного, чем он».

⁸⁷ Скардильи П., Готы: язык и культура. С. 56 – 58.

⁸⁸ Аноним Вalezия, фр.2, XII. (57): «... *Gothi sibi confirmaverunt Theodericum regem non expectantes iussionem novi principis*».

⁸⁹ Heather P. Gens and regnum among the Ostrogoths. P. 85.

П.П. Шкаренков писал, что на основании текста Библии Вульфила можно выявить значимое соответствие терминов власти: *βᾱσιλεύς* (греческий) = *rex* (латынь) = *þiudans* (готский); *ἄρχων* (греческий) = *princeps* (латынь) = *reiks* (готский). «*Reiks*», как и «*princeps*» в эпоху Поздней Империи, означает всего лишь «знатный», тогда как на высшую власть указывает лишь «*þiudans*», готский эквивалент латинского термина «*rex*» и греческого «*βᾱσιλεύς*»⁹⁰. Таким образом, в момент, описанный Анонимом Вalezия, титул Теодориха изменился именно в готском понимании.

С.В. Санников, комментируя это высказывание, отмечает, что из-за отсутствия каких-либо источников, позволяющих делать выводы о соотношении языка Готской Библии и живого разговорного готского языка, подобная корреляция терминов может быть поставлена под сомнение⁹¹. Однако ситуация еще более неблагоприятная, поскольку фактически нет никакой возможности что-либо утверждать о языке остготов⁹², поскольку Вульфила и его последователи вышли из среды тервингов-вестготов. Следовательно, все выводы, которые возможно сделать о категориях власти у готов на основании текста Библии Вульфила, правомерно распространять только на вестготов и, скорее всего, даже только на тервингов до появления Алариха. Для них действительно были характерны довольно сложные представления о власти и статусах ее носителей.

У тервингов не было королевской власти монархического характера, того, что в Библии Вульфила называется *þiudans*. Их территория, не мыслившаяся отдельно от народа, делилась на подразделения – *kunja*, которыми правили вожди – *reiks*⁹³, объединявшиеся в своего рода племенной совет. Для согласования действий в особых или критических обстоятельствах он мог принять решение об избрании особого носителя

⁹⁰ Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии. С. 48 – 50.

⁹¹ Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов. С. 73.

⁹² Скардильи П. Готы: язык и культура. С. 13.

⁹³ Само это слово, по мнению П. Скардильи, демонстрирует, что сами готские представления о власти претерпели существенное кельтское влияние и сохранили память о великих галльских вождях V – IV вв. до н.э. (Скардильи П. Готы: язык и культура. С. 57).

власти – судьи⁹⁴. Подобные представления о власти, при которых различные ее функции не собраны в руках одного носителя, обладающего высшим статусом, но разделены между несколькими людьми (причем как правило соблюдается деление на военную, сакральную и судебскую ветви), характерны для многих дописьменных культур, причем не только индоевропейских⁹⁵.

С принятием христианства готы – и тервинги, и гревтунги – утратили понятие *þiudans*, «владыки народа»⁹⁶, поскольку христианство утверждало принадлежность к общине, к народу во Христе, и только он, соответственно, был владыкой богоизбранного народа христиан. Его же земным воплощением был император – и в именовании его *þiudans* готский язык реагировал на существование системы конкурирующих и взаимопроникающих реалий христианства и империи⁹⁷, которая станет определяющей для культуры средневековой Европы на многие столетия. Другим же властителям оставались категории *reiks* и *kindins*⁹⁸ – военных предводителей и наместников, и возвысившийся над остальными готский владыка мог стать только великим *reiks*⁹⁹.

Х. Вольфрам – автор концепции «империализации» *gens*¹⁰⁰ под властью войсковых королей, первым из которых у готов был Аларих¹⁰¹ – видит в этом новом избрании Теодориха реакцию *exercitus Gothorum* на изменение своего статуса и на изменение статуса их предводителя¹⁰². Готское войско стало войском Италии, приближаясь в этом качестве к имперскому войску, которое выбирает императора. Поэтому потребовалось новое избрание –

⁹⁴ Вольфрам Х. Готы. С. 140.

⁹⁵ Например, для тунгусов, у которых существовали выборные военный и «хозяйственный» вожди и верховный шаман – Савинов Д.Г., Тунгусский «триумvirат» (с. 172 – 181) // Актуальные проблемы изучения Архаики. Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб.: МАЭ РАН. 2014. С. 173 – 176.

⁹⁶ *þiudans* от *þiuda* (готск. «народ»): Скардильи П. Готы: язык и культура. С. 37.

⁹⁷ Аверинцев С.С. Символика раннего Средневековья (К постановке вопроса). М.: Наука. 1977.

⁹⁸ Из всех германских языков это слово сохранилось только в готском, среди трех именно германских понятий для обозначения носителей власти (*þiudans*, *kindins* и *kuningaz*) – Скардильи П. Готы: язык и культура. С. 37.

⁹⁹ Вольфрам Х. Готы. С. 211.

¹⁰⁰ Вольфрам Х. Готы. С. 28.

¹⁰¹ Вольфрам Х. Готы. С. 207.

¹⁰² Вольфрам Х. Готы. С. 401.

символический акт закрепления нового статуса, не столько избрание, предполагающие наличие нескольких кандидатов, сколько собственно провозглашение. Однако представляется необходимым развить эту мысль.

Пришедшее в Италию федератское войско превратилось из личной армии вождя Теодориха в войско, вставшее на постой в центре Западной империи. У его предводителя получилось создать вожделенное королевство, но оно было большим, чем федератское, поскольку располагалось в той части Империи, которую никто не мог считать провинцией – на символически значимой территории. Кроме того, изгнать остготов из этого королевства или направить в другое место с другим заданием теперь было крайне сложно. Объявляя Теодориха королем, готское войско демонстрировало свою самостоятельность: Константинополь, направивший сына Тиудимира в Италию для борьбы с Одоакром, мог бы отозвать его обратно – его, генерала у себя на службе, выполнившего задание, но запятнавшего себя формальным разрывом договора. Однако, избирая Теодориха королём, остготы показывали, что никого другого в этом звании они не потерпят.

Помимо остготов в войске Теодориха были другие германцы, а также еще оставались бывшие воины Одоакра. Первые подчинялись своим вождям, вторые после смерти Одоакра должны были решить, что делать дальше. Участвуя в провозглашении Теодориха королем, они заявляли о своей верности ему.

У избрания Теодориха королём в Италии может быть ещё одно объяснение. Автор Анонима Вalezия делает акцент на том, что как убийство Одоакра, так и провозглашение Амала королём произошли именно тогда, когда Теодорих узнал о смерти императора Зенона¹⁰³. То есть это была реакция готского войска и его полководца на изменение власти в

¹⁰³ Аноним Вalezия, фр. 2. XII. (57): «Когда в Константинополе умер император Зенон, императором стал Анастасий. Теодерих же, который отправил Фауста Нигера с посольством к Зенону, как только стало известно о смерти императора, но еще не возвратилось посольство [выделение моё – Я.Б.], прибыл в Равенну и убил Одоакра; [тогда] готы объявили своим королем Теодериха, не дожидаясь предписания нового императора».

империи, восстановление нормального порядка вещей после периода междуцарствия, завершившегося воцарением нового императора. Избирая Теодориха королём, готы возобновляли свою связь с империей, поскольку одновременно он был военачальником на службе императора.

Однако тот факт, что после смерти Зенона потребовалось не только избрание, но и убийство Одоакра, через которое происходило окончательное подчинение Италии, делает предположение о только восстановлении связи весьма шатким. Скорее, Теодорих и готы воспользовались смертью императора, с которым был заключен договор, для утверждения своей власти в Италии без формулирования новых обязательств перед империей – и провозглашение Теодориха королём стало символическим актом, это закрепившим.

Как бы то ни было, в 493 г. готы закрепили за собой новое положение «войска Италии», а за Теодорихом – статус владыки, с которым теперь, очевидно, никто более в племенном мире не мог тягаться ни в военной славе, ни в престиже. После убийства Одоакра и избрания королём Теодорих впервые в своей жизни поднялся существенно выше других известных ему вождей, носителей той же культуры и отличавшихся от него в основном должностью в военной иерархии. На племенном же уровне они были примерно равны ему по статусу. Теперь же, обретая иную по племенным понятиям власть в глазах остготов Италии и становясь правителем огромной, значимой территории, почти недостижимой для императора, он стал выше их и по римским, и по германским понятиям. Это новое положение обязывало выработать новые и освоить известные, но непривычные способы репрезентации власти.

§3. Репрезентация власти Теодориха Великого перед лицом остготов

§§3.1. Готы внутри латинской риторики нового королевства

Официальная идеология правления Теодориха Великого создавалась внутри греко-римской средиземноморской традиции и была направлена на создание итало-готского дуализма, итало-готского единства. В нём готам отводилась роль армии, причём не только в посланиях, адресованных латиноязычному населению, но и в многочисленных латинских письмах к самим готам¹⁰⁴. При их создании речь шла о том, чтобы найти тонкий баланс между традициями, точку их соприкосновения, что объяснило бы готам их место в новой системе и показало бы италийцам это место с неоспоримой ясностью.

Построение подобной системы зависело от того, насколько искусно «германский монарх» сумеет вписать в неё свой народ, доказать ему необходимость подобной системы и не оттолкнуть от себя соплеменников. Граница Империи, возле которой готы обитали весьма значительное время, обозначала «*пределы цивилизации*», будучи гранью между порядком и хаосом, разумным существованием и дикостью¹⁰⁵. Теодорих, безусловно, хотел видеть свой народ по эту, римскую сторону той почти мистической границы, причем не только физически, что почти удалось еще в Паннонии и совсем – в Италии, но и ментально. Во многом на это были направлены попытки построения гото-римского единства.

Готам предлагалось стать защитниками римской *civilitas*, единственным варварским народом, который, не отказываясь от племенной доблести, мог жить в согласии с римским благоразумием и

¹⁰⁴ Причем, безусловно, не стоит пытаться утверждать, что готы не понимали содержания адресованных им посланий. Они, конечно, не владели латынью на уровне Кассиодора, но это не значит, что они не могли уловить общего содержания.

¹⁰⁵ Кардини Ф., Варвары против Рима // Глава 4 Рим и варвары // Часть I. Шаманы, воины, миссионеры / Истоки средневекового рыцарства.

справедливостью¹⁰⁶, приближаясь в этом качестве к непобедимому имперскому войску¹⁰⁷. Они должны были, сплотясь вокруг рода Амалов¹⁰⁸, служить пользе государства – *utilitas publica*¹⁰⁹. Фактически, готы становились вторым имперским народом и должны были нести всю ответственность своего нового положения (быть такими же «римлянами», как и италийцы¹¹⁰), другие же германцы оставались варварами. Теодорих же в этой системе выступал и просвещенным принцепсом двух гармонично сосуществующих народов, одновременно и победоносным главой *exercitus Gothorum*, и попечителем римской *civilitas*.

Теперь рассмотрим это на конкретных примерах.

Так текст одного из посланий *Variae*¹¹¹, написанного, чтобы отдать приказ к выступлению остготского войска, на самом деле преследует несколько целей, рукою Кассиодора обогащенный большим количеством смыслов, чем очевидный прагматический. Уже в первых строках этого письма король отдает должное доблести готов – неоспоримому достоинству, которое, с точки зрения Теодориха, должно поощряться¹¹².

Далее, при переходе к непосредственной цели послания, дается трактовка мотивов, побудивших короля отдать приказ о выступлении: *«Поэтому, с помощью бога, под чьим покровительством процветают все наши начинания, мы решили в целях общей пользы направить войско в Галлию, дабы и вы имели повод показать себя, и мы могли, согласно нашим намерениям, вознаграждать вас за подлинные заслуги; ибо достойное*

¹⁰⁶ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 54.

¹⁰⁷ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 50.

¹⁰⁸ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 69 – о том, что с последних лет правления Теодориха и в годы Аталариха эта тенденция всё усиливается. Для Амори это только риторика, только оперирующий топосами латинской письменной культуры интеллектуальный конструкт, не апеллирующий ни к какому германскому духу (потому что этот дух, по мнению П. Амори, не существует).

¹⁰⁹ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 56.

¹¹⁰ Swain B., Goths and Gothic Identity in the Ostrogothic Kingdom. P. 219 – 220.

¹¹¹ *Variae* I.24

¹¹² *«Готам скорее приходится сообщать о возможности вступить в бой, чем побуждать их к этому: ведь для воинственного племени высшая радость — заслужить похвалу. Кто жаждет доблестью стяжать славу, тот трудностей не боится».* Послание было прекрасно переведено на русский язык М.Е. Грабарь-Пассек – здесь я использую её перевод, по изданию Кассиодор, Книга I, письмо 24. Ко всем готам король-Теодорих (508 г.) // Разное. Пер. М.Е. Грабарь-Пассек. Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков. М. Наука. 1970.

хвалы мужество в пору досуга незаметно и пока оно не имеет возможности проверить себя, блеск его достоинства скрыт от глаз. И потому мы дали распоряжение через нашего военачальника Нанда, чтобы вы, во имя божие, выступили в поход в восьмой день до ближайших июльских календ обычным порядком, в достаточной мере снабженные оружием, конями и всем необходимым, чтобы показать, что в вас жива доблесть отцов ваших, и чтобы успешно выполнить наше повеление». Иными словами, письмо составлено так, чтобы создать у готов впечатление, как будто военный поход и затевается королем только для того, чтобы они имели возможность проявить себя, еще раз доказать свою храбрость, заявить о ней всем, от кого она скрыта в мирное время. Послание заканчивается призывом к воспитанию юношества в том же духе преклонения перед воинскими достоинствами, в котором были воспитаны сами адресаты письма¹¹³.

Послание подает мужественность готов как стержневое, определяющее качество для представителей этого народа. Именно поэтому крайне важно, чтобы отцы воспитывали сыновей в том же духе воинской доблести, в каком были воспитаны они сами. Оседлая жизнь в Италии, начавшаяся после победы над Одоакром, не может стать поводом к тому, чтобы готы оставили военные занятия, ставшие для них естественным и практически единственным видом деятельности. Также есть и определенное обещание славного будущего: возможность показать воинственный темперамент еще не раз представится готам, которые должны обучить своих сыновей так, чтобы они стали заменой отцам. Нужно сказать, что обещание это не было ложным. Письмо датируется 508 г., следовательно, написано оно было в канун кампании Теодориха, начатой в пользу его внука Амалариха в Испании и длившейся до 511 г.

¹¹³ *«Приучите ваших юношей к науке Марса; пусть они на вашем примере увидят, какое наследие должны они передать своим потомкам: ибо чему не научишься в юности, того и в зрелом возрасте знать не будешь. Коршуны, всегда питающиеся добычей, своих птенцов, еще юных и слабых, выбрасывают из гнезда, чтобы они стали такими, какими хочет их видеть материнская любовь. А вы, кому и природа дала силу, и кого подстрекает любовь к доброй славе, постарайтесь оставить после себя таких сынов, каких, как нам известно, имели ваши отцы».*

Итак, Теодорих, глава, стержень и вдохновитель гото-римского единства, прекрасно понимая дикие, по римским меркам, нравы своего племени (или опять-таки отдавая должное латинской риторике с её образом грубого, необузданно жестокого варвара¹¹⁴), многое делал ради смягчения этих нравов. Это постоянно сквозит в его посланиях корпуса *Variae* – пафос обуздания варварства с тем, чтобы оно сменилось *Romanitas*¹¹⁵. Вряд ли получится многое добавить к уже сказанному, но все же кажется необходимым затронуть один момент, наглядно демонстрирующий то, как на практике строилось гото-римское единство в попытках уважать обычаи как готов, так и римлян.

В знаменитом «Панегирике Теодориху» Магн Феликс Эннодий славит своего короля за то, что он организовал спортивные игры для готской молодежи, в которых имитировались военные сражения и не допускалось кровопролитие¹¹⁶. Это был поистине изящный жест со стороны Теодориха: он одновременно отдавал дань уважения воинственному духу своего народа и показывал римлянам, что остготы могут не просто держать свою воинственность в узде, но и приобщаться к античной культуре спортивных игр ради самих игр, в которых тренировалось тело ради физической формы, а не войны. Забегая вперед, можно сказать, что именно из таких бескровных игр со становлением рыцарской культуры выросли многочисленные потешные и тренировочные бои, ставшие неизменной частью жизни воинов благородного сословия в эпоху Высокого Средневековья. Хотя, конечно, принципиальную преемственность – без вмешательства иных процессов – утверждать не стоит.

Итак, в рамках создания гото-римского единства Теодорих использовал римские практики, такие как риторика его квестора Кассиодора, для обращения к готам. Причем точка соприкосновения обеих традиций была найдена потрясающе верно – военная доблесть. Таким образом,

¹¹⁴ Macpherson R. Rome in involution. Cassiodorus' *Variae* in their literary and historical setting. P. 85-86.

¹¹⁵ Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов. С. 48.

¹¹⁶ Ран.ХІХ.84-85. Комментарий на этот фрагмент – Тюленев В.М. Герои и образы прошлого. С. 171.

восхваление мужества готов в официальных посланиях короля, облечённое в чисто римские термины классической риторической традиции, не звучало неестественно как для готов, так и для италийцев. На той же почве удалось приобщить готов к античной культуре игр, создавая зрелища, видимо, посещавшиеся как остготами, так и романским населением Италии.

§§3.2. Способы репрезентации власти Теодориха Великого перед лицом остготов, не апеллирующие к позднеантичной греко-римской традиции

Можно ли согласиться с П. Амори, детально занимавшимся официальной идеологией (а репрезентация власти сущностно связана с этой идеологией) правления Теодориха, причём с особым вниманием к её этнографическим аспектам, что в ней не было ничего, лежащего вне плоскости латинской римской традиции? Представляется, что всё же нет, поскольку – и это характерно, по всей видимости, для многих исследователей периода – увлекаясь латинскими источниками и латинской риторикой, он фактически не уделил внимания собственно науке о германцах¹¹⁷. Безусловно, это выход на междисциплинарное исследование с серьёзным подключением данных археологии, этнографии, лингвистики, фольклористики, истории литературы и других областей знания, что невозможно сделать в рамках данной работы. Однако хотелось бы высказать некоторые предположения, без которых исследование методов конструирования образов власти Теодориха будет неполным.

В первую очередь это касается готов при особе короля: Теодорих заботился обо вполне осязаемых проявлениях своей близости к остготам, его окружение – *comitatus* – в большинстве своём состояло из представителей его народа. Вопрос о соотношении их с германской

¹¹⁷ П. Амори ограничивается постулированием единой культуры Поздней империи и крайней неоднородности германских культур за её пределами (Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 30). Однако, как мне кажется, исследователь варварских королевств всё же должен быть отчасти германистом, когда он, не настаивая на принципиальном единстве культуры, пытается всё же вычлнить некий германский элемент.

дружиной, которую изучают преимущественно на скандинавском и северо-немецком материале¹¹⁸, довольно дискусионен. П. Амори фактически ставит знак равенства между германской дружиной и военизированным окружением поздних римских императоров – *bucellarii*, *spatharii* и *armigeri*¹¹⁹. Представляется всё же разумным с одной стороны признать, что это были разные институты, факты различного культурного контекста, однако с другой стороны, увидеть в них некое общее ядро – отношения личной преданности и действительно важные узлы. Поэтому то, что Теодорих отбирал для создания таких уз именно готов, принципиально важно в ракурсе изучения репрезентации его власти. Это позволяло демонстрировать значимую связь короля с членами его народа, связь, отрефлексированную через понятия боевого товарищества, личной преданности и доверия. Отдельную категорию *comitatus* составляли готские телохранители, выведенные из-под власти магистра оффиций, которому обычно подчинялась дворцовая стража императоров. В королевстве остготовов они находились под началом *comes spatharius*, который также был готом¹²⁰.

Готское окружение Теодориха, безусловно, не ограничивалось только этими лицами. При нём постоянно находились готские пажи (*iuvenes nostri* – сыновья готских офицеров, находившиеся при дворе также на военном обучении¹²¹) и стоявшие выше их *maior domus* («старшие в королевском доме»), составлявшие придворную знать, *proceres palatii*¹²². Существовали две должности, занимать которые могли только готы – это *comes patrimonii* и *praepositus cubiculi*, отвечавшие, между прочим, за личное имущество короля. *Comes patrimonii* ведал делами королевских патримониев, структур управления, созданных Одоакром по римскому образцу и позднее

¹¹⁸ О германской военной культуре и роли в ней дружины, а также значения для последующей европейской военной культуры – Кардини Ф., Истоки средневекового рыцарства.

¹¹⁹ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 91.

¹²⁰ Вольфрам Х. Готы. С. 419.

¹²¹ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 91.

¹²² Вольфрам Х. Готы. С. 417.

введенных Анастасием на Востоке – земель, доходы откуда поступали непосредственно королю. *Cubiculum* представляла собой готский домен короля. *Praepositus cubiculi* распоряжался придворными камергерами и евнухами и заведовал королевской сокровищницей¹²³.

Готское окружение Теодориха должно было демонстрировать его неразрывную связь с народом¹²⁴. Кроме того, существовали специфические готские должностные лица – комиты готов и сайоны, вторые из которых должны были исполнять разнообразные поручения короля, данные им лично. Так же сайоны были задействованы в функционировании особого института королевского покровительства – *tuitio*, с помощью которого любой человек, находившийся в опасности, мог обратиться к королю с просьбой о защите¹²⁵. *Tuitio* позволяла каждому готу лично чувствовать заботу короля о нем, неразрывную связь с Теодорихом. Подобная практика была известна в Поздней империи, «но не осуществлялась императором; теперь же она превратилась в дело самого короля»¹²⁶. Перейдя в королевство, главой которого был германский лидер, этот институт стал сильнее ориентирован на утверждение практически личных отношений между королем и его подданным и скрепление единства короля и его племени, в широком смысле рода. Как глава этого большого рода Теодорих также имел право на некоторые действия, обусловленные германской традицией, – например, распоряжаться рукой знатных девушек¹²⁷.

Для той же цели были введены церемонии встреч короля с различными готскими группами для принятия от них даров. И если прав П. Хизер, и эти церемонии были ежегодными¹²⁸, то можно говорить о существовании в Остготской Италии специфических, в большей или меньшей степени ритуализированных действий, направленных не только на поддержание

¹²³ Вольфрам Х. Готы. С. 418.

¹²⁴ Конечно, помимо чисто утилитарных причин, таких как то, что это помогало умиротворять готскую знать, давать ей возможность чувствовать себя причастной к управлению Италией и т.д.

¹²⁵ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной римской империи. С. 182.

¹²⁶ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной римской империи. С. 182.

¹²⁷ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной римской империи. С. 182.

¹²⁸ Heather P. Gens and regnum among the Ostrogoths. P. 118.

общности (о чём пишет П. Хизер), но на создание вновь и вновь единства короля и его народа.

Близость Теодориха к остготам, нежелание перечеркивать связь с ними, видна и по изобразительным источникам: на знаменитом «медальоне из Сенигаллии» и на дошедших до нас монетах Теодорих изображен с волосами, причёсанными по готскому обычаю. Иными словами, король, окружавший себя представителями своего народа, если не выглядел, как они, то сохранял в своей внешности готские черты и привычки.

Отдельно от мер, направленных на демонстрацию единства Теодориха и готов, на поддержание между ними значимых связей, существовала деятельность, направленная на культивацию и развитие готской культурной традиции, получившей блестящее выражение в создании Библии Вульфила и обретении готским языком письменной и литургической ипостаси. К сожалению, до нас дошли лишь крохи того размаха и великолепия, с которым эта деятельность осуществлялась. Однако все сохранившиеся рукописные экземпляры готского Писания происходят именно из Остготской Италии¹²⁹, и один из них – едва ли не самый роскошный из всех, которые были созданы за эпоху Переселения, а, возможно, и за всё Раннее Средневековье – *Codex Argenteus*, чьё название говорит само за себя¹³⁰. П. Скардильи считает, что создавались также билингвы – гото-латинские варианты Библии¹³¹, которые должны были облегчить духовное общение готов и италийцев. Более того, по его мнению, Теодорих готовил постепенный переход, при котором готский язык стал бы "государственным"¹³² – однако это тезис, который, как кажется, доказать практически невозможно.

¹²⁹ Скардильи П. Готы. Язык и культура. С. 314.

¹³⁰ Вольфрам Х. Готы. С. 467: «На окрашенном в пурпурный цвет пергаменте, изготовленном из кожи молодых или еще не рожденных телят, написан серебряными чернилами (а некоторые места, как, например, имена евангелистов, - даже золотыми) сделанный Вульфиллой готский перевод Священного Писания».

¹³¹ Скардильи П. Готы. Язык и культура. С. 184 – 185.

¹³² Скардильи П., Готы. Язык и культура. С. 144.

Методом репрезентации власти, который был направлен скорее на готов, чем на романское население, было акцентированное внимание к составлению генеалогии рода Амалов в рамках «Готской истории» Кассиодора – огромное же значение генеалогий как в германском мире, так и вообще для бесписьменных обществ общеизвестно. Поэтому сам факт обращения к амальской традиции – была ли она сконструирована Кассиодором в чисто конъюнктурных целях начала VI в.¹³³ или опиралась на родовое предание – чрезвычайно важен. Божественное происхождение династии, увязанное со значимой победной символикой¹³⁴ и череда поколений, окрашенная в библейские тона¹³⁵, добавляла фигуре Теодориха гораздо больше значимости, чем триумф и консульские фасции. Кроме того, королевский род, о котором говорили таким образом, ставший христианским и приемлемым для римской знати, мог восприниматься уже романским населением как второй *gens Julia*, как возрожденная семья Цезаря и его преемников-императоров¹³⁶ – особенно на фоне образа Теодориха как нового основателя Рима. И это то место, где смыкаются две традиции, отражая друг друга.

В том же русле можно понимать и факт создания Кассиодором «*Origo Gothica*» – труда о происхождении и истории готов, дошедшего до нас только в изложении Иордана. С одной стороны, это была попытка, работая с прошлым, заново в письменной форме рассказывая его, вписать германский народ в греко-римскую Ойкумену – дать ему историческое бытие в привязке к уже известной судьбе её народов. Однако трудно отрицать, что первая история варварского народа обращалась к нему самому – тем более, что, в концепции Х. Вольфрама, этот труд воплотил в себе готское племенное предание. Теодорих же был королём, собравшим и монополизировавшим его, давшим преданию новую форму, увековечившем

¹³³ Heather P. Cassiodorus and the Rise of the Amals. P. 127.

¹³⁴ Вольфрам Х. Готы. С. 44.

¹³⁵ Heather P. Cassiodorus and the Rise of the Amals. P. 112 – 115.

¹³⁶ Вольфрам Х. Готы. С. 465 – 466.

его. Остготы и лично он оказались на самом острие – или, если угодно, в самом центре – огромной устной племенной традиции.

Однако данная позиция не свободна от довольно серьёзной критики, поскольку – даже если оставить в стороне все вопросы к *Getica* как к источнику (главным образом – соотношение текстов Иордана и Кассиодора) – возникают две крайне сложных исследовательских проблемы. Во-первых, историчность прошлого готов до поколения отца и дядей Теодориха, никак не прослеживаемого по другим письменным источникам, во-вторых, собственно отражение в *Getica* готского предания, что необходимо очень серьёзно доказывать.

Нужно сказать, что исследователей в целом гораздо больше занимает вопрос историчности или неисторичности событий, изложенных в дошедшем до нас тексте. Например, существуют попытки доказательства на археологическом материале того, что, по крайней мере, за повествованием о королевстве Эрманариха и его ближайших предков, а также о судьбе готов после гуннского нашествия есть всё-таки некоторая реальность¹³⁷. Наиболее же фундаментальная критика историчности текста Кассиодора-Иордана принадлежит П.Хизеру¹³⁸. Аргументируя существованием в нём многочисленных очевидных библейских аллюзий, а также работой с античной литературной традицией он постулирует конструктивность всего готского прошлого IV – первой половины V века с использованием единственного пассажа Аммиана Марцеллина, где упоминается Эрманарих. Фактически, Хизер утверждает, что не только принципиальное лидерство, но и вообще какое-либо устойчивое существование рода Амалов начинается только с Валамира, дяди Теодориха и предыдущего верховного предводителя остготов¹³⁹. При этом Хизер не

¹³⁷ Kazanski M. The Ostrogoths and the princely civilization of the fifth century (p. 81 – 99) // *The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. An Ethnographic Perspective*. Ed. by S. J. Barnish, F. Marazzi. Woodbridge: The Boudell press. 2007.

¹³⁸ Heather P. Cassiodorus and the Rise of the Amals.

¹³⁹ Heather P. Merely a ideology? P. 74 – ссылаюсь здесь на другую, более позднюю статью для того, чтобы показать устойчивость его взглядов.

отрицает возможность самого существования устного предания¹⁴⁰, но оно в принципе его не занимает.

Говоря об аргументации П. Хизера, хотелось бы указать на тот факт, что сама природа мышления образованных людей практически любого времени до начала торжества модернизма в принципе склонна к постоянному использованию традиции, даже не всегда осознанному. Реальность описывается в категориях этой традиции, более того, реальность не существует до тех пор, пока она не описана по всем законам традиции. Поэтому высокая литературность того или иного исторического нарратива может равно свидетельствовать и не свидетельствовать о недостоверности содержащихся в нём сведений. Всё, о чём она говорит несомненно – это литературная одарённость и образованность автора.

Для задач же данной работы предание и его отражение в тексте *Getica* важнее вопроса историчности описанных в нём событий. В этой связи интересна статья О.В. Шарова¹⁴¹, в которой он пытается увязать миф, текст и реальность в рассказе *Getica* об Эрманарихе, самом славном из предков Теодориха Великого. Однако конечного ответа всё равно нет – работал ли Кассиодор с преданием доподлинно, или все-таки творил без опоры на него? Поскольку поиск устной традиции в дошедшем до нас тексте был бы слишком большим отступлением, необходимо ограничиться лишь констатацией того факта, что подобное предположение вполне возможно и не слишком ирреально.

Аргументами в пользу такой позиции может служить как устойчивость готской идентичности и языка, что вполне возможно могло произойти именно благодаря Амалам¹⁴², так и некоторые соображения скорее этнографического характера. Сакрализация рода предшествует его

¹⁴⁰ Heather P. Cassiodorus and the Rise of the Amals. P. 107 – 108.

¹⁴¹ Шаров О.В. Гибель Эрманариха: история и эпос (с. 95 – 106) // Стратум: структуры и катастрофы. 1997.

¹⁴² Вольфрам Х. Готы. С. 62 – здесь он призывает отнестись со всей серьёзностью к амальской традиции. Кроме того, мощным аргументом в пользу того, что прославление рода началось не при Теодорихе, служит имя его сестры, образованное от того же корня – Амалафрида. К именам же германцы в те времена относились гораздо более сознательно, чем в последующие исторические эпохи, их семантика и сакральное значение не были ещё забыты.

героизации¹⁴³, поскольку само представление о божественном происхождении предшествует тому времени, когда рассказы об этом происхождении принимают вид рассказов о героях¹⁴⁴. Сам же текст *Getica* уже имеет вид именно такого рассказа, тогда как представления о сакральности рода Амалов, выражающиеся пусть и в более поздних рассказах об искрах из пальцев Валамира или водящем Дикую Охоту Теодорихе¹⁴⁵, тем не менее присутствуют. Последний аргумент в том же направлении сводится к тому, что Кассиодор не мог написать *Origo Gothica* в одиночестве¹⁴⁶: слишком много в дошедшем до нас тексте мест, о которых невозможно даже предположить, с опорой на какие источники они создавались.

§4. Репрезентация власти Теодориха Великого перед лицом других варварских лидеров

Теодорих Великий как субъект отношений между варварскими королевствами и Восточной Империей известен в первую очередь активной «матримониальной дипломатией» — созданием родственных связей практически со всеми значимыми германскими лидерами своего времени. Однако в то время подобная стратегия еще не воспринималась как часть дипломатии — то есть деятельности, направленной на заключение мирных и союзных договоров, а также ведение войн. Тем не менее, уже в V веке со всей отчетливостью понималась значимость браков, заключавшихся между римлянами и варварами на высшем уровне. Косвенным подтверждением этого служит увеличение числа подобных браков в упомянутый период на

¹⁴³ Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов. С. 204.

¹⁴⁴ Это представление почерпнуто мною из Пропп В.Я. Исторические корни Волшебной Сказки. Науч. ред., текстологический комментарий И.В. Пешкова. СПб.: Лабиринт. 2000, но конкретную цитату указать крайне сложно.

¹⁴⁵ Вольфрам Х. Готы. С. 164.

¹⁴⁶ Скардильи П. Готы. Язык и культура. С. 199 – 200. Он также пишет, что фигура Аблавия, на которого Кассиодор или Иордан несколько раз ссылаются как на некоего неизвестного готского историка — фикциональный персонаж, введенный как раз для подкрепления сведений, взятых из устной традиции — из предания.

фоне постановлений, запрещавших родственные союзы между романским и германским населением Империи и ее частей. Р. Блоклей, крупнейший исследователь феномена романо-германских браков, показал, что наиболее частыми были случаи, когда германец, военный на службе Империи, занимавший одну из высших должностей, женился на римлянке из знатного рода. Таким образом он еще сильнее вовлекался во внутренние социальные структуры Империи, повышал свой статус и окончательно становился частью специфического слоя римско-варварской военной элиты¹⁴⁷. Однако те браки, которые заключал для своих родственников Теодорих, выходят за рамки описанного явления.

В пределах двух лет после устранения Одоакра новый правитель Италии женился на Аудофледе, сестре Хлодвига Меровинга, после чего Тиудигото, дочь Теодориха от предыдущей жены или конкубины, стала женой вестготского короля Алариха II, ранее оказавшего остготам помощь в борьбе с Одоакром. Браком же были улажены отношения с одним из самых опасных соседей родившейся Остготской Италии — королем бургундов Гундобадам, который во время похода против Теодориха захватил в Лигурии многочисленных пленников¹⁴⁸. Около 500 г. в качестве урегулирования отношений с вандалами в Южной Италии сестра Теодориха, Амалафрида, ранее бывшая приближенной Августы Ариадны и сыгравшая не последнюю роль в примирении брата с императором Зеноном и заключении между ними договора о походе против Одоакра, вышла замуж

¹⁴⁷ Blockley R. C. Roman-Barbarian Marriages in the Late Empire (p. 63–77) // *Florilegium* 4. 1982. P. 71. Неоднозначную позицию романской знати по отношению к подобным родственным союзам прекрасно иллюстрирует фрагмент «Vita sancti Epifani» Магна Феликса Эннодия, содержащий жалобы императора Антемия на Рицимера, его «зятя поневоле» (Магн Феликс Эннодий, Житие блаженнейшего мужа Епифания, с. 15: «Ведь кто до этого из предшествующих императоров поступал когда-либо так, что в число подношений, которые необходимо было дать покрытому шкурой готу ради общего мира, включалась [императорская] дочь? Мы не пожалели нашей крови, заботясь о чужом [благах]»).

¹⁴⁸ Это единственный брак из перечисленных, контекст заключения которого нам известен. Первым начиная переговоры и выступая в качестве просителя, Теодорих ставил себя в заведомо более низкую позицию по отношению к Гундобаду (Nechaeva E. Embassies. Negotians. Gifts. P. 85). В последствии такое поведение станет для него неприемлемым. Кроме того, существует гипотеза известной австрийской исследовательницы Д. Шанзер о том, что главным в заключении этого брака и во всем деле с выкупом пленных было обещание Гундобаду прав наследования в Италии для его внука, который родится от брака бургундского королевича Сигизмунда и Ареагни, дочери Теодориха – Shanzer D. Two Clocks and Wedding: Theodoric's Diplomatic Relations with the Burgundians (p. 225-258) // *Romanobarbarica* 14. 1996-97. P. 227 — 228.

за Трасамунда, короля вандалов. Не позднее 510 г. ее дочь Амалаберга в рамках становления союза с тюрингами (потенциально против франков¹⁴⁹) была выдана за их короля Герминафрида. Так сложилось, что этот союз был, пожалуй, самым успешным, оправдывая возложенные на него надежды до самой смерти Теодориха¹⁵⁰. Можно заметить, что в этом стремлении привязать к себе всех соседей с помощью реальных родственных уз, созданных с помощью браков, Теодорих на свой манер повторял то, что когда-то сделал Аттила, взяв жён из всех покорившихся племен.

Принцесса из рода Амалов, безусловно, не отправлялась к новому мужу в одиночестве – ей полагалась достойная свита из слуг и личной охраны, становившаяся постоянным окружением. Напрямую это сложно подтвердить на основании письменных источников, однако о существовании подобных маленьких дворов и личной охраны мы знаем, например, из труда Олимпиодора, который лишь вскользь, как само собой разумеющееся, отмечает наличие подобного окружения у Галлы Плацидии¹⁵¹. Эти малые готские дворы¹⁵², безусловно, играли не последнюю роль в репрезентации власти Теодориха перед лицом его зятьев¹⁵³.

Отношения, созданные или подкрепленные этими брачными союзами, отражены в двенадцати дипломатических посланиях корпуса *Variae*. В рамках данной работы они рассматриваются как единый источник ввиду общности их цели — конструирования перед лицом получателей – лиц, которые могут быть отнесены к одной категории – образа правителя

¹⁴⁹ Shanzer D. Two Clocks and Wedding. P. 231.

¹⁵⁰ Вольфрам Х. Готы. С. 458.

¹⁵¹ Олимпиодор, §40 - "История" Олимпиодора (В записях и выборах Фотия) // Византийский временник. Том 8 (33). 1956.

¹⁵² Вольфрам Х. Готы. С. 442 и Щукин М.Б. Готский путь. С. 308.

¹⁵³ Кроме того, они могли играть также ещё роль защиты, поскольку само по себе пребывание принцессы у её мужа могло быть небезопасным – пример печальных последствий можно найти в *Getica* (184 – 185), во фрагменте о дочери Теодориха, короля вестготов: «... ее отдали в замужество Гунериху, сыну Гизериха, и вначале она была довольна таким браком, но впоследствии, так как он отличался жестокостью даже со своими детьми, она была отослана обратно в Галлии к отцу своему с отрезанным носом и отсеченными ушами только по подозрению в приготовлении яда [для мужа]; лишенная естественной красоты, несчастная представляла собой ужасное зрелище, и подобная жестокость, которая могла растрогать даже посторонних, тем сильнее зывала к отцу о мщении».

Италии. Тексты подобных писем играли значимую роль в репрезентации власти правителя при отправлении посольских миссий, были вступлением к дискуссии¹⁵⁴, первым, на что было направлено внимание принимающей стороны.

Риторическая природа текста посланий создает своеобразную ситуацию диалога традиции с реальностью, создаваемого образа с конъюнктурными целями, греко-римской образованности с миром, в котором стиралась граница между *Romanitas* и *gentilitas*. И представляет безусловный интерес то, каким образом римский и германский опыт, сформировавший в IV – VI вв. единую культуру имперского лимеса, апробировался Кассиодором – человеком блестящего классического воспитания на службе короля, который успешно конструировал идеологию своего правления и репрезентацию своей власти.

Римской, безусловно, была форма — *Variae* Кассиодора являются монументальным памятником позднеантичной риторики. Соответственно, ожидаемо использование в дипломатических письмах традиционных для нее топосов и приемов, коррелирующих напрямую с теми, которые использовались императорской дипломатией. В связи с «матримониальной дипломатией» Теодориха речь идет о концепте «фамильного принципа» (*familia principum*), использовавшегося в дипломатической риторике Поздней Империи, особенно на Востоке. В соответствии с ним все варварские лидеры воспринимались как априори связанные с императором нерасторжимыми узами и назывались его «сыновьями» или «друзьями»; исключение делалось только для Сасанидов, в обращении к которым использовалось слово «брат»¹⁵⁵. В этом смысле культура Поздней Античности знала особый мотив родственных отношений дипломатической риторики в переговорах с участием императора. Обладал ли этот мотив специфическими чертами в тех письмах, которые Кассиодор писал от лица

¹⁵⁴ Gillett A., *Envoys and Political communication in the Late Antique West*. P. 182.

¹⁵⁵ Nechaeva E. *Embassies. Negotians. Gifts*. P. 70.

Теодориха, умевшего еще в доиталийский период своей жизни использовать дипломатию высшего уровня¹⁵⁶, другим варварским королям?

Affinitas – то слово, которое в дипломатических письмах чаще всего применяется для характеристики того, что связывает Теодориха и адресатов его писем. Родство, возникшее с помощью брака. Германцы тацитовских времен различали три вида подобного союза: брак через выкуп (*Kaufehe*), брак через умыкание (*Raubehe*) и брак по взаимному согласию (*Friedelehe*), и положение женщины в роду ее мужа непосредственно зависело от вида их союза, в том числе из-за материальной обусловленности каждого из них¹⁵⁷. Поскольку все эти союзы не были браками в современном смысле этого слова, среди знатных германцев вплоть до VII в. встречалось многоженство, несмотря на то, что христианство, безусловно, подняло престиж моногамных союзов¹⁵⁸. Иными словами, престиж брака, соединявшего два королевских рода, и необходимость заключения только таких браков для королевских особ в целях поддержания статуса, как и ценность появляющейся в их результате связи и женщины — причины и воплощения этой связи — далеко не были безусловно очевидными вплоть до VII века. Однако именно тексты *Variae* содержат пример рождения осознания всего вышеперечисленного.

Первое письмо четвертой книги *Variae*, посвященное браку короля тюрингов Герминафрида и племянницы Теодориха Амалаберги, выступает блестящим риторическим доказательством тезиса, высказанного в самом его конце — принцесса, отправленная для заключения брачного союза, бесценна¹⁵⁹. Причём обращают на себя внимание две мысли: новая жена

¹⁵⁶ Nechaeva E. *Embassies. Negotians. Gifts*. P. 94.

¹⁵⁷ Фоне-Вампль С., Женщины от V по X век (с. 163 – 201) // История женщин на Западе. в 5 т. Т. II: Молчание Средних веков. Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. Том под ред. К. Клапиш-Зубер. Пер. с фр. под ред. Р. А. Гимадеева. Науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя. 2009. С. 173.

¹⁵⁸ К примеру, из всех многочисленных меровингских королев VI века, потомков Хлодвига, только Сигиберт и его сын Хильдеберт не были многоженцами, и лишь брак Сигиберта с Брунгильдой носил черты результата полностью осознанной «матримониальной дипломатии», отличаясь даже от союза Хильперика с Галесвинтой (Дюмезиль Б. Свадьба цезарей // Королева Брунгильда. Пер. с фр. М. Некрасова. СПб.: Евразия. 2012).

¹⁵⁹ *Variae* IV. 1. Текст этого и всех остальных посланий, анализируемых в этой главе, представлен в Приложении с моим переводом на русский язык и комментарием.

принесет закон и улучшенное устройство народу своего супруга — то есть она, несомненно, будет разделять с мужем заботы правления — и она будет не меньшей причиной для гордости и известности рода своего новоявленного супруга, чем результаты его военных подвигов. Это указание на чрезвычайно высокий статус, который ожидает Теодорих для своей племянницы.

Можно было бы предположить, что такое исключительное значение придавалось Теодорихом именно союзу с тюрингами и лично его племяннице, если бы подобные мысли не были высказаны в другом письме, адресованном Трасамунду, королю вандалов, женатому на сестре Теодориха Амалафриде¹⁶⁰. Это послание начинается с утверждения уникальности связи, возникшей между обоими королями после того, как Амалафрида отправилась в королевство вандалов, и указания на ее достоинства. Далее Теодорих дает понять своему зятю, что если бы тот пожелал править совместно с супругой (*si voluisses cum sorore nostra tractare*), несчастья удалось бы избежать.

Цель же того, что Теодорих, отпуская от себя столь бесценные существа, создает связи с «отдаленными королями» (*a diversis regibus*), как названы в письме к Трасамунду правители германских королевств, заявлена в начале другого письма из дипломатической подборки *Variae* — второго послания к Хлодвигу, связанного с франко-вестготским конфликтом¹⁶¹. Эта цель — мирное сосуществование народов. Таким образом, родственные связи между королями и их родственное согласие¹⁶² служат залогом поддержания этого мира. В определенном смысле, это трансляция на внешние дела традиционной для позднеантичной риторики связи между личным поведением правителя и состоянием ему подвластных, еще более

¹⁶⁰ *Variae* V. 43

¹⁶¹ *Variae* III. 4: 1 (после двоеточия дан номер микро-части письма по изданию Т. Моммзена)

¹⁶² По мнению Д.Н. Старостина в дальнейшем — с началом Раннего Средневековья — как раз функция короля как хранителя согласия выходит на первый план: Старостин Д.Н. Между Античностью и Средневековьем. С. 438 (монография в печати).

усиленной в произведениях уже раторов-христиан¹⁶³. Можно согласиться с утверждением Д. Шанзер о том, что Теодорихом и его приближенными брак воспринимался как союз (*foedus*), существовавший до смерти выданной замуж женщины и не подлежащий расторжению как родственная связь¹⁶⁴.

Помимо достаточно эмоциональных отсылок к нежным родственным чувствам¹⁶⁵, риторика дипломатических писем Теодориха включает также назидательный тон, который далеко не всегда с современной точки зрения укладывается в рамки вежливости¹⁶⁶. Этот тон, однако, был весьма традиционен для риторики Поздней Античности, склонной к моралите и полной различных примеров поведения, «в которой человеку соответствовал набор добродетелей, пороков, навыков и служения»¹⁶⁷. В связи с этим в посланиях Теодориха к правителям варварских королевств развивается мотив научения, причем как в отношении традиционных античных добродетелей властителя, которые в Средние века станут кардинальными добродетелями¹⁶⁸, так и в отношении соответствия своему высокому статусу. Особенно явственно мотив научения звучит применительно к такой добродетели, как благоразумие.

Благоразумие в текстах дипломатических посланий *Variae* раскрывается, во-первых, как способность правителя, не побоявшись умалить свой авторитет, послушаться дельного совета и изменить неверную линию поведения – это тот «урок», который Теодорих дает во втором

¹⁶³ Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб. 2005. С. 48.

¹⁶⁴ Shanzer D. Two Clocks and Wedding. P. 228. Подобное подкрепление союза, по всей вероятности, воспринималось как необходимая гарантия его прочности, тем более, что Теодорих сам был вынужден в 493 году нарушить не подкрепленный такими мерами договор с императором, чтобы победить Одоакра.

¹⁶⁵ Например, *Variae* III. 4: 3 – 4.

¹⁶⁶ П. Амори напрямую заявляет, что это неизменно оскорбительный тон – Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 61.

¹⁶⁷ Macpherson R. Rome in involution. Cassiodorus' *Variae* in their literary and historical setting. P. XX.

¹⁶⁸ Учение о добродетелях, на которое, вполне возможно, опирался Кассиодор (поскольку дискусионен вопрос о том, владел ли он греческим, стоит указать на наиболее очевидный латинский текст), изложено в комментарии Макробия на «Сон Сципиона» (Марка Туллия Цицерона) – он долгое время был одним из немногих текстов, знакомивших латинский Запад с неоплатонической традицией, создававшейся на греческом языке. Макробий, Комментарий на «Сон Сципиона», книга 1, гл.8, 5-8 // Петрова М. С. Природа мира в комментарии на «Сон Сципиона» Макробия // П. П. Гайденок, В. В. Петров. Философия природы в Античности и в Средние века. М.: Прогресс-Традиция. 2000.

письме к Трасамунду¹⁶⁹. Во-вторых, как предусмотрительность, проистекающая из осмысления негативного опыта, подкрепленного мудрыми советами¹⁷⁰. В-третьих, благоразумие — это нацеленное на будущее милосердие, о котором говорит Теодорих, обращаясь к Хлодвигу на тему побежденных им и бежавших во владения остготов аламаннов¹⁷¹. Кроме того, в письмах, посвященных франко-вестготской войне отчетливо видна грань благоразумия — та, за которой мирное урегулирование конфликта становится военным столкновением¹⁷². Высшим же проявлением благоразумия королей, по мнению Кассиодора и Теодориха, выступает их способность коллегиально и мирным путем решать споры, возникающие в их среде¹⁷³.

Теодорих выступает создателем фактически «суда пэров»¹⁷⁴ для решения спора между двумя королями: равные, а именно правители народов, должны сообща урегулировать конфликт, потому что он может затронуть их всех. Однако знаменательно также и то, что призывая коллегиально и мирным путем решить все противоречия между двумя королями, Теодорих и Кассиодор преподносят подобное поведение как нормативное в племенном мире. Представления о ценности всеобщего согласия и мирного решения вопросов вместо военного столкновения, целиком лежащие в сфере еще греко-римских представлений о мире, названы здесь «законами народов» (*leges gentium*). То, что предполагается

¹⁶⁹ *Variae* V. 44.

¹⁷⁰ Мотив совета развивается не в одном письме, а в особенности — в посланиях, посвященных франко-вестготскому противостоянию — *Variae* III. 1 — 4.

¹⁷¹ *Variae* II. 41.

¹⁷² Например, послание к Алариху — масштабный призыв к благоразумию, которое трактуется как сдержанность, умение вопреки желанию не действовать импульсивно, обуздывать порывы, которые могут иметь непредсказуемые последствия (*Variae* III. 1: 2 — 3). Война, таким образом, осознается, как крайняя мера, противоречащая истинному благоразумию. По мнению Теодориха, его долг как благоразумного правителя заключается в том, чтобы удержать обоих враждующих королей от пересечения этой грани, а долг Алариха как благоразумного короля — в том, чтобы послушаться совета и если не самому создать поле для диалога, то хотя бы позволить ввести себя в это поле тому, кто сумел его создать. В письме к Хлодвигу эта мысль выражена ёмко и в одном предложении: «...нетерпеливая мысль — двинуть армию для первого посольства» *impatiens sensus est ad primam legationem arma protinus commovere*) (*Variae* III. 4: 3). Здесь со всей очевидностью обрисовано противопоставление между мирным и военными способами разрешения противоречий, свойственное сознанию носителей власти того времени (Nechaeva E. *Embassies. Negotians. Gifts*. P. 21).

¹⁷³ *Variae* III. 2, 3.

¹⁷⁴ В прямом значении этого слова — «равных».

присущим *civilitas*, переводится, таким образом, в сферу *gentilitas* — и создается общее поле греко-римского и германского культурного опыта.

Прославлению умеренности как добродетели правителя в посланиях Теодориха к другим варварским лидерам уделено меньше внимания, чем риторике благоразумия. Однако в одном из писем к Трасамунду есть пассаж, который представляет собой настоящую апологию умеренности как отсутствия алчности, тяги к стяжательству¹⁷⁵. Отсылая обратно золото – дар короля вандалов, Теодорих дает понять, что ему достаточно раскаяния Трасамунда и его выражения доброй воли. От материального же выражения его намерений, которое могло бы принести правителю Италии выгоду, он отказывается во имя любви к родственнику, проявляя таким образом поистине царственную умеренность. В этом послании также звучит нота морального поучения: Теодорих как государь, способный отказаться от материальных благ ради более высоких целей, призывает Трасамунда и других королей следовать его примеру. Умеренность же, трактуемая в этом отрывке не только как сопротивление алчности, но шире — как способность властвовать над собой, не подчиняясь страстям — смыкается в этом своем значении с благоразумием.

Прославление военных доблестей правителя в дипломатических посланиях *Variae* тесно смыкается с декларируемой необходимостью милосердия, что наиболее очевидно в письме к Хлодвигу о судьбе аламаннов¹⁷⁶. Теодорих Великий предстает в текстах дипломатических писем *Variae* как правитель, который, уважая и ценя традиционные — и на племенном уровне («среди народов»), и для римской культуры — добродетели военной доблести, старается благоразумно сохранять мир и проявлять милосердие, к чему он призывает и других правителей.

Как уже было сказано, мотив морального научения разворачивается также в сфере соответствия статусу властителя. Очевидный долг правителя,

¹⁷⁵ *Variae* V. 44: 3 – 4.

¹⁷⁶ *Variae*, II.41.

проистекающий из его высокого положения — осознавать ту ответственность, которую он несёт за судьбы подвластных ему людей, и постоянно помнить о ней. Этой теме уделено особенное внимание в посланиях, касающихся франко-вестготского конфликта. Король обязан всегда помнить о своем положении и вытекающей из него ответственности. В частности, об этом Теодорих пишет Хлодвигу в письме, посвященном его военным планам против Алариха¹⁷⁷.

Из всего вышеперечисленного с очевидностью следует декларируемое постоянное попечение Теодориха о делах родственников, напрямую высказанное в одном из писем¹⁷⁸. Это попечение (в русле риторического мотива родственных отношений) служит выражением ощущения Теодорихом своей неразрывной связи с теми, кто соединен с ним родством¹⁷⁹.

Многие исследователи высказывали мысль о том, что таким образом Теодорих претендовал, фактически, на место императора Запада, создавая свою гегемонию в отношениях с соседями и стремясь иметь между ними высший авторитет — так называемая «квази-имперская позиция»¹⁸⁰. В его письмах звучит риторический фамильный принцип имперской дипломатии, который в имперской риторике наиболее ярко выражался в обращениях и способах называть упоминаемых лиц¹⁸¹. Кроме того, в определённом смысле Теодорих мог транслировать на своих соседей модель «королей-клиентов» Империи¹⁸², так же, как он транслировал на племена к северу от Альп модель заключения с ними федератских договоров для защиты рубежей Италии.

Однако в отличие от императоров в сфере заключения союзов Теодорих по преимуществу использовал именно механизм создания реальных

¹⁷⁷ *Variae* III. 4.

¹⁷⁸ Например, *Variae* II. 41: 3.

¹⁷⁹ *Variae* III.2: 1.

¹⁸⁰ Macpherson R. Rome in involution. Cassiodorus' *Variae* in their literary and historical setting. P. 103.

¹⁸¹ «Мой сыном» он называет Алариха в послании к Гундобаду (*Variae* III.2), самого Гундобада — «мой брат» в письме к Хлодвигу (*Variae* III. 4).

¹⁸² Gillett A. Was Ethnicity Politicized in the Earliest Medieval Kingdoms? P. 119.

родственных связей, и риторически полноценно в текстах *Variae* разрабатываются только они. Причем в число таких связей включена еще одна, тоже воспринимаемая как родство и тоже — не кровное, как и в случае отношений, возникших в результате брака. Речь идёт об усыновлении по оружию в 507 г. короля герулов¹⁸³, когда Амалаберга, последняя незамужняя остготская принцесса (за исключением Амаласунты, для которой была уготована другая судьба), была или еще недостаточно взрослой, или уже замужем за Герминафридом (точная дата брака нам неизвестна), то есть не могла быть использованной для включения еще одного короля в орбиту влияния ее дяди. В начале посвященного этому усыновлению послании дается блестящее обоснование того, что создающаяся связь может быть ничуть не менее ценной и прочной, чем кровная — это связь, основанная на покровительстве сильного доблестному, а культ воинской доблести готов стал одним из действенных механизмов конструирования «этнической идеологии» и построения идентичности в королевстве Теодориха¹⁸⁴.

Письма, где мотив родственных отношений не задействован вообще, за исключением обращения «брат мой» (*fraternitas vestra*), адресованы королю варнов¹⁸⁵ и эстам¹⁸⁶, — то есть лицам, родственные узы с которыми не существовали фактически. То же можно сказать и о едином послании к королям герулов, тюрингов и варнов¹⁸⁷.

Иными словами, мотив родственных отношений в риторике Кассиодора является ключевой категорией для понимания репрезентации власти Теодориха в дипломатической подборке *Variae*¹⁸⁸. Именно этот мотив был

¹⁸³ П. Амори считает, что переговоры при этом велись на готском языке, что, в таком случае, ещё выше поднимало престиж Теодориха и его готов — Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 65.

¹⁸⁴ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 44.

¹⁸⁵ *Variae* V.1.

¹⁸⁶ *Variae* V.2.

¹⁸⁷ Оно было написано раньше брака Герминафрида и Амалаберги и раньше усыновления короля герулов.

¹⁸⁸ Причём если наложить на эту модель систему готских терминов родства, то можно увидеть любопытную корреляцию. Теодорих создаёт круг ближайших родственников одного социального статуса, примерной одной дистанции близости к нему как к главе рода. Если же сравнивать готские и западно-германские термины родства, то видно, что готский язык отделяет узкий круг родственников и

призван обосновать ту позицию старшего, которую занимает повелитель Италии в абсолютном большинстве писем к, казалось бы, равным ему германским лидерам. Эта позиция особенно четко прослеживается в одном коротком предложении из послания к королю герулов: *«Высочайший же, [как] тебе верится, среди народов [тот], который одобрен мнением Теодориха»* (*Summus enim inter gentes esse crederis, qui Theoderici sententia comprobaris*)¹⁸⁹. Как можно более лестно охарактеризовать правителя, нежели указав на то, что одного его одобрения достаточно, чтобы возвысить? Теодорих Великий претендует на первенство среди королей, как тот, кто инициировал создание их значимой связи, отдав в жены бесценных принцесс из рода Амалов, тот, кто взял на себя труд хранить согласие и выступать арбитром споров, тот, кто может оказать услугу советом и подать достойный пример.

Все изложенные выше соображения позволяют сделать вывод о том, что Теодорих полагал себя главой нового расширенного рода из других германских королей, связанных с ним родственными узами, и в этом ключе строил свою репрезентацию власти в дипломатических контактах с ними, что позволяет говорить о в германском смысле патриархальном характере его власти, по крайней мере по отношению к другим варварским лидерам. Стоит при этом понимать, что само понятие семьи и родства, кровного или приобретенного, довольно существенно отличалось от современного¹⁹⁰, и называя власть Теодориха «патриархальной», я пытаюсь указать на глубинные основания, а не на очевидно явленную характеристику. Он становился «отцом» появившегося его стараниями «рода» в том же смысле, в котором он не был владыкой территории в терминах римской риторики,

концентрируется на нем, тогда как западно-германские языки склонны формировать более далекие степени родства в зависимости от конкубината и других форм связи и социального статуса - Aubrichs W. Germanic and Gothic kinship terminology (p. 143 — 173) // *The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. An Ethnographic Perspective*. Ed. by S. J. Barnish, F. Marazzi. Woodbridge: The Boudell press. 2007. P. 164.

¹⁸⁹ *Variae* IV. 2: 2.

¹⁹⁰ Калинина И.В., Структурированность потестарного общества // Актуальные проблемы изучения Архаики. Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб.: МАЭ РАН. 2014. С. 155: «Отец» — это групповой классификационный термин, не связанный с современным понятием семья».

завязанной на специфическом понимании государства.

§5. Заключение

Широко известно, что римляне вспоминали времена Теодориха как времена благоденствия. Однако то же можно сказать и о готах. Их политические лидеры, как правило, прекрасно понимали и тот вклад, который он сделал в развитие их народа, и то, насколько важно им выглядеть продолжателями его дела как в глазах готов, так и в глазах римлян и Восточной империи¹⁹¹. Это прослеживается вплоть до Витигеса, поспешившего приобщиться к харизме великого короля через брак с его внучкой – недолго, но война с Восточной империей внесла свои коррективы в дальнейшее развитие событий. Однако и после падения королевства остготов Теодорих Великий не умер для племенного мира: его образ оставил довольно ощутимый след в германской культуре. Еще Карл Великий полагал, что увозит из Равенны в Аахен именно его статую, чтобы установить её там внутри дворцового комплекса¹⁹². Он водил в бой армии мёртвых, принимал воинские посвящения, сражался в битве воронов и умирал от рук обречённых бургундцев в чертогах Атли – был единственным героем и образцом рыцарственности. Вряд ли стоит подсчитывать, как эта посмертная жизнь соотносилась с его репрезентацией власти, важнее другое – что он не стал аналогом императора, полностью оторвавшись от германского духа. И в этом, вполне возможно, как раз и состоит заслуга того, что существовали методы конструирования образов его власти, направленные непосредственно на остготов (что бы ни понималось под этим названием) и связанные с племенным миром.

Эти методы можно разделить на две большие группы. К первой относятся те, которые в рамках официальной идеологии правления

¹⁹¹ Например, *Variae* X.31 (с обращением Витигеса к готам).

¹⁹² Роулинг М., Глава 1 Карл Великий и средневековое общество // Европа в Средние века. Быт, религия, культура. М.: ЗАО «Центрполиграф». 2005 и Bustacchini G. *Ravenna: Capital of Mosaic*. Ravenna: Cartolibreria Salbaroli. 1988.

апеллируют к греко-римской традиции – и приглашают готов стать частью Ойкумены на правах второго имперского народа Италии. Теодорих, таким образом, выступал в качестве фактически императора, утвержденного в этом качестве готским войском и поднимающего своих соплеменников из состояния варварства к статусу римлян.

Ко второй группе условно относятся методы, лежащие вне названной традиции – апеллирующие к более глубокому культурному чувству готов как одной из германских групп. Здесь можно назвать несколько линий, по которым развивалась репрезентация власти Теодориха.

В первую очередь – демонстрация своего единства с народом через создание готского окружения, занимаемых только готами важных придворных должностей, института *tuitio*, отсылающего к патриархальной природе власти и образу короля как заботливого отца, к которому без помех может обратиться любой гот, а также проведения особых встреч с готскими группами и актов дарения. Кроме того, единство выражалось в облике короля, а ещё конкретнее – в его обыкновении заплетать волосы «по-готски».

Во-вторых, это забота о готской письменной и религиозной традиции – памятником чему служит роскошный парадный манускрипт *Codex Argenteus*.

В-третьих, это работа с амальской традицией, когда бы она ни была создана. С её помощью происходило некое взаимопроникновение и взаимоукрепление образа королевской династии как сакрального рода и личной харизмы короля. П. Амори уверенно пишет о том, что акцент на значимости рода Амалов появляется только в последние годы правления Теодориха – в связи с малолетством наследника и поиском путей, которые укрепили бы его положение¹⁹³. Однако уже в послании к Герминафриду, датированным не позднее 511 г., речь идёт о блеске крови Амалов и той чести, которую Теодорих оказывает королю тюрингов, отдавая за него

¹⁹³ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 69.

принцессу из такого славного рода¹⁹⁴. Это доказывает, что внимание к амальской традиции было характерно для всего правления Теодориха Великого.

Гото-римское единство могло гармонично функционировать только при условии правильной работы с двумя различными традициями, которую проводили Теодорих и его окружение, в частности, Кассиодор. Двумя важными точками соприкосновения этих традиций, плоскостями диалога культур, стали тема прославления военной доблести и акцент на харизматической значимости королевского рода, поскольку при всей выборности императоров и магистратов греко-римский мир не был чужд тяготения к династической политике и династическим ролям.

В своей же репрезентации власти перед лицом других варварских лидеров, происходившей во время посольских миссий, Теодорих Великий претендует на первенство среди королей: как тот, кто инициировал создание их значимой связи, отдав в жены бесценных принцесс из рода Амалов, тот, кто взял на себя труд хранить согласие и выступать арбитром споров, тот, кто может оказать услугу советом и подать достойный пример. Ключевой категорией для понимания этого служит мотив родственных отношений, прослеживаемый в дипломатических посланиях *Variae*. Теодорих полагал себя главой нового расширенного рода из других германских королей, связанных с ним родственными узами, и в этом ключе строил свою репрезентацию власти в дипломатических контактах с ними, что позволяет говорить о в германском смысле патриархальном характере его власти. те же акценты можно проследить и в его отношениях со своим народом.

¹⁹⁴ *Variae* IV.1 (см. Приложение). Более того, в имени сестры Теодориха, Амалафриды, есть корень, указывающий на значимость родовой традиции – следовательно, внимание к престижу рода Амалов возникло в семье Теодориха ещё до Италии.

Глава II

Flavius Theodericus rex

Все источники по истории Остготской Италии написаны на латинском или греческом языке носителями культуры позднеантичного Средиземноморья. Поэтому в определенном смысле королевство остготов не существует вне этой традиции, определявшей идеи о власти и символическую коммуникацию в потестарной сфере в начале VI в. Поэтому крайне важен анализ тех аспектов репрезентации власти Теодориха Великого, которые лежат в русле греко-римской поздней Империи и направлены на тех, кому понятен был только её язык.

§1. Репрезентация власти Теодориха Великого перед лицом восточных императоров

Важнейшим для понимания сущности власти Теодориха в Италии и возникавших вокруг нее образов является история его взаимоотношений с восточными императорами, выявление того, какое место занимал он в политической системе Восточной империи и кем был в сознании современников, располагавших совокупностью представлений об императорской и королевской власти, а также об их соотношении. Одну из ключевых функций в формировании образов власти Теодориха играло представление современников об Италии как о колыбели Империи. И королевство, возникшее там, могло им казаться «имперским королевством»¹⁹⁵.

Еще до взятия Равенны *«Теодорих отправил к императору Зенону легата Феста, главу сената, надеясь получить для себя царское*

¹⁹⁵ Как по мнению Х. Вольфрама, видевшего в *exercitus Gothorum* войско Запада, легитимизированное императором и избирающее его (Вольфрам Х. Готы. С. 408), так и по мнению его оппонентов (Heydemann G. *The Ostrogothic Kingdom: Ideologies and Transitions // A Companion to Ostrogothic Italy*. Ed. by Arnold J., Bjornlie S., Sessa K. Brill Academic Publishers: Brill's Companions to European History. 2016. P. 20).

*облачение»*¹⁹⁶. Теодорих, безусловно, нуждавшийся в признании своих действий и достижений со стороны Зенона и еще до падения Одоакра контролировавший большую часть Италии, избрал своим посредником в общении с верховной властью римский сенат – единственный институт, способный удовлетворить потребность нового правителя в легитимности.

Император Зенон Флавий Исавр умер в 491 г., когда борьба Теодориха и Одоакра еще была далека от завершения. В Константинополе к власти пришел Анастасий, которому отдала свою руку вдова Зенона – Августа Ариадна, дочь, мать и жена императоров. Историография традиционно приписывает ей решающую роль в выборе этого конкретного человека как преемника императора¹⁹⁷. Анастасий был избран в противовес партии исавров, из которой происходил предыдущий император и которая имела своего кандидата на престол – Лонгина, брата Зенона. Следовательно, существовала реальная угроза беспорядков в столице или последующего заговора против нового императора, которая, впрочем, была успешно устранена.

Очевидно, Анастасий, пришедший к власти при поддержке той части высших сановников, которая была настроена против исавров, критически относился ко всем начинаниям предыдущего царствования. Теодорих же, когда в 493 году в Италию дошла весть о смерти Зенона, столкнулся с совершенно новым для себя политическим деятелем, которого следовало как можно скорее склонить к официальному признанию власти Амала над Италией. Положение усугублялось нарушенным ради вступления в Равенну договором с Зеноном и провозглашением Теодориха королём членами его племени, которое новый император мог счесть излишне поспешным.

Теодорих отправил в Константинополь новое посольство, во главе всё с тем же *«легатом Фестом»*, и только в 498 г., после длительных переговоров, содержание которых до нас не дошло, получил столь

¹⁹⁶ Аноним Вalezия. фр. 2. IX (53).

¹⁹⁷ Кулаковский Ю. А. Анастасий. Избрание на царство. Война с исаврами. Волнения в столице // «История Византии». Том 1. СПб.: Алетейя (Серия «Византийская библиотека. Исследования»). 2003.

необходимое признание. Соглашение было оформлено документально – на договор между Теодорихом и Анастасием ссылается Тотила в письме к Юстиниану, недоумевая, в чем сущность претензий Восточной империи к остготским королям¹⁹⁸. Тогда же в Равенну вернулись инсигнии императорской власти (*omnia ornamenta palati*), чуть более двух десятков лет назад отправленные оттуда Одоакром¹⁹⁹.

Omnia ornamenta palati сложно понимать иначе, как инсигнии императорской власти, отосланные Одоакром в знак того, что он не собирается провозглашать западным императором ни себя, ни кого-либо другого и признает над собой и Италией власть восточного императора. Сам факт их возвращения представляется в достаточной мере загадочным: Анастасий отправлял инсигнии на Запад с расчетом, что получатель будет только хранить их или будет в праве носить? В источниках удовлетворительного ответа на этот вопрос нет. Наиболее полный материал даёт «Панегирик» Эннодия, где названы императорский пурпур²⁰⁰, скипетр²⁰¹ и диадема²⁰², однако практически всегда в контексте, который возможно не интерпретировать, как указание на реальный предмет и реальный облик. В научной литературе длительное время обсуждался

¹⁹⁸ Прокопий из Кесари. Война с готами III. 21: 22 – 25: «А чего ради я отправил к тебе этих послов, ты сейчас узнаешь. Мы просим тебя извлечь из этого мира для себя все самое лучшее и нам дать то же. Памятником и примером этого мы имеем договор между Анастасием и Теодорихом, которые царствовали не так уж давно и все время своего царствования наполнили миром и благополучием. Если бы ты пожелал сделать то же самое, то, конечно, ты был бы для меня отцом и имел бы в нас на все остальное время союзников, против кого бы ни пожелал». Нумерация книг здесь и далее дана по книгам Войн с готами, а не внутри общей нумерации книг Войн. Например, здесь III-я книга Войн с готами – это VII-я книга в общей нумерации книг Войн.

¹⁹⁹ Аноним Вalezия. фр. 2. XII. (64): «Когда Теодерих с помощью Феста заключил с императором Анастасием мир относительно получения власти, он возвратил все дворцовые украшения, которые Одоакр переправил в Константинополь».

²⁰⁰ Pan. III.14: «Тебе, о славный повелитель, равным образом принадлежит слава и дарителя, и защитника диадемы. Если правитель тех областей не ценил тебя, он правил государством, чувствуя слабость, если почитал тебя, то [властью своей] был обязан тебе. В подтверждение твоих заслуг ты принял пурпур как свидетельство [славы]».

²⁰¹ Pan. XX.88: «Величие рода стяжало для тебя скипетр, однако если бы не было знаков этого [происхождения], то избрание тебя правителем обеспечил бы ум твой».

²⁰² Pan. XXI. 91: «Никто не должен почем зря похваляться убранством своей головы, ибо то, что в других правителях подчеркивают диадемы, у короля моего сотворила с Божией помощью сама природа».

вопрос о составе полученного в Равенне набора императорских инсигний²⁰³, высказывалось мнение о том, что Анастасий не выслал на Запад именно диадему, чтобы подчеркнуть подчиненное положение Италии по отношению к Константинополю²⁰⁴. В качестве результата можно предложить резюме С. МакКормак, детально анализировавшей наиболее важные моменты дискуссии и фрагменты текста Панегирика, их спровоцировавшие: Теодорих носил императорский пурпур и длинные волосы короля-германца – диадему он никогда не носил²⁰⁵. Это подтверждается изображением на медальоне из Сенигаллии, где облаченный в кольчугу Теодорих держит в руках шар со статуэткой победы, голову же его венчает прическа «на готский манер»²⁰⁶. Была ли при этом получена, но сохранена в неприкосновенности диадема западных императоров, установить невозможно.

Однако то, что остготские панегиристы избегали использовать титул Август по отношению к своему правителю и упоминать диадему²⁰⁷ – ключевую императорскую инсигнию – позволяло создавать эмоциональную дистанцию между ним и императором на Востоке. Эта дистанция чувствуется и в конкретных посланиях Теодориха в Константинополь, как будет показано ниже. Всё же из-за самого места Италии в политическом сознании современников, и, вполне вероятно, по содержанию переговоров 493 – 498 гг. Теодорих имел право считать себя кем-то вроде западного императора, с другой же стороны, слишком было очевидно, что он им не был – слишком очевидно из-за самого состояния политической культуры того времени и представлений о легитимности императорской власти. Эта

²⁰³ История вопроса – MacCormic M. *Eternal victory. Triumphal rulership in late antiquity, Bizantium, and the early medieval West.* Cambridge: Maison des Sciences de l'Homme and Cambridge University Press. 1986. P. 270.

²⁰⁴ Шукин М.Б. Готский путь. С. 303.

²⁰⁵ MacCormac S. G. *Art and ceremony in late antiquity.* Berkeley, Los Angeles, London: University of California press. 1981. P. 234.

²⁰⁶ «Медальон из Сенигаллии» - золотая монета из Морро д'Альба, провинция Анкона, переделанная в фибулу – Вольфрам Х. Готы. С. 441, примечание 4.

²⁰⁷ MacCormac S. G. *Art and ceremony in late antiquity.* P. 236.

амбивалентность – ключ к пониманию репрезентации власти Теодориха перед лицом василевсов.

Наиболее значимый источник при подобной постановке проблемы – два послания правителя Остготской Италии из корпуса *Variae* Кассиодора Сенатора, адресованные Августу Анастасию. Степень участия самого Теодориха в создании всех отмеченных его именем писем *Variae* дискуссионна²⁰⁸, но представляется наиболее разумным присоединиться ко мнению Дж. О’Доннелла о совместном творчестве владыки и его квестора²⁰⁹. Тексты же дипломатических посланий эпохи Поздней Античности играли более значимую роль в репрезентации власти, чем даже официальные речи послов и сами переговоры. Основная причина этого – тот факт, что подобные письма были вступлением к дискуссии²¹⁰, первым, на что было направлено внимание принимающей стороны, поскольку именно они зачитывались во время первого официального приёма посольства, до собственно начала переговоров²¹¹.

Первое из интересующих нас посланий – письмо, открывающее собрание *Variae*, написанное в 508 г. в момент, во многом критический для власти остготского короля. Король франков Хлодвиг Меровинг в битве при Вуйе победил зятя Теодориха, короля вестготов Алариха II, захватил Тулузу, Ангулем и Тур. Теодорих Амал пытался помочь Алариху, но был задержан войной в Сирмийской Паннонии, где жили союзные Восточной империи гепиды. Эта война, таким образом, стала *de facto* открытым остготско-византийским конфликтом²¹². Тогда же император Анастасий, приложивший усилия к тому, чтобы задержать войска Теодориха у Сирмия, отправил к Хлодвигу посольство, добившееся заключения договора между

²⁰⁸ Поскольку в тексте Анонима Вalezия есть пассаж о том, что Теодорих был неграмотен (Аноним Вalezия. фр. 2. XIV. (79)), могут быть высказаны предположения о минимальном его участии в создании текстов *Variae*, написанных сложным латинским языком. Об этом – см. Шкаренков П.П. Королевская власть в Остготской Италии. С. 10.

²⁰⁹ O’Donnell J.J. *Cassiodorus*. Copyright and published 1979 (University of California Press: "Postprint". 1995). URL: <http://faculty.georgetown.edu/jod/texts/cassbook/toc.html> (дата обращения 14.01.2017).

²¹⁰ Gillett A. *Envoys and Political communication in the Late Antique West*. P. 182.

²¹¹ Nechaeva E. *Embassies. Negotians. Gifts*. P. 41.

²¹² Вольфрам Х. *Готы*. С. 461.

франками и Восточной Империей. Хлодвиг же, которому было даровано звание патриция, стал *consul honorarius*²¹³. В поступке Анастасия сложно не усмотреть действие принципа *devide et impera*, тем более необходимого из-за того, что два сильнейших варварских лидера своего времени ни разу до этого не доводили свои отношения до открытого военного конфликта. Признавая легитимность Хлодвига, наделяя его теми же званиями, которыми когда-то был наделен Теодорих, Анастасий заявлял об их равенстве в глазах Империи и серьезно ставил под вопрос легитимность Теодориха как старшего правителя на Западе по праву владения Италией с согласия императора Востока.

Отправленное в такой непростой обстановке послание преследовало одну цель – обосновать перед лицом восточного – и единственного теперь – императора претензию Теодориха на особое место в системе власти, замыкающейся на фигуре адресата. Фактически, это место второго после василевса владыки пронизанной римской государственностью Ойкумены. Известные мне комментаторы этого послания заостряют внимание на двух, безусловно, значимых семантических плоскостях текста этого насыщенного смыслами послания. П. Хизер и С. Барниш, развивая тему сугубо христианской сюжетики в творчестве Кассиодора (что, по всей видимости, характерно для западной историографии последних двадцати – тридцати лет), делают акцент на том, что Теодорих выступает в этом письме как носитель *Romanitas* в силу Божественного предопределения²¹⁴, получив ее непосредственно от Бога²¹⁵. П.П. Шкаренков, помещая терминологию Кассиодора в широкий контекст античной философии, предполагает, что речь идет о создании двух образов власти – Теодориха и императора – каждый из которых подражает одной платоновской идее. При

²¹³ Вольфрам Х. Готы. С. 451.

²¹⁴ Heather P. Gens and regnum among the Ostrogoths. P. 116.

²¹⁵ The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. P. 267 (указание на конкретную реплику С. Барниша в дискуссии)

этом власть императора, конечно, неизмеримо выше²¹⁶. Однако в рамках данной работы представляется возможным расставить и иные акценты.

Довольно значительное место во второй части послания занимают рассуждения о единстве империи²¹⁷: «...мы не верим, что вы потерпите, чтобы между обеими республиками, единое тело которых под властью древних принцевов было провозглашено, [хотя бы] до некоторой степени остались раздоры. Эти [республики] должны быть связаны между собой не только праздною любовью, но по истине же подобает [им] быть поддержанными взаимною мощью. Да будет единая воля римских государств, всегда единое мнение. [Всё], что мы можем, да устремится к вашему прославлению²¹⁸» (...*pati vos non credimus inter utrasque res publicas, quarum semper unum corpus sub antiquis principibus fuisse declaratur, aliquid discordiae permanere. Quas non solum oportet inter se otiosa dilectione coniungi, verum etiam decet mutuis viribus adiuvari. Romani regni unum velle, una semper opinio sit. Quicquid et nos possumus, vestris praeconiis applicetur*). Фактически, в этих словах заявлена претензия Остготской Италии на то, чтобы оставаться не просто частью вечной Империи, но ее второй половиной. Теодорих же, поддерживая являющийся частью Божественного плана римский порядок²¹⁹, выступает тем, кто обеспечивает единство Запада и Востока империи – двух частей неделимой реальности. Именно к этому он почтительно призывает Анастасия, напоминая ему о своём положении и о его долге перед второй частью империи. «Эмоциональная дистанция», о которой речь уже шла выше, здесь заключается в изящно выраженной готовности сложить все свои достижения к ногам императора, дабы они добавили блеска его славе, исключительно потому, что империя по сути осталась единой, и обе её части должны поддерживать друг друга. Это не менее, чем желание быть младшим братом восточного императора,

²¹⁶ Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии по “*Variae*” Кассиодора. С. 51 – 59.

²¹⁷ *Variae* I.1. 4-5.

²¹⁸ Перевод, передающий оттенок публичного произнесения похвалы, который заложен в слове *praeconius*: «Всё, что мы можем сделать, да будет похвалой Вам».

²¹⁹ Heater P., *Merely a ideology?* P. 35.

высказанное на основании преемственности власти от великих принцепсов прошлого²²⁰.

С призывами к единству во мнении связано так же второе письмо Теодориха к Анастасию²²¹ – посвященное назначению консульского звания. Значительную же его часть занимают рассуждения о консульском достоинстве и связи консульства со знатностью. Теодорих в нём выступает тем, кто печется о престиже империи и ее магистратов, о сенаторской знати и ее традициях. То есть фактически он и в этом занимает императорскую позицию – позицию единства с лучшими людьми империи и заботы о преемственности. Он тщательно разобрался в вопросе, предлагает императору кандидата, который не уронит достоинства римской курии, и только просит его одобрить избранника к вящей славе империи.

Декларируемое старшинство восточного императора, выражающееся как в соблюдении уважительного тона (с существенными хвалебными нотками), так и в таких более осязаемых вещах, как некоторая несамостоятельность в назначении консулов, объясняется скорее уже упоминавшейся «эмоциональной дистанцией», нежели отказом от прав на Запад империи, пусть и уважительно склонивший голову перед Востоком. В определенном смысле, это дистанция между властью смертного, достигшего наибольшего в этом мире, и властью, причастной божественному – вечности. Поскольку императорское правление на земле

²²⁰ Можно предполагать, что такая же позиция заявлена уже в знаменитой фразе из первой части послания: *«Вы же – прекрасное украшение всех царств, вы – спасительный оплот целого мира, которого по праву признают прочие повелевающие, потому что они познают [то] нечто, что заключается в вашей исключительности; мы [же], более [чем кто-либо другой], кто с Божьей помощью в вашей республике обучился, каким образом равно [с вами] повелевать римлянами»* («*Vos enim estis regnorum omnium pulcherrimum decus, vos totius orbis salutare praesidium, quos ceteri dominantes iure suspiciunt, quia in vobis singulare aliquid inesse cognoscunt, nos maxime, qui divino auxilio in re publica vestra didicimus, quemadmodum Romanis aequabiliter imperare possimus*). «*Aequabiliter imperare*» обычно переводят как «управлять в соответствии со справедливостью» (например, Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов. С. 43), однако сам корень слова *aequabiliter* отсылает к равенству (*aequitas*) и связанной с равенством справедливости (*aequum*), а не к справедливости (*justitia*), связанной с законом. Причем для ранних писем Кассиодора (времени службы квестором) характерно скорее использование именно *justitia* для передачи связанных со справедливостью значений (например, *Variae* III.1 – см. приложение). Поэтому представляется возможным тот перевод «*aequabiliter imperare*», который дан выше.

²²¹ *Variae* II.1.

было моделью божественного правления на небе²²², поскольку понятие *imperium* слилось с понятием *aeternitas*²²³, занимающий место императора Запада Теодорих не мог до конца претендовать на весь блеск, всю полноту **смысла** этого положения. Наибольшее, чего можно было желать – место того, кто **фактически правит** второй половиной неразрывной политической реальности, кто повторяет то, чему он научился у прототипа, кто в этом неизмеримо выше всех других властителей мира.

Такая позиция довольно сложна для понимания, однако, вполне возможно, чёткое разделение статусов императора и Теодориха – скорее часть нашего современного исследовательского мышления, стремящегося к научной строгости формулировок. Кассиодор же, конструируя образ Теодориха перед лицом восточного императора, скорее стремился передать тончайшие оттенки смысла, чего высокообразованное окружение константинопольских василевсов не могло не оценить. Прокопий Кесарийский, интеллектуал²²⁴ и секретарь одного из лучших полководцев императора Юстиниана, даёт нам пример того, какое впечатление на людей из этого окружения производила репрезентация власти правителя Остготской Италии даже после его смерти.

Теодорих, безусловно, не является одним из центральных героев «Войны с готами». Однако рассказ о нём приводится в качестве предыстории начала вторжения Велизария в Италию, а сам его образ, время от времени возникающий на страницах этого сочинения, важен для понимания причин и характера этой войны – хотя бы по мнению автора. Прокопия чрезвычайно заботило положение Теодориха относительно

²²² MacCormac S. G. Art and ceremony in late antiquity. P. 121.

²²³ Уколова В.И. Империя как “смысл” исторического пространства: попытка политологического анализа, обращенная к прошлому (с. 20 – 33) // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. Отв. ред. Хачатурян Н.А. Составитель О.С. Воскобойников. М.: Наука. 2008. С. 21.

²²⁴ Несмотря на то, что на Прокопия как правило смотрят как на достойного доверия историка, предполагая при этом незначительную роль литературного компонента в его труде, хотя бы на примере того, как он работает с сюжетом, виден и его талант литератора, и способность передавать замысел с помощью сложно уловимой семантической игры. Это прекрасно показано в статье Cooper K. The Heroine and the Historian: Procopius of Caesarea on the Troubled Reign of Queen Amalasuetha // A Companion to Ostrogothic Italy. Ed. by Arnold J., Bjornlie S., Sessa K. Brill Academic Publishers: Brill's Companions to European History. 2016.

императора и его власти, однако, как кажется, он так и не смог выработать чёткого взгляда на эту проблему.

Вот знаменитый фрагмент текста «Войны с готами», в котором Прокопий впервые обращается к теме соотношения власти Теодориха над Италией и императора – над всей Империей: *«Он не пожелал принять ни знаков достоинства, ни имени римского императора, но продолжал (скромно) называться и в дальнейшем именем rex (так обычно варвары называют своих начальников); подданными своими он управлял твердо, держа их в подчинении, как это вполне подобает настоящему императору»*²²⁵. При толковании этого пассажа обычно уделяют основное внимание титулатуре, что наиболее оправдано, поскольку таков изначальный посыл самого Прокопия²²⁶. Однако в рамках данной работы хотелось бы обратить внимание на другую, морально-этическую сторону этого заявления, тем более, что позднеантичная риторика вообще была склонна к моралите и потому такая постановка вопроса вполне оправдана. Здесь Прокопий намеренно делает акцент на скромности Теодориха: он был – был фактически, так как подчинял себе, как подобает истинному императору – но не назывался.

Если обратиться к дальнейшему тексту «Войн», то можно увидеть, что Теодорих является при этом носителем императорских добродетелей. Он был справедлив²²⁷, умел защитить подданных от варваров²²⁸, был милосерден²²⁹ и заботился о согласии. Причем именно последнее удостоилось даже развернутого объяснения: *«Ведь другие, находясь во главе правления, становятся или на ту, или на другую сторону, и поэтому установившаяся власть нравится тем, кому она в данный момент своими*

²²⁵ Прокопий из Кесари. Война с готами. I.1.26.

²²⁶ Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии по “Variae” Кассиодора.. С. 51 – 52 и Gillett A. Was Ethnicity Politicized in the Earliest Medieval Kingdoms? P. 116 – 118.

²²⁷ Прокопий из Кесари. Война с готами. I.1.27: *«Он в высшей степени заботился о правосудии и справедливости и непреклонно наблюдал за выполнением законов...»*

²²⁸ Прокопий из Кесари. Война с готами. I.1.27: *«...он охранял неприкосновенной свою страну от соседних варваров и тем заслужил высшую славу и мудрости и доблести».*

²²⁹ Прокопий из Кесари. Война с готами. I.1.28: *«Сам лично он не притеснял и не обижал своих подданных...»*

*постановлениями доставляет удовольствие, и вызывает к себе нерасположение в том случае, если идет против их пожеланий»*²³⁰. Вряд ли речь здесь идет о только о стремлении короля не провоцировать конфликтов между готами и римлянами в рамках создаваемого готоримского единства. Скорее, так Прокопий отдаёт должное умению Теодориха быть выше борьбы придворных и сенаторских партий и, играя на противоречиях между ними, поддерживать мир в государстве. Единственное, что несколько замутняет в глазах Прокопия созданный образ – это раздача римской земли варварам, пусть и из того же племени, что и сам король. Собственно же власть Теодориха интересует Прокопия именно как управление римлянами – теми, в отношении которых как раз и проявляются его лучшие качества. Поистине красноречивый образ благодетель правителя Италии нарисован достаточно бегло в другом месте труда Прокопия, где речь идет о размещении готских гарнизонов на Сицилии²³¹: римлянам было достаточно просто попросить короля, и их просьба была исполнена.

Итак, Теодорих, носитель положенных императору добродетелей, исполнявший его функции (причем исполнявший лучшим образом, в глазах Прокопия) *«по имени...был тираном, захватчиком власти, на деле же самым настоящим императором, ничуть не ниже наиболее прославленных, носивших с самого начала этот титул»*²³². То есть он был достоин императорского звания, но не имел на него права. Можно предположить, что в этом как раз и есть главное противоречие, не дававшее Прокопию полностью определиться со своим отношением ко власти Теодориха в Италии. Легитимный античный правитель был носителем соответствующих добродетелей. Здесь же воплощение тех самых добродетелей называлось

²³⁰ Прокопий из Кесари. Война с готами. I.1. 30.

²³¹ Прокопий из Кесари. Война с готами III.16.16 – 17: *«Этот остров Сицилия был с древних времен богат и денежными доходами и изобилием плодов, росших там в большом количестве и различных видов, так что их не только хватало для живущих там, но и вы, римляне, ввозили их себе оттуда, и этот ежегодный ввоз был достаточен для вас. Поэтому с самого начала римляне просили Теодориха не ставить там больших гарнизонов, чтобы не причинить этим ущерба их свободе или другому их благополучию».*

²³² Прокопий из Кесари. Война с готами I.1.29.

тираном – и было им, Прокопий это признаёт и вкладывает это признание в уста готов²³³.

В попытке объяснить, как же такое произошло, автор «Войн» создаёт диалог между готскими послами и Велизарием²³⁴, передающий столкновение двух полярных мнений о сущности власти Теодориха в Италии. Первое из них: Теодорих, заручившись согласием Зенона на экспедицию в Италию, смещение Одоакра и расселение на апеннинских землях своего племени, справедливо установил там свою власть по праву захвата (помимо всего прочего, одному из основополагающих в римском праве) и по договору с восточным императором. Второе: Теодорих установил в Италии свою власть, незаконную, так как он, решив *«ни в коем случае не возвращать этой земли ее владыке»*, таким образом, посягнул на императорские прерогативы, поставил себя вровень с императором. Нетрудно заметить, что обе позиции представляются довольно обоснованными, что делает их столкновение особенно непримиримым. Вполне вероятно, такой диалог действительно имел место, но Прокопий, как уже было сказано, все-таки хороший литератор, поэтому в данном контексте важно появление этого диалога как стадии формирования отношения Прокопия Кесарийского к правлению Теодориха в Италии.

Достаточно важное упоминание Теодориха есть и в другом труде Прокопия Кесарийского – «Тайной истории», главным героем которой является, безусловно, Юстиниан, а речь идет в основном о его злоупотреблениях. Сам же император показан в этом *«испепеляющее уничтожительном памфлете»* как своенравный, жестокий и капризный тиран, губящий государство²³⁵. Теодорих появляется в тексте «Тайной истории» для сравнения с Юстинианом, причем, несомненно, для того,

²³³ Прокопий из Кесари. Война с готами I.2.16: *«...ее отец Теодорих умер, оказавшись владыкой столь великой страны и захватив ни с какой стороны не принадлежавшую ему императорскую власть, хотя о всяких науках он не слышал даже краем уха».*

²³⁴ Прокопий из Кесари. Война с готами II.6.14 – 26.

²³⁵ Бибииков В.М. «Великие василевсы» Византийской империи. С. 46.

чтобы дискредитировать политику императора в Италии²³⁶. Теодорих, утверждает Прокопий, вернул Италии процветание и заботился о ее бедняках, это же продолжали делать его потомки, Юстиниан же, захватив Апеннины, разорил их руками своего чиновника. Теодорих заботился о благополучии своих подданных, Юстиниан же – лишь о том, как обогатиться за их счет. В рамках данной работы принципиально важным остается то, что из всех правителей, более-менее близких к Юстиниану по времени, Прокопий Кесарийский выбрал именно Теодориха в качестве примера властителя, пекущегося о благе своих подданных.

На примере Прокопия Кесарийского можно проследить реакцию на репрезентацию власти Теодориха в отношении восточных императоров и их окружения, порожденную тонкостью семантических оттенков этой репрезентации. Адресуясь к императору Анастасию и, вполне возможно, к его последователям, правитель Остготской Италии настаивал на своём уникальном статусе преемника западных императоров, соблюдая при этом крайне важную эмоциональную дистанцию. Именно эта дистанция породила неуверенность Прокопия в том, кем именно был Теодорих на Западе, сомнения в верном понимании сущности его власти – и интерес к ней. Принципиально важно то, что конструирование образа власти Теодориха Великого перед лицом василевсов органически связано с идеологией его правления и репрезентацией власти, направленной на италийское романское население, разделявшее с константинопольским двором культурные традиции греко-римского Средиземноморья.

²³⁶ Прокопий Кесарийский. Тайная история, XXVI. (27) – (30): «Теодорих, овладев Италией, оставил на своих местах тех, кто служил при римском дворце, чтобы таким образом сохранился хоть какой-то след древнего государственного устройства, и назначил им небольшое ежедневное жалованье. А было их очень много. Среди них были так называемые силенциарии, domestici и схоластии, у которых не осталось ничего, кроме наименования, службы да этого жалованья, с трудом хватавшего им на прожитие. Теодорих повелел, чтобы они передавали его своим детям и потомкам. Ницим, обретавшимся возле храма апостола Петра, он пожаловал постоянную выдачу из казны трех тысяч медимнов хлеба в год. Все они продолжали получать эти [выдачи] до того времени, как в Италию прибыл Александр Псалидий. Ибо этот человек без малейшего колебания решил все это у них отнять. Узнав об этом, Юстиниан, автократор римлян, одобрил такой образ действий и держал Александра в еще большей, чем прежде, чести».

§2. Репрезентация власти Теодориха Великого по отношению к латиноязычному населению Италии

Построение гото-римского единства было условием долгого существования Остготской Италии как политического организма. Успешность же его конструирования в гораздо большей степени, чем от готов, зависела от италийцев, которые превосходили остготов по численности в десятки раз. Традиции отрицания варвара как официального главы имперского аппарата управления были еще очень сильны, несмотря на то, что давно уже императоры не были чистокровными римлянами. Они, окруженные германскими военачальниками, вводили при своем дворе ряд практик, близких к принятым в варварской среде, приближаясь к разряду «королей с дружиной»²³⁷, правителей, связанных специфическими узами с их ближайшим военизированным окружением. Не стоит также недооценивать существование межэтнических и межкультурных антагонизмов, к которым легко прибавлялись религиозные: готы были арианами. Перед Теодорихом стоял пример Одоакра, который не терроризировал романское население, не отменял римские порядки, не провозглашал себя императором, не начинал религиозных преследований, не шел на конфликт с сенатом и был при первой же возможности предан романским населением. Италия за три года перешла под власть посланного восточным императором готского войска, сопротивлялись только верные Одоакру войска, городские общины, часто во главе с епископами, охотно приветствовали Теодориха.

У сына Тиудимира хватило мудрости понять, что политики Одоакра было все же недостаточно, и вести себя так, чтобы без крупных потрясений править Италией. Поэтому заслуживает пристального внимания как комплекс мер, предпринятых им для этого, так и методы репрезентации

²³⁷ Кардини Ф., Варвары в Риме // Глава 4. Рим и варвары // Часть I. Шаманы, воины, миссионеры // Истоки средневекового рыцарства.

власти, направленные на её легитимацию – вновь и вновь, на протяжении более двух десятков лет правления – в глазах италийцев.

Как не раз отмечалось исследователями²³⁸, до появления Теодориха в титулатуре германских вождей к слову *rex* всегда прибавлялось название племени. Невозможно было быть королем не какого-либо народа, а королем вообще. Титул Теодориха *Flavius Theodericus rex*, таким образом, отражал те уступки, на которые приходилось идти королю не только перед лицом императора, но и романского населения Италии. Однако на основании подробного анализа всего разнообразия тех наименований варварских властителей, которое можно встретить в дошедших до нас источниках²³⁹, Э. Джиллетт сделал обоснованный вывод о том, что этническое добавление к титулу *rex* не апеллирует ни к чему, кроме собственной этнической идентичности носителя²⁴⁰. Или – что, вероятно, было даже чаще – к той идентичности, которую носитель титула разделяет по мнению того, кто создаёт текст с рассматриваемым наименованием, сама же этническая приставка довольно часто – продукт позднеантичной этногеографии, то есть нечто, навязанное извне²⁴¹. На этом основании Э. Джиллетт заявляет об отсутствии этнического дискурса в титулатуре ранних варварских королей²⁴². Иными словами, отсутствие дошедшего до нас наименования Теодориха *rex Got(h)orum* – вполне возможно, просто случайность или же свидетельство того, что его репрезентация власти, направленная на

²³⁸ Например, Томпсон Э.А. Римляне и варвары. С. 66; объяснение же столь необычного титула даётся следующее: «Теодерих не стал королем и италийцев и варваров. В этот период не существовало у италийцев «короля». Поэтому в официальных документах единственный титул Теодериха — это титул короля без уточнения, над чем и над кем. Он не называет себя «королем готов» (хотя на самом деле он вполне мог им быть), потому что если бы он принял этот титул, он, видимо, ограничил бы свою власть варварами, исключив из нее италийцев. В то же время он не «король римлян» и не «король Италии». Он просто «король», без уточнения» (Томпсон Э.А. Римляне и варвары. С. 68).

²³⁹ Часть, которая касается титулатуры непосредственно остготских владык – Gillett A. Was Ethnicity Politicized in the Earliest Medieval Kingdoms? P. 98 – 100.

²⁴⁰ Gillett A. Was Ethnicity Politicized in the Earliest Medieval Kingdoms? P. 89.

²⁴¹ Gillett A. Was Ethnicity Politicized in the Earliest Medieval Kingdoms? P. 120.

²⁴² Gillett A. Was Ethnicity Politicized in the Earliest Medieval Kingdoms? P. 90.

латиноязычное население Италии, была настолько эффективна, что очевидная принадлежность его к готам просто игнорировалась²⁴³.

§§2.1. Официальная идеология правления и конструирование образов власти внутри нее

Правление Теодориха было проникнуто пафосом *renovatio*²⁴⁴, настолько мощным, что он не только повлиял на современников, но и через полторы тысячи лет способствовал появлению понятия «Остготское Возрождение». Помимо множества иных значений, акцент на возрождении был возможностью не соревноваться с восточным императором в пределах одного семантического поля – поля реальной и современной императорской власти. Король выступал продолжателем дела западных императоров, принцепсов, вышедших из уже полуполюгендарной Республики – в том смысле, которым эта эпоха была наделена в сознании людей начала VI века. Он стоял на вершине сообщества, в котором честь гражданского служения принадлежала римлянам, а блеск и тяготы военной службы несли готы²⁴⁵ –

²⁴³ Интересно также, что, по данным, собранным Э. Джиллеттом, Одоакр также носил просто титул *rex* без каких-либо добавлений (Gillett A. Was Ethnicity Politicized in the Earliest Medieval Kingdoms? P. 111). Его положение внутри империи было по неопределенности схоже с положением Теодориха. Вполне возможно, он так же был патриkiem – подробно эта проблема изложена в статье Д.Ф. Шипилова «О принадлежности Одоакру титула патриция» (Шипилов Д.Ф. О принадлежности Одоакру титула патриция (с. 402 – 407) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Выпуск № 76-1. 2008), где дан историографический обзор мнений на этот счет и сделан вывод о том, что для самого Одоакра наиболее важным было не само звание патрикия – было оно или не было ему дано – а должность *magister militum*. В свете общей неопределенности термина «патрикий», важно, что, даже называя Одоакра этим словом в официальном послании Зенон мог и не подразумевать под этим титулом никакую должность, а сам Одоакр на протяжении десяти с лишним лет правления позиционировал себя скорее в качестве императорского должностного лица, чем самостоятельного государя. Однако после вторжения, когда стало совершенно очевидно, что император Зенон и так враг Одоакра и собирается уничтожить его руками Теодориха, бывший начальник дворцовой стражи Ромула Августула стал вести себя уже без оглядки на Константинополь. В первой половине 490 года, во время кратковременной и последней полосы заметных успехов в разыгрывающейся борьбе, Одоакр с частью войска подошел к Риму и провозгласил там своего сына Телу (Телана) цезарем (Иоанн Антиохийский, Фр. 214а). Этому сообщению вполне доверяет Х. Вольфрам (Вольфрам Х. Готы. С. 400). Это была попытка привести в действие тот же механизм, который позволял до него Рицимеру и Оресту осуществлять фактическую власть, не являясь ее легитимным носителем: не обладая благосклонностью законного императора, он попытался создать своего, марионеточного.

²⁴⁴ Johnson M.J. Art and Architecture // A Companion to Ostrogothic Italy. Ed. by Arnold J., Bjornlie S., Sessa K. Brill Academic Publishers: Brill's Companions to European History. 2016. P. 358.

²⁴⁵ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 43. О корреляции с реальностью этого деления существует дискуссия, изложенная в Swain B., Goths and Gothic Identity in the Ostrogothic Kingdom. P. 216 – 217.

два имперских народа, соединенных ради процветания продолжающейся Римской Республики²⁴⁶.

Теодорих в этом качестве выступает в текстах *Variae*, адресованных различным группам населения Италии, как поистине античный монарх, чья власть еще со времен Платона основывается на моральном праве, а ее носитель обладает достоинствами и добродетелями подлинного философа: благоразумием, справедливостью, мужеством, скромностью, умеренностью²⁴⁷. И добродетели эти реализуются по доброй воле короля²⁴⁸, изливая блага на его подданных.

Правление его зиждется на идущих еще от Цицерона²⁴⁹ – то есть являющихся основополагающими для римского духа – принципах *libertas*, *civilitas* и *humanitas*²⁵⁰, связывающих императорскую власть с понятиями о «римской свободе», с жесткой античной концепцией принципиальной государственности власти²⁵¹, с патриархальной природой «отцовскости» принцепса. И как и подобает истинному императору²⁵², он денно и ночью печется о благе подданных²⁵³. Он не только защищает слабых от произвола чиновников и заботится о снабжении их самым необходимым²⁵⁴, но и следит за тем, чтобы подвластные ему римляне сохраняли подобающий им облик – например, выступает противником жестокости, несовместимой со

²⁴⁶ Amory P., *People and identity in Ostrogothic Italy*, p. 52 – 53

²⁴⁷ Бразговский Ф.С. Репрезентация власти в культуре Раннего Средневековья. Дис. канд. культурологии N 24.00.01: защищена 03.06.13 в РГПУ им. Герцена // Архив диссертаций библиотеки РГПУ им. Герцена. С. 39 – 40.

²⁴⁸ Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии по “*Variae*” Кассиодора. С. 57. Для П.П. Шкаренкова в «доброй воле» заключается принципиальный момент: «Подобная концепция королевской власти, ставящая во главу угла добрую волю суверена, исключает в своем пределе всякую деонтологию власти. У короля больше не существует обязанностей, как нет обязанностей у Бога. Король не может потерпеть неудачу, его нельзя принудить сделать что-либо, так как он всегда действует по велению своего сердца».

²⁴⁹ Barnish S.J.B. *Liberty and advocacy in Ennodius of Pavia: the significance of rhetorical education in late antique Italy* // *Hommages a Carl Deroux. Vol.5 Christianisme et Moyen Age Néo-latin et survivance de la latinité*. Ed. by Pol Defosse. Bruxelles: Latomus. 2002-2003. P. 21 – 22.

²⁵⁰ Подробно о значении этих понятий и о работе с ними Кассиодора – O’Donnell J.J. Chapter 3: *The Variae* // Cassiodorus.

²⁵¹ Бразговский Ф.С. Репрезентация власти в культуре Раннего Средневековья. С. 41.

²⁵² Macpherson R. *Rome in involution. Cassiodorus' Variae in their literary and historical setting*. P. 34.

²⁵³ Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии по “*Variae*” Кассиодора. С. 89.

²⁵⁴ Послание *Variae* I. 35, адресованное префекту претория Фаусту, посвящено проблемам со снабжением Центральной Италии зерном из Апулии и Калабрии. В нём Теодорих выражает подозрение, что транспортные корабли с ним до сих пор не отправлены по причине халатности, и указывает на возможные негативные последствия задержки.

званием цивилизованного человека – римлянина²⁵⁵. Однако, пожалуй, даже больше, чем о рядовых италийцах, Теодорих пёкся о римском сенате: эта почтенная корпорация не должна была чувствовать даже нотки пренебрежения. Значительная часть посланий *Variae* адресована римскому сенату – уже само количество говорит о том внимании, которое Теодорих уделял ему. В определенном смысле программный пассаж из первого из адресованных сенату писем: «*Мы желаем, отцы-сенаторы, живописать в цветении ваш венец различных высших должностей: мы желаем, чтобы дух Свободы увидел благодарными толпу сенаторов*»²⁵⁶. Прекрасное обращение к эпохе принципата и даже диктатуры Цезаря, когда Сенат еще действительно представлялся поборником и защитником свободы, стоит, конечно, отнести скорее на счет Кассиодора, чем самого короля. Однако само выражение доброй воли по отношению к сенату исходило, безусловно, от Теодориха. В том же духе выдержаны и обращения Теодориха к сенату: «*В одной официальной superscriptio, «шапке» королевского указа, адрес, сразу после титулов Теодориха, гласил: «...покорителю мира, поборнику и обновителю гражданской свободы, сенату города Рима*»²⁵⁷.

Образ Теодориха в «Панегирике» Эннодия – произведении, которое семантически очень сильно пересекается с текстами посланий *Variae* – тесно связан с образом, конструируемым Кассиодором. Теодорих Панегирика – *rex genitus* (король по праву рождения, обладающий необходимыми королевскими качествами и постоянно их наличие доказывающий²⁵⁸), *princeps et sacerdos*. И если первая формула была

²⁵⁵ Послание *Variae* I. 31, обращенное к народу Рима, содержит следующий призыв: «*Откажитесь же от чуждых вам нравов; пусть голос толпы будет подлинным голосом Рима, улаждающим наш слух; раздоры же не порождают веселья и не отрадою порождены. [...] Ведь у нас нет более горячего желания, чем то, чтобы вы сохранили унаследованные от предков правила поведения и чтобы все те похвальные качества, которые вы имели издревле, под нашим правлением возрастали. [...] Разве допустимы при этом раздоры и яростные распри? Откажитесь же, возрадовавшись, от безумия и, возвеселясь, уймите гнев*» (здесь текст дан в переводе Грабарь-Пассек, цитируется по изданию Кассиодор, Разное. Пер. М.Е. Грабарь-Пассек).

²⁵⁶ *Variae*, I.4.: «*Optamus quidem, patres conscripti, coronam vestram diversorum fascium flore depingi: optamus, ut Libertatis geniis gratam videat turbam senatus*».

²⁵⁷ Вольфрам Х. Готы. С. 473.

²⁵⁸ Отдельно толкованию этого концепта посвящена статья П.П. Шкаренкова – Шкаренков П.П. Между риторикой, историей и политикой: образ короля и королевской власти в «Панегирике

необходима для указания на фактически императорскую природу власти Теодориха в Италии с сохранением необходимой «эмоциональной дистанции», которая не только направлялась вне Италии, но и ощущалась внутри нее, то вторая напрямую говорит об объединении в его лице двух императорских функций – так же, как в лице самого императора²⁵⁹. Панегирик – жанр, который был вынужден постоянно разрешать напряжение между реальностью и идеалом²⁶⁰, и формула *rex genitus* как нельзя лучше подходила в этом случае – когда государя нельзя было назвать напрямую Августом. Теодорих в Панегирике настолько окружен императорским ореолом, что в одном из эпизодов он подаётся в качестве старшего императора, играющего значимую роль на церемонии выборов своего младшего визави²⁶¹.

П. Амори, которому было важно упорядочить вехи становления остготской «пропаганды», считал, что акцент на *civilitas* и связанные с ней образы был характерен для первого периода правления Теодориха (условно совпадающего с тем временем, когда Кассиодор был только квестором дворца), тогда как для завершения – апелляция к амальскому происхождению и опора на военную составляющую власти²⁶². Однако даже если увлечение императорской победной титулатурой²⁶³, вполне возможно, гораздо очевиднее именно в поздних письмах *Variae*, Теодориха невозможно упрекнуть в невнимании к военной теме в репрезентации власти на всём протяжении его правления. В 500 году он праздновал в Риме триценналии – тридцатилетие своей власти, которое он отсчитывал именно от знаковой военной победы. Примерно в 507 году был создан Панегирик

Теодориху» Эннодия // История литературы. Новый филологический вестник. Вып. N 2. Том 7. Москва. 2008.

²⁵⁹ MacCormac S. G. Art and ceremony in late antiquity. P. 232.

²⁶⁰ MacCormac S. G. Art and ceremony in late antiquity. P. 268.

²⁶¹ Это вывод С. МакКормака (MacCormac S. G. Art and ceremony in late antiquity. P. 230) на основании пассажа, завершающего рассказ о той помощи, которую Теодорих оказал Зенону против узурпатора Василиска: «Тебе, о славный повелитель, равным образом принадлежит слава и дарителя, и защитника диадемы. Если правитель тех областей не ценил тебя, он правил государством, чувствуя слабость, если почитал тебя, то [властью своей] был обязан тебе. В подтверждение твоих заслуг ты принял пурпур как свидетельство [славы]» (Pan. III.14).

²⁶² Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 43 – 44, 46.

²⁶³ MacCormac M. Eternal victory. P. 278 – 280.

Эннодия, проникнутый атмосферой неизбежной войны²⁶⁴, где триумфальная тема звучит особенно ярко. Наконец, надпись на медальоне из Сенигаллии называет Теодориха «*princeps invictus semper*»²⁶⁵ – вечно непобедимым.

Теодорих занимался организацией обороны итальянских рубежей по имперскому образцу: несколько линий укреплений в Альпах, а за ними – расселенные племена, чей статус был близок к федератскому. Например, аламанны, принятые под покровительство Теодориха после их поражения от франков²⁶⁶, что дало возможность Эннодию польстить своему королю, обыграв имя *Alamannicus*, которое ему теперь предлагалось носить, не как победителю их народа, но как новому королю, спасителю и благодетелю²⁶⁷. Он отвоевал несколько провинций, ранее принадлежавших Западной империи: Сирмийскую Паннонию, территорию современного Прованса, а после смерти Алариха II и завершения войны с западными готами под контроль Теодориха перешла Испания, которая принадлежала Риму еще со Второй Пунической войны, и немногочисленные владения вестготов в современной юго-западной Франции. Это вполне могло восприниматься как попытка реставрации Западной империи через возвращение ее бывших провинций и приближение ее территории к старым границам. Не исключено, что именно реставрационная политика сыграла большую роль в том, что Теодориха, который принес Италии долгожданный мир и победу над внешними врагами, по сообщению Анонима Вalezия, стали сравнивать с Траяном и Валентинианом²⁶⁸. Траян был не только общепризнанным эталоном хорошего правителя, но и тем, при ком Империя достигла своего географического максимума, Валентиниан же был царственным победителем варваров еще не слишком давнего прошлого.

²⁶⁴ Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 115.

²⁶⁵ У М. МакКормика собраны наиболее часто встречающиеся титулы Теодориха, апеллирующие к триумфальной тематике – MacCormic M. Eternal victory. P. 280 – 282.

²⁶⁶ Письмо на эту тему к Хлодвигу – *Variarum* II.41 (см. Приложение).

²⁶⁷ Об игре с прозвищем *Alamannicus* как критике императора на основании оппозиции: победитель, приведший к гибели – новый король, спасший народ – MacCormic M. Eternal victory. P. 277.

²⁶⁸ Аноним Вalezия. фр. 2. XII.(60).

Другой поистине императорской чертой как фактической деятельности, так и репрезентации власти Теодориха, была поддержка городов²⁶⁹. В Северной и Центральной Италии развернулось быстрое восстановительное и новое строительство. Возводились публичные здания, оборонительные сооружения, бытовые постройки, такие как водопроводы, дороги и термы. Например, в Равенне был отремонтирован акведук Траяна²⁷⁰. Пристальнейшее внимание в этом, как и в другой деятельности короля, было уделено Риму²⁷¹. Там восстановительные работы начались ранее всего, и уже в 500 году, когда Теодорих торжественно посещал Вечный город, плоды этих работы были видны всем. Эннодий так писал об этом в Панегирике: *«Я нежданно вижу красоту городов, выходящих из пепла, и под властью полноты civilitas везде блистающие золотом крыши дворцов. Я вижу возведенные здания, не успев заметить, как они стали сооружаться. Сам Рим, мать городов, увядший, помолодел, обрезая члены старости. Даруйте [мне] прощение, первоначала гения Луперка: большего [стоит] отворотить закат, чем дать начало»*²⁷². Фактически, Теодорих здесь становится не просто новым Ромулом, но превосходит основателя города.

Рим и забота о его внешнем облике, как и забота о внутреннем облике его граждан – это объект неусыпных трудов Теодориха, дань, отдаваемая сохранению *Romanitas*, пусть этот метод и идёт несколько вразрез с её пониманием у италийских интеллектуалов, связывавших основания

²⁶⁹ О политике поддержки городов как неотъемлемой части деятельности императоров эпохи домината – Болгов Н.Н. Поздняя Античность: история и культура. Белгород. 2009. С. 40. О социальных последствиях этой политики и облике позднеантичного города в общей системе социально-экономических отношений – Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия: Проблемы перехода от античности к феодализму. Ленинград. 1984.

²⁷⁰ Вольфрам Х. Готы. С. 410.

²⁷¹ О восстановлении зданий при Одоакре и Теодорихе и их взаимодействиях с сенатом и народом Рима – Marazzi F. *He last Rome: from the end of fifth to the end of sixth century*. Помимо всего прочего, восстановлен был также императорский дворец на Палатине – значимый жест возвращения в Вечный город истинной власти - Johnson M.J. *Art and Architecture*. P. 357.

²⁷² Pan, XI: *«Video insperatum decorem urbium cineribus evenisse et sub civilitatis plenitudine palatina ubique tecta rutilare. Video ante perfecta aedificia, quam me contigisset disposita. Illa ipsa mater civitatum Roma iuveniscit marcida senectutis membra resecano. Date veniam, Lupercales genii sacra rudimenta: plus est occasum repellere quam dedisse principia»*. Здесь дан мой перевод текста Эннодия, сделанный до ознакомления с публикацией перевода В.М. Тюленева.

римского духа и латинской культуры с красноречием, а не материальными воплощениями²⁷³. Однако, безусловно, внимание было отдано не только ему. Находящиеся на королевской службе архитекторы строили новые и восстанавливали старые постройки в Павии – втором, после Рима и Равенны, городе Остготской Италии²⁷⁴, в Вероне, Сполето, Неаполе, Венеции. Так оживала замершая было в последней четверти V века городская жизнь.

Безусловно, эта часть восстановительной политики Теодориха должна была производить на италийцев не меньшее впечатление, чем возвращение бывших провинций Западной империи. Однако Теодорих был не просто восстановителем городов и строителем в них новых зданий, он использовал и такую традиционную античную форму презентации могущества правителя, как основание новых городов – или переименование старых с тем, чтобы таким образом дать им новое бытие. Город в Реции, на территории, куда бежали преследуемые франками аламанны, стал носить имя Теодорихополис, что не могло вызывать ассоциации с Александриями Великого Македонца и Константинополем не менее великого римлянина.

Строительство дворцов в крупнейших городах Италии тоже было важной частью репрезентации власти²⁷⁵. Однако эти дворцы, как и все резиденции правящих особ, представляли собой физическую проекцию власти, наглядно демонстрировали могущество и богатство короля и являлись тем, что замещало собой его в конкретном городе. Кроме того, для Теодориха они были конкретным выражением такого способа демонстрации своей власти, как пространственное доминирование – той цели, с которой египетские пирамиды возводились выше всех вообразимых

²⁷³ О понимании Romanitas у Эннодия – Тюленев В.М. Слово против меча: новое содержание Romanitas у Эннодия (305 – 316) // *Antiquitas aenerna*. Вып. 4 «История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого. Нижний Новгород. 2014.

²⁷⁴ Brogiolo G.P. *Dwellings and settlements Gothic in Italy // The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. An Ethnographic Perspective*. Ed. by S. J. Barnish, F. Marazzi. Woodbridge: The Boudell press. 2007. P. 113.

²⁷⁵ Характерный для Средневековья глубокий символизм замка, жилища повелителя данной территории, не был еще развит. Об итальянских замках в репрезентации власти правителей эпохи Высокого Средневековья – см. Воскобойников О.С. Душа мира. С. 210.

строений, а шатер Аттилы ставился выше шатров всех представителей его окружения²⁷⁶.

Итак, Теодорих, во всеоружии изысканной латинской риторики идущих из придворной канцелярии документов, успешной территориальной политики, восстановления городской жизни представал новым Ромулом, новым отцом римского народа²⁷⁷ – императором, пришедшим из теряющихся в дымке прошлого времён первых и славных Цезарей. В его распоряжении был еще один мощный инструмент репрезентации власти, которым он пользовался на протяжении всего правления – императорский церемониал эпохи домината, с которым Теодорих имел возможность детально познакомиться в то время, когда был заложником в Константинополе.

§§2.2. Церемониальный аспект репрезентации власти Теодориха Великого

В исторической науке нашего времени существует действительно высокий интерес к такому коммуникативному аспекту проявления власти, как ритуал. Стабильно развивающаяся ритуалистская школа дала множество работ, посвященных придворной культуре монархов разного времени и символическим аспектам тех ритуализированных практик, которые бытовали в ту или иную эпоху²⁷⁸. Эти исследования посвящены как отдельным ритуалам и их значению, так и конкретным элементам ритуала,

²⁷⁶ Приск описывает это следующим образом: «*Два скифа подъехали к нам и объявили приказ ехать к Аттиле. Мы просили их поужинать с нами. Они сошли с коней, и ели {36} с нами, с удовольствием. На другой день они были нашими проводниками. К девяти часам дня 43, мы прибыли к шатрам Аттилы: их было у него много. Мы хотели разбить свои шатры на одном холме; но попавшиеся нам навстречу варвары запретили это делать, говоря, что шатер Аттилы стои'т на низменном месте. Мы остановились там, где нам было назначено скифами»* (Сказания Приска Панийского, Отрывок 8ⁱⁱ, 34 – 36).

²⁷⁷ Об Теодорихе как новом Энее и вообще о работе Эннодия с текстом Вергилия и латинской литературной традицией в тексте Панегирика - Тюленев В.М., Герои и образы прошлого в «Панегирике Теодориху» Эннодия.

²⁷⁸ Антропологическая школа Г. Альтхофа (например, Althoff G. Die Macht der Rituale. Symbolik und Herrschaft im Mittelalter, Darmstadt, 2003) и постмодернистская – Ф. Бука (например, Buc Ph. The Dangers of Ritual. Princeton, 2001), как два ключевых направления наших дней.

их структуре и закономерностям взаимодействия, отдельным текстам, описывающим ритуалы и церемонии, а также восприятию происходящего со стороны зрителей. Однако, к сожалению, нет ни одного источника, хоть сколько-нибудь подробно останавливающегося на тех ритуализированных церемониальных практиках, которые отправлялись при дворе остготских правителей. Тем не менее, в рамках данной работы действительно важно, что такие практики имели место, и, привлекая сравнительный материал, возможно всё же составить о них определенное представление.

За более, чем тридцатилетнее правление Теодориха как минимум два важных для властителя события стали праздниками для всей Италии: его триценналии, которые он праздновал в 500 г. в Риме, и получение консульства его наследником, Эвтарихом, в 519 г. Назначение Эвтариха консулом означало признание его восточным императором в качестве легитимного наследника Теодориха. Празднования сопровождали раздачи зерна и цирковые игры, которые давно уже стали традиционным способом порадовать рядовых граждан Рима, подарки сенаторам и как квинтэссенция всего этого – тот торжественный въезд, который автор Анонима называет триумфом²⁷⁹. Несмотря на существование некоторых сомнений в том, действительно ли Теодорих праздновал триумфы в Риме и Равенне²⁸⁰, необходимо сделать акцент на том, что если не триумф, то в более общем виде сам *adventus domini* был той церемонией, без которой не мог обойтись ни один государь²⁸¹. В эпоху же Поздней Античности, как показала С. МакКормак, тема *adventus domini* стала ключевым звеном единого феномена, соединявшего панегирик, изобразительное искусство и собственно церемонию²⁸². Остготская Италия, конечно, не была

²⁷⁹ Аноним Вalezия. фр. 2. XIV. (80).

²⁸⁰ MacCormic M. Eternal victory. P. 272.

²⁸¹ Поскольку он «представляла собой одну из универсальных и древнейших форм символического общения властителей с подвластными, возникшую, вероятно, примерно тогда же, когда появились первые правители и первые города» (Бойцов М.А. Величие и смирение. С. 25).

²⁸² MacCormac S. G. Art and ceremony in late antiquity. P. 62.

исключением. Например, через тот же мотив *adventus* Эннодий обыгрывает войну Одоакра и Теодориха в тексте своего Панегирика²⁸³.

В русле всё того же *renovatio Romanitatis* Теодорих возобновил проведение ежегодных традиционных и популярных новогодних «фестивалей *vota*», для семантики которых был характерен акцент на благополучии императора²⁸⁴.

В Равенне же Теодорих создал свой собственный двор, вобравший в себя, как и вместивший его город, все лучшее, что создавалось в Остготской Италии. В том числе и наиболее изощренные художественные решения, в которых воплощались образы власти короля. Этот двор, включавший в себя готов, стремился подражать императорскому двору. Там была возрождена традиция чтения панегириков²⁸⁵, там были собраны удивительные механизмы, подобные тем водяным часам, которые Теодорих отправил в дар Гундобаду²⁸⁶, играла музыка (кифареда Теодорих отправляет другому варварскому владыке – Хлодвигу Меровингу²⁸⁷ – сомнительно, чтобы он отправлял то, чего сам не имел).

В подобных условиях и готская составляющая окружения короля быстро романизировалась, приобщалась к латинской интеллектуальной культуре. Высокообразованной дамой была Амаласунта, дочь Теодориха, родившаяся уже в Италии от брака короля с принцессой из рода Меровингов. Ее кузен Теодат даже занимался философией, что послужило для Кассиодора основанием создавать его образ как образ короля-философа²⁸⁸, отличный, впрочем, от образа Марка Аврелия, столь любимого интеллектуалами Поздней Античности. Скорее всего, и сестра Теодата, Амалаберга, выданная замуж за короля Тюрингии Герминафрида, тоже

²⁸³ MacCormac S. G. Art and ceremony in late antiquity. P. 64.

²⁸⁴ MacCormic M. Eternal victory. P. 272.

²⁸⁵ Тюленев В.М. Герои и образы прошлого в «Панегирике Теодориху». С. 168.

²⁸⁶ *Variae* I.46 (см. Приложение).

²⁸⁷ *Variae* II.41 (см. Приложение).

²⁸⁸ Подробнее см. Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии по «*Variae*» Кассиодора. С. 102 – 105.

была образована²⁸⁹. Это говорит о внимательном отношении Теодориха, по крайней мере, к традициям римской женской образованности, которые – пусть и в небольших масштабах – существовали в Поздней Империи.

При дворе Теодориха, по всей видимости, стремившегося к славе покровителя наук и искусств, было создано что-то наподобие кружка интеллектуалов²⁹⁰, самыми яркими представителями которого были Боэций, Кассиодор и Эннодий. Личные отношения внутри этого кружка складывались не всегда гладко: Эннодий восхищался Боэцием, но нигде не упоминал Кассиодора, Кассиодор писал к Боэцию только официальные письма и взаимно нигде не упоминал Эннодия. Боэций, по крайней мере в центральных сочинениях, не оставил ни одного фрагмента, который комментаторы могли бы интерпретировать, как упоминание кого-либо из них. Это, однако, не помешало всем трем оставить глубокий след в культуре уходящей Античности и начинающегося Средневековья. В.М. Тюленев утверждает, что письма и сочинения Эннодия показывают *«существовавший диалог интеллектуалов между собой и с властью»*²⁹¹, который, безусловно, оказывал влияние и на политику Теодориха, и на образ его власти.

Для создания того великолепия, которое окружало по-императорски пышные выезды и другие церемонии, требовались огромные средства. Богатство Теодориха, его блестящие траты и их быстрое восстановление отмечает автор Анонима Вalezия²⁹². О сокровищах, принадлежавших Теодориху и его потомкам, пишет и Прокопий Кесарийский: *«С удовольствием увидал император Юстиниан Витигиса и его жену своими пленниками и удивлялся толпе варваров, их физической красоте и огромному росту. Приняв замечательные сокровища Теодориха в Палатин*

²⁸⁹ Уколова В.И. Остготы в Италии // «Последний римлянин» Боэций. М.: Наука, 1987. С. 33. О браке Амалаберги и Герминафрида – Variae IV.1 (см. Приложение).

²⁹⁰ Тюленев В.М. Эннодий – штрихи к портрету раннесредневекового интеллектуала. С. 51.

²⁹¹ Тюленев В.М. Эннодий – штрихи к портрету раннесредневекового интеллектуала. С. 50.

²⁹² Аноним Вalezия. фр. 2. XII. (60): *«Щедро раздавая дары и съестные припасы, устраивая зрелища в цирках и амфитеатрах, он доводил казну до полного разорения, но усердием своим восстанавливал ее и наполнял богатством».*

(дворец), он разрешил сенаторам секретно их осмотреть, завидуя огромности совершенных Велизарием подвигов»²⁹³. Причем если для византийцев, по всей вероятности, присвоение Велизарием и отправка в Константинополь сокровищницы королей остготов было, наряду с пленением королевской четы, лишь одним из элементов, подчеркивавших их победу, то для готов это могло значить больше. Для германцев «сокровище — это продолжение личности его обладателя»²⁹⁴ и в какой-то мере всех тех, кто обладал сокровищем до него²⁹⁵. Следовательно, византийцы увозили в Константинополь метафизическую частицу готских королей и, самое главное, основателя и наиболее значимого пополнителя этой сокровищницы – Теодориха.

§§2.3. Визуальный аспект репрезентации власти Теодориха Великого

Пожалуй, больше, чем что-либо другое для репрезентации власти правителя в эпоху Поздней Античности и Средние века могло сделать его изображение. С его помощью можно было передать символами множество смыслов и наиболее полно воздействовать на аудиторию. В этом – огромное значение визуализации, создающей из мёртвой материи почти живое подобие²⁹⁶. В эпоху Поздней Античности изображения императоров, как раньше – изображения богов – не сопровождались подписями, поскольку предполагали однозначное узнавание: это были образы вечной власти²⁹⁷. Так изображение императора становилось самодостаточным феноменом и его действительной репрезентацией – заместителем в конкретном месте и времени. Готы же оказались единственными германцами, чувствительными к этому феномену. Только они освоили

²⁹³ Прокопий из Кесари. Война с готами. III.1.2 – 3.

²⁹⁴ Бойцов М.А. Величие и смирение. С. 316.

²⁹⁵ Ярчайший пример – клад Нибелунгов в целом комплексе германских сказаний.

²⁹⁶ Воскобойников О.С. Репрезентация власти и “искушение портретом”. С. 263.

²⁹⁷ Иванов С. Подпись под изображением правителя как средство идентификации: от Античности к Византии // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. Отв. ред. Бойцов М.А., Успенский Ф.Б. СПб.: Алетейя. 2010.

портрет²⁹⁸ как особый жанр искусства и способ создавать эти репрезентации.

Все дошедшие до нас изображения Теодориха вычеканены на монетах, которые были выпущены несколько раз за время его царствования. «Победитель и триумфатор», «распространитель римского имени», «властелин и покоритель варварских народов»²⁹⁹ - так называется он на монетах, отчеканенных в честь его триценналий, и эти наименования более, чем очевидно указывают на использование императорской победной титулатуры и победной тематики. Это же характерно и для наиболее знакового из дошедших до нас изображений Теодориха – так называемого «медальона из Сенигаллии» – золотой монеты из Морро д'Альба, переделанной в фибулу³⁰⁰. Его отмечаемая всеми исследователями «готская» прическа (такая же – на монете) и подстриженные усы соседствует с римским панцирем, монограммой в восточноримской манере, Викторией на шаре в руках и царственным жестом *adlocutio*³⁰¹. Этот жест – безусловная претензия на вселенскую власть (поскольку он принадлежал императору, обращающемуся к войску) – нивелируется отсутствием императорской фибулы и диадемы.

Сведения о других материальных воплощениях образа власти Теодориха довольно скудны. О его конной статуе с мечом и щитом в руках, – то есть снабженной традиционной военной символикой – пишет Агнелл³⁰². Эта статуя стояла перед его дворцом в Равенне и, вполне вероятно, именно она была увезена Карлом Великим в Аахен³⁰³. Исидор Севильский упоминает о возведении «золотой» статуи Теодориха в Риме

²⁹⁸ Johnson J. M. Art and Architecture. P. 352.

²⁹⁹ Вольфрам Х. Готы. С. 441.

³⁰⁰ Вольфрам Х. Готы. С. 441, примечание 4. Вопреки тому, что место находки известно точно, в литературе закрепилось название по неверному месту находки.

³⁰¹ Вольфрам Х. Готы. С. 410.

³⁰² Agnellus, Lib.Pont. // MGH. SRL. I. P. 338. Даже место размещения этой статуи отражает императорский компонент репрезентации власти Теодориха: Константин поместил своё изображение напротив своего же дворца в Константинополе – Johnson J. M. Art and Architecture. P. 376.

³⁰³ Johnson J. M., Art and Architecture. P. 352. В данном случае принципиально важно, возможно, даже не то, на самом ли деле это была статуя Теодориха, а то, что Великий Каролинг в этом не сомневался.

благодарным сенатом³⁰⁴. Эти статуи использовали традиционную иконографию власти в её военном аспекте, который далеко не всегда указывал на реальные победы – скорее, на саму идею императора-победителя³⁰⁵. Интересно также существование мнения о том, что это были фактически последние конные статуи в Италии до расцвета эпохи Возрождения³⁰⁶.

Средоточием же не только придворной и культурной жизни, но и визуализации власти Теодориха была Равенна и еще точнее – её дворцовый комплекс³⁰⁷, остатки великолепия которого дошли до наших дней. Дворец правителя Остготской Италии был построен в продолжение уже существовавших императорских резиденций, в той же – юго-восточной – части города³⁰⁸, и выражал, по словам Кассиодора, одного из главных строителей идеологии правления Теодориха, величие правителя³⁰⁹. Этот дворец строился по образцу дворца Халка в Константинополе и был поистине монументален: только основные части дворца – жилые помещения и главные парадные комнаты – занимали около 1 200 м²³¹⁰, стены снаружи были облицованы мрамором и украшены мозаиками³¹¹. Жемчужиной находок является выполненный в римском стиле триклиний с

³⁰⁴ Исидор Севильский. История Готов, Вандалов и Свевов. фр. 39: «Он перестроил стены, в благодарность, за что сенат воздвиг ему золотую статую» (Исидор Севильский. История Готов, Вандалов и Свевов. М.: Наука (Памятники средневековой латинской литературы IV – IX веков). 1970.). База такой статуи была найдена в Колизее – Johnson M. J. Art and Architecture. P. 352.

³⁰⁵ Свенцицкая И. Знаки власти в изображениях римских императоров // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. Отв. ред. Бойцов М.А., Успенский Ф.Б. СПб.: Алетейя. 2010. С. 108

³⁰⁶ Степанов А.В. Искусство эпохи Возрождения. Италия. 14-15 века. СПб.: Азбука-классика. 2003. С. 179. Рассказывая о создании конного монумента кондотьеру Гаттамелате в середине XV века, Степанов подчеркивает, что речь шла о возобновлении практики, так как «даже властителям вот уже девятьсот лет, после Теодориха, не ставили в Италии конных памятников, если только это не было надгробие».

³⁰⁷ История изучения и сумма дискуссий по постройкам времени Теодориха в Равенне – Wood I., Theoderic's monuments in Ravenna // The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. An Ethnographic Perspective. Ed. by S. J. Barnish, F. Marazzi. Woodbridge: The Boudell press. 2007. P. 249 – 263.

³⁰⁸ О предыдущих строениях императорской эпохи - Johnson M. J. Art and Architecture. P. 365.

³⁰⁹ Variae VII.5:1 (Formula Curae palatii). В этом Кассиодор, безусловно, следует позднеантичной, скорее греко-христианской, чем римской традиции.

³¹⁰ Раскопки проводились на его месте в начале XX века, но публикацию я найти не смогла (и, очевидно, она на итальянском). Однако на материалы этих раскопок, еще на тот момент не опубликованные, ссылается Пфайльшифтер: Пфайльшифтер Г. Теодорих Великий. Примечание 40.

³¹¹ О внешнем убранстве построек времени Теодориха в Равенне – Комеч А. И. Архитектура (с. 573 – 595) // Культура Византии. IV – первая половина VII в. Отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука. 1984.

ложами и фрагментами лаврового венка и латинской надписи, приглашавшей всех к столу. Пол триклиния украшала мозаика, изображавшая Беллерофонта, убивающего Химеру³¹² – возможно, как символ победы истины.

Второй доминантой дворцового комплекса и жемчужиной культовых арианских сооружений в Равенне была, бесспорно, придворная церковь Теодориха, ныне Сан-Аполлинаре-Нуово – самый роскошный образец арианской сакральной постройки, вместилище самого крупного мозаичного ансамбля эпохи Теодориха. Оценить в полной мере, каким был этот ансамбль до сдачи Равенны византийцам, сейчас невозможно³¹³. Однако все же ученые смогли установить хотя бы содержание некоторых утерянных мозаик.

Первоначально весь интерьер придворной церкви был украшен мозаиками, которые сейчас уцелели лишь на боковых стенах большого нефа. Там они располагаются тремя ярусами: в верхнем – двадцать шесть сцен из жизни Христа (на левой стене чудеса, на правой — Страсти), ниже, между окнами, представлены фигуры пророков, а на нижнем ярусе, над аркадой, изображены *Palatium*, дворец Теодориха, и Порто ди Класе, откуда выходят мученики и святые жены, направляющиеся к восседающим на тронах Христу и Богоматери. Первоначально это были процессии придворных во главе с самим королём и его супругой Аудофледой, ведомые святыми³¹⁴ к престолу Богоматери и Христа.

³¹² Johnson M. J. Art and Architecture. P. 367. Там же на предыдущей странице – общий план дворцового комплекса в Равенне, составленный им самим.

³¹³ Тогда часть мозаик была переделана, а сама церковь приспособлена под католическое богослужение и посвящена св. Мартину Турскому, *Malleus haereticorum* (само по себе символично, так как переделывалась придворная церковь арианского государя, держава потомков которого была уничтожена). В середине IX века в нее перенесли останки св. Аполлинария и внесли последние изменения. Полного письменного описания внутреннего убранства придворной церкви до начала изменений не было или не сохранилось.

³¹⁴ Вполне возможно, какими-то конкретными арианскими святыми – Johnson M. J. Art and Architecture. P. 373. Но вообще мотив иконографической арианской специфики изначально не никейских храмов Равенны довольно спорный. Сам Джонсон пишет о том, что, вполне возможно, иконография, используемые сюжеты, аллюзии, персонажи и т.д. были одни и те же, а понимание – разным (Johnson M. J. Art and Architecture. P. 378). И. Вуд, сравнивая арианский и никейский баптистерии, считает, что разница в оформлении сводится к разному использованию цвета, что, по его мнению, свидетельствует скорее о желании именно при строительстве арианского храма для крещения

В первой редакции убранства Сан-Аполлинаре-Нуово не только использовались центральные мотивы византийской придворной и культовой иконографии – *adventus domini* и земная литургия как часть литургии божественной, но и воплощенная визуально идея о земном государе как репрезентанте Государя Небесного³¹⁵. В Сан-Аполлинаре она находит своё отражение в виде изображения пустого дворца, покинутого земным правителем, чтобы предстать перед престолом Господа – того, кому на самом деле принадлежит этот дворец как символ власти³¹⁶. Это была знакомая Теодориху хотя бы по Константинополю иконография императорской власти – и это была одна из причин уничтожения изначального облика фресок Сан-Апполинаре-Нуово.

В Сан-Аполлинаре есть хорошо реставрированный мозаичный портрет, в XIX в. подписанный именем Юстиниана. Устоялось мнение, что в действительности он является портретом Теодориха или одного из современных ему византийских императоров – Анастасия I или Юстина I. Сравнение этого портрета со знаменитым изображением Юстиниана в церкви Сан-Витале³¹⁷, построенной в Равенне сразу после византийского завоевания, не выявляет никаких внешних сходств (которые могли бы указывать на то, что это один и тот же человек), кроме иконографических элементов: диадема, императорская фибула и, самое главное, нимб.

Основные аргументы в пользу того, что на портрете изображен именно Теодорих сводятся к тому, что, во-первых, портрет находится на том месте,

указать на богатство патрона и выделить триумфальный аспект. Wood I. Theoderic's monuments in Ravenna. P. 251.

³¹⁵ Подробно об этом и о связи таких представлений с иконографическим и церемониальным мотивом пустого трона – Аверинцев С. Символика раннего Средневековья: «...это средневековая концепция соотношенности персоны монарха со сферой божественного на правах живого знака или живого образа. [...] По праздничным дням византийский василевс имел право восседать только на левом, пурпурном сиденье трона, между тем как более почетное правое и золотое сиденье было многозначительно оставлено пустым - для Христа. Это очень важно: священный трон императора мыслился священным, собственно говоря, как знак принципиально пустого «престола уготованного», на который в конце времен воссядет единственный правомочный владыка – Христос (ср. иконографию так называемой *Етимасии*)».

³¹⁶ Эта мысль подробно развита у С. Маккормак именно при анализе сведений о фресках Сан-Апполинаре-Нуово – MacCormac S. G. Art and ceremony. P. 238.

³¹⁷ Об иконографии Сан-Витале в сравнении с синхронными по времени византийскими фресками – Попова О. С. Изобразительное искусство (с. 546 – 572) // Культура Византии. IV – первая половина VII в. Отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука. 1984.

где часто создавались изображения патронов церкви³¹⁸, во-вторых, это изображение человека не средиземноморского типа, а светлоглазого блондина средних лет (поэтому светлые волосы – не седина)³¹⁹, в-третьих, инсигнии могли быть созданием более позднего времени³²⁰.

Как бы то ни было, благодаря труду епископа Равенны Агнелла до нас дошло описание портрета Теодориха из его дворца, где он изображен на коне с копьем и щитом, слева от него – персонификация Рима в виде богини-воительницы, справа – персонификация Равенны в виде девы, одной ногой опирающейся на сушу, другую погрузив в море³²¹. Изображение Теодориха с копьем и щитом восходит к императорской победной иконографии, где императору предаются черты полководца на поле сражения³²². Кроме того, в эпоху Поздней Античности и Раннего Средневековья копье становится особым символом власти (не под действием ли германских представлений и культа Одина?)³²³.

То, насколько перекликались традиционные атрибуты богини-воительницы Ромы с выбранными для Теодориха, могло указывать на союз нового правителя Италии и Вечного Рима. Изображение рядом Равенны показывает «равенство Рима и Равенны и, следовательно, возросшее

³¹⁸ Wood I. Theoderic's monuments in Ravenna. P. 260.

³¹⁹ The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. P. 273 – тезис Аусенды (Ausenda) в дискуссии после статьи И. Вуда.

³²⁰ М.В. Бибииков считает нимб сущностным элементом иконографии Юстиниана (Бибииков М.В. «Великие василевсы». С. 44). Однако И. Вуд пишет, что однозначного ответа на этот вопрос нет, диадема могла быть частью находившихся у Теодориха *ornamenta palatii*, а императорская фибула с тремя подвесками (*Kaiserfibel*) к тому моменту стала одной из инсигний, отправляемых императором варварским правителям (Wood I. Theoderic's monuments in Ravenna. P. 259). Таким образом, это мог быть и не сильно переделанный портрет Теодориха. В любом случае, Вуд, Аусенда и их собеседники во время коллоквиума в Сан-Марино об этом не спорили.

³²¹ В.И. Уколова интерпретирует это как изображение Равенны в виде nereиды (Уколова В.И. Остготы в Италии // «Последний римлянин» Бозций. С. 29).

³²² Абрамзон М.Г. Император как полководец в монетных типах. Римская слава, 14 апреля 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roman-glory.com/abramzon-imperator-kak-polkovodec> (дата обращения 18.03.2017)

³²³ На эту тему есть любопытный пассаж у Григория Турского в том месте, где он рассказывает о первом разделе королевства франков: «*Defuncto igitur Chlodovecho regi, quattuor filii eius, id est Theudoricus, Chlodomeris, Childeberthus atque Chlothacharius, regnum eius accipiunt et inter se aequa lantia dividunt*» (1. De filiis Chlodovechi // Gregorii Turonensis historiatum liber tertius // Libri Historiarum). основополагающий принцип раздела отражает словосочетание *aequa lantia*, которое можно перевести как «равное копье» (*lantia* – искаж. *lancea ae f* – легкое копье). В целом, его можно попытаться интерпретировать как «равная власть», причем та, которая базируется на военном могуществе, то есть на том, на чем и держалась власть Хлодвига на землях, не принадлежавших ранее его отцу и составлявших большую часть того, что делили его сыновья. Тогда копье в тексте Григория Турского выступает как символ подобной власти.

значение последней»³²⁴. С этой фигурой Равенны, женской персонификации города, атрибутированной, как безусловно мирное и неагрессивное существо, мог ассоциироваться тот комплекс значений метафизического брака, который позднее накладывался на отношения между правителем и городом³²⁵. Сущность носителя власти была «заведомо мужской»³²⁶ – и копьё в руках Теодориха, исконно мужской символ, только подчеркивает это. Феминизация же Равенны в данном случае – это, с одной стороны, следование выработанной еще в Классическом Риме иконографии городов, с другой – возможно, уже черта складывающейся традиции отношения к городу как к Невесте правителя в рамках их «брака». Сама же артикуляция совокупности образов правителя и его города – черта сугубо западная, никак не связанная с восточной императорской репрезентацией власти³²⁷.

Итак, в визуализации образов власти Теодориха можно увидеть ту же работу с позднеантичной традицией, что и в других аспектах репрезентации его власти, работу с императорской иконографией, которая была призвана подчеркнуть особое положение правителя Италии как преемника императоров, и внимание к триумфальной тематике³²⁸.

Финалом же конструирования образов власти Теодориха с помощью визуальных средств и способом создания их долговременного средоточия стало возведение его мавзолея за стенами Равенны. Он создавался с ориентацией на погребения западных императоров³²⁹ – в диалоге с традициями погребения восточных императоров и самых значимых варварских лидеров V в.³³⁰. Мавзолей символизирует финал жизни

³²⁴ Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии. С. 87.

³²⁵ О метафизическом браке правителя и города – Бойцов М.А. Государь как жених и как покровитель преступников (с. 25 – 90) // Величие и смирение.

³²⁶ Бойцов М.А. Величие и смирение. С. 28.

³²⁷ MacCormac S. G. Art and ceremony in late antiquity. P. 235.

³²⁸ Причём ростки триумфальных образов в культовой иконографии появляются в равеннской школе мозаичистов еще в середине V века, как то можно заметить на примере мавзолея Галлы Платидии. Об этом, идейной интерпретации равеннских мозаик и особенностях равеннской школы – Лазарев В.Н. История византийской живописи. М.: Искусство. 1986. С. 33 – 43.

³²⁹ О возможных образцах - Johnson M. J. Art and Architecture. P. 382 – 383.

³³⁰ О соотношении мавзолея Теодориха с этими традициями – см. Беспальчикова Я.Е. Мавзолей Теодориха Великого как финал репрезентации его власти // Проблемы истории и культуры средневекового общества XXXV. СПб.: СПбГУ. Своё издательство. 2017. Комментарий, который еще

Теодориха, то, кем он стал, по сравнению с тем, кем он родился. Он означает разрыв сына Тиудимира с культурой, в которой он появился на свет и был воспитан – культурой римско-варварской имперской военной элиты. Можно сказать, что в смысле выбора места последнего успокоения, Теодорих был похоронен как император, чьего титула он никогда не носил при жизни.

§§2.4. Осмысление образа Теодориха Великого в тексте Анонима Вalezия

Теодорих вызывал восхищение современников, его власть – власть преемника западных императоров – казалась действительной носительницей тех блестящих образов, которыми её окружали. Наиболее впечатляющее свидетельство этого, пожалуй, одна из италийских надписей собрания Т. Моммзена: «*d.n.(dominus noster) glrsmus adq inclyt. (gloriosissimus atque inclytus) rex Theodericus vict. ac triumph. (victor ac triumphator) semper Aug. (Augustus), bono r.p. (rei publicae) natus, custos libertatis et propagator Rom.nom. (Romani nominis), domitor gtium (gentium) [eqs.]*» – «Наш преславный и знаменитый господин, король Теодорих, на все времена высокий победитель и триумфатор, всегда Август, рожденный на благо государства, хранитель свободы и распространитель римского имени, властитель над народами»³³¹. Здесь та эмоциональная дистанция, которая соблюдалась при официальном конструировании образов власти

необходимо дать к этой статье, следующий. В статье А. Виноградова показано, что изначальная задумка Константина представить себя в качестве равноапостольного, войти в круг этих совершенно особых святых, которая развивалась благодаря расположению саркофага императора, в итоге не удалась и была переосмыслена: место василевса — у дверей («преддверия» Златоуста), тогда как в центре внимания находятся мощи апостолов (Виноградов А. Император и апостолы: храм и мавзолей // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. Отв. ред. Бойцов М.А., Успенский Ф.Б. СПб.: Алетейя. 2010). С этим согласна и К. Рапп, подчёркивающая, что для христианского мироощущения сакральность императора должна была быть ограничена его смертностью (Rapp C., Death at the Byzantine Court: The Emperor and his Family // Death at Court. Ed. by K.-H. Spieß and I. Warntjes. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden. 2012. P. 272). Поскольку в мавзолее Теодориха мотив связи с апостолами изначально так же имел место, можно сказать, что эта идея реализуется там буквально: король лежит у ног апостолов, потому что они – на крыше.

³³¹ Расшифровка моя – Я.Б. Латинский оригинал и перевод взяты из Скардилаи П. Готы: язык и культура. С. 182. Он же приводит их из эпиграфического собрания Т. Моммзена.

Теодориха, растворяется: тот, кто выводил надпись, называет его «всегда Августом». Он не просто применяет к правителю Остготской Италии императорский титул, но и указывает, что тот всегда – при любых обстоятельствах – достоин его носить. И ничего отходящего от нетленного образа вечной власти – власти императоров – не осталось в этой надписи: идеал полностью победил реальность. Таковой была, по всей видимости, реакция кого-то из непосредственных современников правления Теодориха в Италии.

Уважение к Теодориху, преклонение перед его властью в дошедших до нас нарративных источниках принимает и другие, уже не римские, а библейские формы – таков текст второго из двух разных частей Анонима Вalezия, *Pars Posterior* или *Chronica Theodericiana*. Исследователи уже давно обратили внимание на то, что в этом фрагменте не дошедшего до нас труда³³², созданного в первые два десятилетия после смерти Теодориха, представлено два диаметрально противоположных образа правителя Италии. На этом основании высказывалось предположение о том, что текст появился в результате не критической компиляции двух трудов авторов с полярными взглядами³³³. Однако позднее эта версия была отброшена как ошибочная, и наиболее вероятным было признано следующее объяснение: автор, ревностный последователь никейского символа веры, стремился показать, как следование ошибочному учению – арианству – способно погубить даже великого короля³³⁴. Не подвергая критике эту сформировавшуюся точку зрения, в связи с задачами данной работы хотелось бы высказать некоторые предположения в пользу еще одного возможного объяснения – обратить внимание на некоторые пассажи из рассматриваемого источника, позволяющие сделать вывод о влиянии на анонимного автора библейской ветхозаветной традиции.

³³² Kovacs T. Some remarks on Anonymus Valesianus' *Pars Posterior*. P.353 – 354.

³³³ Kovacs T. Some remarks on Anonymus Valesianus' *Pars Posterior*. P. 354.

³³⁴ Croke B. *Latin Historiography and the Barbarian Kingdoms*. P. 573.

Заметной доминантой в тексте выступает подробнейший рассказ о запутанном и разрешенном Теодорихом деле женщины, вынужденной ради сохранения отношений с женихом не признавать своего ребенка³³⁵. Сложно сказать, имел ли этот случай место в действительности, однако принципиально важен как сам факт его появления в тексте, так и то, что, вполне возможно, автор для описания Теодориха сознательно использовал в качестве примера библейский сюжет о суде Соломона (III Цар. 3: 16-27)³³⁶. В определенном смысле и остальной текст Анонима подтверждает эту параллель.

Известно, что Соломон, сын Давида, был богатейшим и мудрейшим из царей Израиля. Теодорих же, по мнению автора Анонима, многое сделал для процветания римлян и готов, его правление было мирным и богатым, и богатства эти тратились без счета ради блага и увеселения народа³³⁷. Кроме того, акцент в Анониме Вalezия – именно на мудрости и богатстве, из которого проистекает процветание Италии. Это лишний раз подчёркивается тем, что автор почти ничего не пишет о военных успехах Теодориха и возвращении провинций, что, казалось бы, составляло добродетель правителя как в римской, так и в германской традиции. Мудрость Теодориха проявляется в тексте Анонима именно в том, как справедливо он судит – для того же просил мудрость у Господа и царь Соломон: *«дай мне, рабу Твоему, сердце мудрое, чтобы я мог судить народ Твой и различать добро и зло»*³³⁸ (*«dabis ergo servo tuo cor docile ut iudicare possit populum tuum et discernere inter malum et bonum»*) [III Цар. 3: 9].

В Анониме есть также другой фрагмент, важный для построения параллели между Теодорихом и Соломоном, предшествующий описанию суда. Автор пишет о Теодорихе: *«он был провозглашен готами самым энергичным из всех королей после эдикта, которым [он] установил право»*

³³⁵ Аноним Вalezия. фр. 2. XII. (62).

³³⁶ Здесь и далее латинский текст Писания – по The Third book of King // Biblia Sacra Vulgatae Editionis: Sixti V Pont. Max. Iussa Recognita et Clemens VIII Auctoritate Edita. Neo Eboraci et Cincinnati: apud Fr. Pustet & Co. 1914. [Identical to 1922 edition].

³³⁷ Аноним Вalezия. фр. 2. XII. (60).

³³⁸ Русский перевод Писания здесь и далее мой.

(«*a Gothis secundum edictum suum, quo jus constituit, rex fortissimus in omnibus indicaretur*»)³³⁹. Слово «*jus*» в данном случае стоит понимать как «право», в значении «предоставляемая законом возможность», или как «система норм поведения», «справедливость», носящая правоприменительный характер. Если в этом фрагменте речь идет всё же о нормативном акте, фиксирующем *Lex Gothorum*³⁴⁰ как арианское вероисповедание или хотя бы определяющем право готов как совокупность норм их поведения, то можно попытаться интерпретировать данный эпизод как аллюзию на строительство Соломоном Храма. Этот Храм стал для иудеев и главным местом культа, и зримым воплощением их религии, и вместилищем Закона, центрального понятия этой религии. Теодорих же, видимо, дал своему народу некое материальное воплощение его «*jus*» в «*edictum suum*».

Далее в Анониме следует рассказ об отступничестве короля от предыдущей политики, в которой для автора, пожалуй, главным было отсутствие гонений на ортодоксальных христиан и добрая воля в отношении римлян. Пока Теодорих поступал так, автор Анонима писал о нем как о государе, правящем по воле Бога и так, как должен править христианский владыка. Но после еврейского погрома в Равенне (519 г.) все изменилось: Теодорихом, по мнению автора, овладел дьявол: «*И в то же время дьявол нашел способ, как захватить хитростью того, кто хорошо, без жалоб управлял государством*» («*Ex eo enim [tempore] invenit diabolus locum, quem ad modum hominem bene rem publicam sine querela gubernantem subriperet*»)³⁴¹. Несколько позже в тексте сказано уже напрямую: король перестал быть ревнителем Бога и стал противником закона его: «*не как друг*

³³⁹ Аноним Вalezия. фр. 2. XII. (60). 10-11

³⁴⁰ О тонкости понимания оборота «*lex Gothorum*» существует длительная дискуссия, затрагивающая не только историков, но и филологов. П. Скардильи считал, что полагать *lex Gothorum* равнозначным *religio Gothorum*, то есть арианству, неверно и что в этом выражении скорее проявляется «их понимание прав каждого в отдельности и всей общины» - Скардильи П. Готы. С. 292. Здесь же важно то, что фразу из Анонима, в которой фигурирует слово *jus*, возможно интерпретировать как указание на *lex Gothorum* в обоих случаях толкования этого словосочетания – через акцент на неписанных правах и справедливости.

³⁴¹ Аноним Вalezия. фр. 2. XIV. (83).

Бога, но враг закона Его» (*«non ut dei amicus sed legi eius inimicus»*)³⁴². Фактически, это то же, что совершил Соломон, которому Господь обещал милость лишь до тех пор, пока тот подчиняется заповедям Его: *«если ты будешь переходить по предписаниям Моим и судить по законоустановлениям Моим, и соблюдать все заповеди Мои»* (*«si ambulaveris in praeceptis meis et iudicia mea feceris et custodieris omnia mandata mea gradiens»*) (III Цар. 6: 12]. Теодорих, как и Соломон, таким образом, отклоняется с путей Господних: *«если же ты будешь проходить по путям Моим»* (*«si autem ambulaveris in viis meis»*) (III Цар. 3: 14) – и становится орудием Дьявола. И перед лицом смерти правитель Италии так же, как библейский царь-мудрец, не возвращается к истине.

Дополнительные штрихи к образу Теодориха как правителя, похожего на Соломона, добавляет указание на то, что он был женат не единожды³⁴³, а также на известность в народе его изречений³⁴⁴ – в случае Соломона это были притчи и песни. Кроме того, рассказ о мудрости и богатстве Теодориха, как и в Третьей книге Царств, предваряет описание сцены суда, сам же суд касается женщины и ее ребенка. Завершается повествование в обоих текстах смертью главного героя и назначением им преемника.

Если предположить, что существовало (и впоследствии было утрачено, как это произошло с частью, предшествующей фрагменту) продолжение Partis Posterior, касающееся начала войны с Восточной империей, то у автора Анонима была прекрасная возможность развить мысль о том, как на судьбе народа и наследников сказались отступничество правителя. Это и поражения от неприятеля: *«...и побежит народ Твой Израиль от врагов своих...»* (*«...fugerit populus tuus Israhel inimicos suos...»*) [III Цар. 8: 33], – и угроза уничтожения народа: *«...Я сотру Израиль с поверхности земли...»* (*«...auferam Israhel de superficie terrae...»*) [III Цар. 9: 7]. Однако и без этой части очевидно существование смысловых параллелей между

³⁴² Аноним Вalezия. фр. 2. XV. (88). 19-20.

³⁴³ Аноним Вalezия. фр. 2. XII. (63).

³⁴⁴ Аноним Вalezия. фр. 2. XII. (61).

ветхозаветным образом царя Соломона и образом Теодориха Великого, созданным в дошедшем до нас фрагменте *Chronicae Theodericianae*³⁴⁵.

В текстах Анонима и Третьей книги Царств из уже существовавшей тогда латинской Библии – Вульгаты – отсутствуют лексические совпадения. Однако даже если допустить, что конструирование образа Теодориха как «остготского Соломона» могло произойти в рамках данного текста и неосознанно, подобный ракурс рассмотрения источника важен в свете изучения увлечения раннего Средневековья ветхозаветной тематикой с ее царями-первосвященниками, войнами за чистоту веры и отнюдь не милосердным, карающим Богом.

Кроме того, важен сам текст Анонима для понимания судьбы образа Теодориха в сознании его ближайших потомков – того, что происходило всё еще под впечатлением от сознательного конструирования этого образа. Поскольку личная харизма, сакральное лидерство *«признается, оказывается состоятельным и сохраняется в исторической памяти лишь в том случае, если фигура лидера соответствует определенному мифологическому архетипу»*³⁴⁶ – а в эпоху Поздней Античности и Раннего Средневековья это соответствие могло иметь место как в текстах, так и в устной традиции – принципиально значима параллель, проводимая автором второй части Анонима между его героем, Теодорихом, и Соломоном,

³⁴⁵ Г. Пфайльшифтер приводит фрагмент из некой церковной хроники середины VI века, где Теодорих напрямую сравнивается с Соломоном: *«Есть множество примеров того, что при решении юридических вопросов Теодорих был таким же мудрым, как и царь Соломон»* - Пфайльшифтер Г. Глава 8. Смерть Теодориха, его роль в истории и созданные о нем предания и легенды // Теодорих Великий. Источник и оригинальный текст не указаны.

³⁴⁶ Альбедиль М.Ф. Духовное лидерство: мифологический архетип // Актуальные проблемы изучения Архаики. Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб.: МАЭ РАН. 2014. С. 194. Несмотря на то, автор статьи пишет о Будде и, соответственно, о духовном лидерстве наивысшего порядка, мне представляется возможным использовать как его выводы, так и его наработки по нескольким причинам. Альбедиль опирается на принципиальное значение мифа как способа познания реальности – и случай Теодориха в Анониме Вalezия, на мой взгляд, прекрасно демонстрирует то, как реальность описывается с помощью мифа (а текст Писания – важнейший миф и культурный код эпохи). Более того, без вставки в исторический нарратив, в реальности действующих лиц которого никто не сомневается, представлений, почерпнутых из текста, причастного метафизическому пласту, описываемая реальность осталась бы не понятой самим автором нарратива и его читателями. Величина же дистанции между Буддой и Теодорихом не отменяет того, что оба являются носителями сакральности или – во всяком случае, описываются в имеющихся у нас текстах, как сакральные фигуры. То, что Теодорих водил до X или XI века Дикую охоту, это только подтверждает.

частью священного текста. С.В. Санников пишет о том, что оба образа просто восходят к одному из фундаментальных культурных архетипов Г. Юнга – мудрецу³⁴⁷. Однако для задач данной работы сведение образов к конкретным архетипам представляется непродуктивным упрощением, поскольку важнее выявить плюрализм акцентов, чем возможное основание.

§ 3. Заключение

Найти смысловую грань между претензией Теодориха на положение как будто императора Запада – и его умения не делать этого напрямую, действительно непросто. Особенно если принимать во внимание, что его послания к императору Востока – то есть репрезентация власти, направленная вовне Италии – не только апеллировали к тем же культурным традициям, что письма для внутреннего пользования, но и адресовались не только Анастасию и его придворным, но в конечном счёте всей греко-римской Ойкумене³⁴⁸. Эмоциональная дистанция как наиболее точная характеристика сущности этой грани, вероятно, максимально точно передаёт всю семантическую тонкость момента. Эта дистанция соблюдалась как внутри Италии, в действиях и текстах, к которым император не имел возможности приобщиться, так и в непосредственно адресованных ему посланиях, созданных для того, чтобы они были зачитаны в его присутствии. В этих посланиях Теодорих настаивает на своём уникальном статусе внутри сложившейся политической системы империи. Он тот, кто занимает место императора Запада и обеспечивает тем

³⁴⁷ Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов. С. 159. Санников в сущности не доводит свою мысль до логического единого истока обоих образов – Теодориха и Соломона – и ограничивается только таким замечанием: *«Архетип мудреца четко прослеживается в образе мудрого судьи, принимающего решения, сопоставимые по своей лаконичности с решениями библейского царя Соломона»*. Кроме того, он считает, что в образе Теодориха в Анониме Вalezия больше выражены черты другой архетипической фигуры – защитника (родителя).

³⁴⁸ Мне кажется возможным развить так мысль С. Барниша, который настаивает на том, что нет смысла считать, что концепт *civilitas* в остготской пропаганде направлялся только вовнутрь Италии из-за того, что он не встречается во внешних письмах. *The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century..* P 65. Эти письма, так же, как и послания Плиния Младшего и Траяна, были предназначены для того, чтобы стать значимым документом всей империи – поэтому нет смысла говорить только о различии ориентации вовнутрь или вовне Италии.

самым единство империи как особой реальности. И это является, пожалуй, наиболее принципиальным моментом в репрезентации власти Теодориха перед лицом восточного императора: он второй владыка греко-римского мира, не переставшей существовать империи.

Конструирование образа всегда ориентируется на идеал – тот мало поддающийся изменениям ее образ, который обеспечивает узнавание³⁴⁹. Для Поздней Античности идеалом, безусловно, был образ императорской власти – поэтому любая попытка говорить о власти на языке риторики, символа, церемонии или жеста была обречена на то, чтобы устремиться к этому образцу. Поэтому и в образах власти Теодориха Великого, апеллирующих к позднеантичной традиции, столь велик императорский компонент. Пафос же *renovatio* и антикварные тенденции позволяли не конкурировать с современными Теодориху императорами внутри одного семантического поля. Он был как будто более *princeps*, чем обитатель дворца Халка в Константинополе, окруженный властными традициями эпохи домината: второй Эней, второй Ромул – новый родоначальник, новый отец.

Для конструирования образа своей власти перед лицом в первую очередь латиноязычного населения Италии Теодорих располагал широким спектром методов и возможностей. Первым из них по степени важности была изысканная риторика документов, идущих из придворной канцелярии, при создании которых Кассиодор направил весь блеск античной образованности на служение делу прославления своего патрона. Успешная территориальная политика по возвращению имперских провинций под контроль Италии, помимо принесения очевидных конъюнктурных выгод, которые, однако, далеко не все могли почувствовать на себе

³⁴⁹ Бразговский Ф.С. Репрезентация власти в культуре Раннего Средневековья. С. 22: «...по мере взросления и участия в социальной жизни человек усваивает многочисленные понятия и модели поведения, которые и составляют, например, идеальную плоскость власти. Иначе говоря, у человека появляется «привычка», практически инстинкт «узнавания» власти. У человека формируется определенный образ, эталон, на сравнении с которым и будут опознаваться репрезентации власти».

непосредственно, была аргументом *a actione* в деле формирования образа Теодориха как защитника империи и усмирителя варваров.

Экономическое процветание Италии выразилось в возобновлении интенсивности городской жизни, но не последнюю роль в этом играла деятельность Теодориха по восстановлению разрушенных за беспокойный V в. зданий и новое городское строительство. Эта деятельность вносила огромный вклад в формирование образов власти Теодориха Великого, покровителя городов, неотъемлемой части римской государственности и римского духа. Кроме того, само по себе возведение зданий позволяло реализовывать такой метод репрезентации власти, как пространственное доминирование: власть же над территорией более, чем красноречиво свидетельствует о могуществе государя. Особое место в восстановительной деятельности – как и вообще в официальной идеологии правления Теодориха – отводилось Риму: «*Остготская пропаганда шла рука об руку с идеей персонифицированного Рима, вознагражденного королевскими победами, и идеей обновления и возрождения*»³⁵⁰.

Церемониальные способы репрезентации власти также нашли своё место в совокупности методов конструирования образов власти Теодориха Великого. Вероятно, чрезвычайно значимое место среди них занимал ритуал *adventus domini* – наиболее важная церемония в символическом общении государя с его народом. В Остготской Италии она скорее всего происходила с ориентацией на императорский образец. Органически связанные с церемонией *adventus* триумфы и весь комплекс победной тематики – с военной титулатурой и изображениями – также были задействованы в репрезентации власти Теодориха Амала. Раздачи зерна и цирковые игры, которые давно уже стали традиционным способом порадовать рядовых граждан Рима, подарки сенаторам, безусловно, окруженные ритуализированными действиями, тоже были ее частью во

³⁵⁰ MacCormac S. G. Art and ceremony in late antiquity. P. 232.

время празднеств, таких как триценналии Теодориха в 500 г., консульство Эвтариха в 519 г. и ежегодные фестивали *vota*.

Средоточием церемониальной и символической жизни Остготской Италии первой четверти VI в. был двор Теодориха – двор, безусловно, ориентированный на императорский образец. Культура панегирика, придворной музыки, коллекционирования диковинных механизмов вернулась в Равенну и вносила свой вклад в репрезентацию власти Теодориха, который был центром и средоточием этого двора. При нём существовал кружок интеллектуалов, что позволяло говорить о Теодорихе как о покровителе наук и искусств, и сокровищница государя как продолжение его харизмы. Вместилищем же пышного и подражающего императорскому двору Теодориха была Равенна, ставшая средоточием визуализации образов власти правителя Остготской Италии. Особенно стоит выделить её дворцовый комплекс с двумя доминантами: собственно дворцом и придворной церковью (ныне Сант-Апполинаре-Нуово).

В создании визуальных образов власти Теодориха Великого можно увидеть ту же работу с позднеантичной традицией, что и в других аспектах репрезентации его власти, работу с императорской иконографией, которая была призвана подчеркнуть особое положение правителя Италии как преемника императоров, и внимание к триумфальной тематике.

Подле Равенны незадолго перед кончиной Теодориха был возведен его мавзолей – финальный этап репрезентации власти правителя, последняя возможность указать на его статус и выразить притязания. Запечатленный в камне образ власти, способный пережить века.

Заключение

Изучение образов власти Теодориха привело к выводам о том, что построение этих образов носило сложный характер и обуславливалось комплексом факторов.

В рамках данной работы был проведен детальный анализ пути собирания престижа, который прошёл Теодорих для того, чтобы в итоге стать правителем Италии. В рамках этого анализа было выдвинуто предположение о символической значимости собственноручного убийства им Одоакра в связи с комплексом значений кровной мести в германской культуре. Кроме того, дано подробное толкование момента провозглашения Теодориха королём после устранения Одоакра.

Был проведён анализ конструирования образа власти Теодориха перед лицом восточных императоров на материале наиболее репрезентативного источника – двух дипломатических посланий к Анастасию. И дан анализ текста «Войны с готами» Прокопия Кесарийского как рефлексии на тему этой репрезентации.

Было выдвинуто предположение о целостности замысла автора второй части Анонима Валезия и на основании выявленных в этом тексте параллелей с ветхозаветными сюжетами осуществлён анализ образа Теодориха как «второго Соломона».

В рамках данного исследования была проведена работа по вычленению черт направленной на остготов репрезентации власти Теодориха, которые лежат за пределами позднеантичной греко-римской традиции и апеллируют, соответственно, к составляющим культуры племенного мира.

Был осуществлён анализ репрезентации власти Теодориха перед лицом других варварских лидеров и вычленение её основы – мотива родственных отношений. В этом мотиве очевидно отступление от императорской модели репрезентации власти и вообще от позднеантичной традиции, хотя используется та же форма – риторический текст. 12 посланий из *Variae*

Кассиодора, которые были основным источником для этого, были переведены на русский язык и сопровождаются комментарием. Отдельно следует отметить, что этот комментарий касался также роли даров в дипломатической деятельности Теодориха.

В качестве основных общих выводов по результатам проведённого исследования можно назвать следующие три положения.

Во-первых, в репрезентации власти Теодориха как едином комплексе или едином феномене был весьма силен компонент, который уместно будет называть императорским. Стержнем возникавшего образа была идея о том, что империи, как неразрывной и не переставшей существовать реальности, был необходим владыка на Западе, визави восточного императора. И Теодорих – не просто тот, кто претендует на особое место во властной системе Империи (между императором и остальными правителями), но тот, кто фактически занимает место императора Запада. Он второй владыка греко-римского мира, пусть и не претендующий на всю полноту значения имени императора. Ориентация на эпоху принципата (конечно, в представлении о ней интеллектуалов начала VI века) в духе общего пафоса *renovatio* позволяла отчасти избегать излишних притязаний и добавляла особые черты возникшему образу власти. Таким образом, складывался образ того, кто правил освященной преемственностью от «древних» империей двух народов: италийцев и готов. Он, носитель всех полагающихся императору добродетелей (а они, безусловно, были нужны для сознания легитимности власти), осуществлял над ними свою власть в согласии с римскими принципами *libertas*, *civilitas*, *utilitas publica* и *humanitas*. Он заботился о благе своих подданных, о соответствии их поведения высокому званию римлян и оборонял империю от варваров – триумфальная тематика занимает важное место в конструировании образов власти Теодориха в русле официальной идеологии его правления. Он покровитель городов и средоточие пышного двора, организованного так, как должен быть организован двор императора.

Причин возникновения этого компонента несколько. В первую очередь он диктовался необходимостью каждый раз соотносить власть Теодориха над Италией с властью восточного императора, поскольку для узнавания власти всегда необходима ориентация на конкретный, уже существующий образец. Однако не стоит забывать и об особом месте Италии в политическом мышлении Поздней Античности, необходимости поддержания реальной или символической гегемонии в западном Средиземноморье, а также всё ещё непривычный для империи статус Теодориха как правителя внутри её структур.

Во-вторых, существовал другой значимый компонент репрезентации власти Теодориха Великого, который можно условно назвать племенным. Он строился, с одной стороны, на демонстрации единства короля и его народа, что достигалось разными методами: от наличия готского окружения до поощрения развития именно готской культуры (в таких, например, проявлениях, как работа с текстом Священного Писания на готском языке). С другой стороны – на акцентированном выделении патриархальной природы власти. Особенно ярко это демонстрирует существование института королевского покровительства (*tuitio*) и репрезентация власти перед лицом других варварских лидеров, основанная на мотиве родственных отношений и конструировании расширенного рода королей, место главы которого отводилось Теодориху. Отдельную роль играла работа с амальской традицией, с помощью чего происходило некое взаимопроникновение и взаимоукрепление личной харизмы короля и образа королевской династии как сакрального рода.

В-третьих, образ власти Теодориха Великого надолго пережил его самого. Возведённый рядом с Равенной мавзолеей стал воплощением этого образа в камне, символизируя финал жизни Теодориха: то, кем он стал, по сравнению с тем, кем он родился. Он означает полный разрыв сына Тиудимира с культурой, в которой он появился на свет и был воспитан – культурой римско-варварской имперской военной элиты. Можно сказать,

что в смысле выбора места последнего успокоения, Теодорих был похоронен как император, чьего титула он никогда не носил при жизни.

В каком-то смысле ещё более долговечным оказался образ в риторической форме, созданный Кассиодором и сохранённый его стараниями в корпусе *Variae*. Однако вряд ли бывший магистр оффиций остготских королей думал именно об этом, публикуя своё знаменитое собрание.

Образ Теодориха переключался в германский эпос. К эпохе Классического Средневековья сложился развернутый корпус сказаний о Дитрихе Бернском, историческим прототипом которого был Теодорих Великий. Литературную, письменную обработку ему дала поэзия шпильманов в XIII веке. Наконец, Дитрих Бернский является одним из значимых персонажей второй части «Песни о Нибелунгах» – центрального германского героического сказания Средневековья.

Итак, двумя важнейшими методами репрезентации власти Теодориха были обращения к различным группам населения и отдельным лицам, выполненные по всем правилам позднеантичной риторики, и комплекс визуализации образов власти через воздвижение статуй, создание портретов, оформление зданий и так далее. И здесь очевидно следование императорской модели репрезентации власти. Архитектура наравне с изобразительным искусством уже тогда осознавалась как инструмент для выражения тех или иных идей о власти конкретных правителей. Пространственное доминирование как метод репрезентации власти было частью конструирования образов власти Теодориха.

Аргументами *a actione* явились конкретные действия по возвращению под власть Италии более северных провинций и восстановление городов, в особенности – Рима, подбора окружения и поощрения деятельности интеллектуалов, духовенства и людей искусства. Не менее важную роль играла группа методов, направленная на реальное взаимодействие с населением Италии – в виде церемоний *adventus domini*, общих праздников,

сопряженных с отправлением ритуалов, в которые вовлекались группы людей, и придворная жизнь, окруженная значимым церемониалом.

Список использованных источников и литературы

Источники:

1. Аноним Вalezия. Извлечения // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты). Сборник научных трудов памяти Клавдии Дмитриевны Авдеевой. Пер. В.М. Тюленева. Иваново.: Ивановский государственный университет. 2000.
2. Геродот. История. Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Под общ. ред. С.Л. Утченко. Л.: Наука. 1972.
3. Иоанн Антиохийский, Фр. 214 (8), 214а. // Гордон К., Эпоха Аtтилы. Римская империя и варвары в V веке. Пер. И. Куликова. М: Центрполиграф. 2014.
4. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вст. статья, пер., ком. Е. Ч. Скржинской. 2002.
5. Исидор Севильский. История Готов, Вандалов и Свевов. М.: Наука (Памятники средневековой латинской литературы IV – IX веков). 1970.
6. "История" Олимпиодора (В записях и выборках Фотия) // Византийский временник. Том 8 (33). 1956.
7. Кассиодор. Разное. Пер. М.Е. Грабарь-Пассек // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков. М. Наука. 1970.
8. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том 1. Анналы. Малые произведения. Ладомир; Москва; 1993
9. Магн Феликс Эннодий, Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа тицинской церкви. Панегирик королю Теодориху. Житие блаженного монаха Антония. Благодарение за свою жизнь. Пер. с латинского, вступ.ст., коммент. и указатели В.М. Тюленева. СПб.: Издательство Олега Абышко. 2013.
10. Макробий, Комментарий на «Сон Сципиона», книга 1, гл.8, 5-8 // Петрова М. С. Природа мира в комментарии на «Сон Сципиона»

- Макробия // П. П. Гайденко, В. В. Петров. Философия природы в Античности и в Средние века. М.: Прогресс-Традиция. 2000.
11. Малх. Фр. 15, 18 // Гордон К. Эпоха Аттилы. Римская империя и варвары в V веке. Пер. И. Куликова. М: Центрполиграф. 2014.
 12. Прокопий из Кесари. Война с готами. Пер. с греч. С.П. Кондратьева, вст. статья З.В. Удальцовой, отв. ред. Е.А. Косминский. М.: Издательство АН СССР. 1950.
 13. Прокопий Кесарийский. Тайная история // Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер., статья, ком. А. А. Чекаловой. М.: Наука. 1993.
 14. Сказания Приска Панийского, Отрывок 8й (448 г. по Р. Х.; Феод. 41-й) (Exс. De leg. Rom. P. 47—71; В. 169—212). Под ред. И.И. Срезневского. Санкт-Петербург.: Типография императорской Академии Наук. 1861.
 15. Четыре книги Евсевия Памфила, епископа Кесарии Палестинской о жизни блаженного василевса Константина. Перев. СПб Духовной Академии, пересм. и испр. В.В. Серповой, примеч. А. Калинин. М.: изд. группа Labarum. 1998.
 16. Agnellus, Lib.Pont. // MGH. SRL. I. P. 337 – 338
 17. Cassiodori Senatoris. Variar. Rec. Th. Mommsen. Monumenta Germaniae Histotica, Tomus XII, Berolini MDCCCXCIV.
 18. Gregory of Tours, Libri Historiarum – Latin Library [Электронный ресурс], URL: <http://www.thelatinlibrary.com/gregorytours/gregorytours3.shtml> (дата обращения 17.03.2015).
 19. Excerpta Valesiana. Pars II. Rec. J. Moreav. Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Academia Scientiarum Germanica Berolinensis. Lipsiae in Aedibus B.G. Teubneri. 1961.
 20. In nomine patris et filii et spiritus sancti incipit panegyricus dictus clementissimo redi Theoderico ab Ennodio Dei famulo, XXI // Latin Library. [Электронный ресурс], URL: <http://www.thelatinlibrary.com/ennodius.html> (дата обращения 12.02.2016).

21. The Life of Agricola & The Germania. ed. William Allen. Ginn & Co. Boston. 1913.
22. The Third book of King // Biblia Sacra Vulgatae Editionis: Sixti V Pont. Max. Iussa Recognita et Clemens VIII Auctoritate Edita. Neo Eboraci et Cincinnati: apud Fr. Pustet & Co. 1914. [Identical to 1922 edition].
23. Selected Variae of Magnus Aurelius Cassiodorus Senator. Translated with introduction and notes by S. J. B. Barnish. Liverpool: Liverpool University Press. 2006 (reprint, first publishing in 1992).

Литература:

1. Абрамзон М.Г. Император как полководец в монетных типах. Римская слава, 14 апреля 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roman-glory.com/abramzon-imperator-kak-polkovodec> (дата обращения 18.03.2017)
2. Аверинцев С.С. Символика раннего Средневековья (К постановке вопроса). М.: Наука. 1977.
3. Алексеева Т.И., Славяне и германцы в свете антропологических данных. Вопросы истории. N 3. 1974.
4. Альбедиль М.Ф. Духовное лидерство: мифологический архетип // Актуальные проблемы изучения Архаики. Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб.: МАЭ РАН. 2014.
5. Беспальчикова Я.Е. Мавзолей Теодориха Великого как финал репрезентации его власти // Проблемы истории и культуры средневекового общества XXXV. СПб.: СПбГУ. Своё издательство. 2017.
6. Бибиков М.В. «Великие василевсы» Византийской империи: к изучению идеологии и эмблематики сакрализации власти (с. 29 – 51) // Священное тело короля. Отв. ред. Н.А. Хачатурян. Ин-т всеобщ. истории РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Наука. 2006.

7. Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009.
8. Бойцов М.А. Раскаяние государя: император и епископ (с. 211 – 241) // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. Отв. ред. Хачатурян Н.А. Составитель О.С. Воскобойников. М.: Наука. 2008.
9. Болгов Н.Н. Поздняя Античность: история и культура. Белгород. 2009.
10. Бразговский Ф.С. Репрезентация власти в культуре Раннего Средневековья. Дис. канд. культурологии N 24.00.01: защищена 03.06.13 в РГПУ им. Герцена // Архив диссертаций библиотеки РГПУ им. Герцена.
11. Виноградов А. Император и апостолы: храм и мавзолей // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. Отв. ред. Бойцов М.А., Успенский Ф.Б. СПб.: Алетейя. 2010
12. Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). Пер. с нем. Б. П. Миловидов, М. Ю. Некрасов. Под ред. М. Б. Щукина, Н. А. Бондарко и П. В. Шувалова. СПб.: Ювента (Историческая библиотека). 2003. Это первое издание на русском языке 3-его издания (1990 г.) книги Х. Вольфрама «История готов» (1-е издание – 1979 г.).
13. Воскобойников О.С. Душа мира. Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II. 1200-1250 гг. М.: РОССПЭН. 2008.
14. Воскобойников О.С. Репрезентация власти и “искушение портретом”. О нескольких изображениях Фридриха II Гогенштауфена (с. 264 – 300) // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. Отв. ред. Хачатурян Н.А. Составитель О.С. Воскобойников. М.: Наука. 2008.
15. Гюйонварх Х., Леру Ф. Кельтская цивилизация. Пер. с фр. Ю.Н. Стефанова, Г.В. Бондаренко. СПб.: Культурная инициатива, 2001.
16. Дюмезиль Б. Свадьба цезарей // Королева Брунгильда. Пер. с фр. М. Некрасова. СПб.: Евразия. 2012.

17. Иванов С. Подпись под изображением правителя как средство идентификации: от Античности к Византии // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. Отв. ред. Бойцов М.А., Успенский Ф.Б. СПб.: Алетейя. 2010.
18. Казанский М.М. Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его исторический контекст (с. 28 – 51) // Империи и периферии // Tractus Aevorum. Т. 1. 2014.
19. Казанский М.М. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами (с. 307 – 320) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том 1. М.: «Ломоносовъ». 2010.
20. Казанский М. М., Перен П., «Королевские» и «вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований // Краткие сообщения института археологии, выпуск 234. М.: Языки славянской культуры. Знак. 2014.
21. Казбекова Е.В. К вопросу о предполагаемых стихотворных и ритмизированных вставках в «Getica» Иордана (Критика гипотез П.В. Шувалова) (с. 9 – 46) // ВИД. Т. 31. СПб. 2013.
22. Калинина И.В. Зверь-тотем в типологии образов // I. Тотемизм: артефакты, концепции, реальность. II. Культура: социум и индивид // Теория и методология архаики. Материалы теоретического семинара. Выпуск 2. Отв. ред. Доктор ист. наук, профессор Д.Г. Савинов. СПб: Европейский дом. 2000.
23. Калинина И.В., Структурированность потестарного общества // Актуальные проблемы изучения Архаики. Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб.: МАЭ РАН. 2014.
24. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. Сокр. пер. с ит. В.П.Гайдука; Вступ. Статья и общ. ред. В.И.Уколовой, Л.А.Котельниковой. М.: «Прогресс». 1987.

25. Комеч А. И. Архитектура (с. 573 – 595) // Культура Византии. IV – первая половина VII в. Отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука. 1984.
26. Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: Изд-во МГУ. 1984.
27. Корсунский А.Р. К дискуссии об «Эдикте Теодориха» (с. 16 – 31) // Европа в средние века: экономика, политика, культура. Сб. статей (К 80-летию академика С.Д. Сказкина). М.: Наука. 1972.
28. Кулаковский Ю. А. Анастасий. Избрание на царство. Война с исаврами. Волнения в столице // «История Византии». Том 1. СПб.: Алетейя (Серия «Византийская библиотека. Исследования»). 2003.
29. Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия: Проблемы перехода от античности к феодализму. Ленинград. 1984.
30. Кучма В.В. Введение // Стратегикон Маврикия. Изд. подг. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя. 2004.
31. Лазарев В.Н. История византийской живописи. М.: Искусство. 1986.
32. Попова О. С. Изобразительное искусство (с. 546 – 572) // Культура Византии. IV – первая половина VII в. Отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука. 1984.
33. Пропп В.Я. Исторические корни Волшебной Сказки. Науч. ред., текстологический комментарий И.В. Пешкова. СПб.: Лабиринт. 2000.
34. Пфайльшифтер Г. Теодорих Великий. М.: Евразия. 2004.
35. Роулинг М., Глава 1 Карл Великий и средневековое общество // Европа в Средние века. Быт, религия, культура. М.: ЗАО «Центрполиграф». 2005.
36. Савинов Д.Г., Тунгусский «триумвират» (с. 172 – 181) // Актуальные проблемы изучения Архаики. Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб.: МАЭ РАН. 2014.
37. Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во НГТУ. 2011.

38. Свенцицкая И. Знаки власти в изображениях римских императоров // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. Отв. ред. Бойцов М.А., Успенский Ф.Б. СПб.: Алетейя. 2010.
39. Скардилъи П. Готы: язык и культура. Пер. с нем. А.Д. Сыщиков; науч. ред. перев. Г.А. Баева, П.В. Шувалова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История. 2012.
40. Старостин Д. Н. Возникновение королевства франков в контексте взаимоотношений Римской империи и варваров: Хильдерик и проблемы легитимности первых меровингских правителей // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Т. 12. СПб. 2015. С. 77-93.
41. Старостин Д.Н. Между Античностью и Средневековьем. (монография в печати)
42. Степанов А.В. Искусство эпохи Возрождения. Италия. 14-15 века. СПб.: Азбука-классика. 2003.
43. Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. Пер. с англ. Т. О. Пономаревой; под ред. М. Е. Килуновской. СПб.: «Ювента». 2003.
44. Тюленев В.М. Герои и образы прошлого в «Панегирике Теодориху» Эннодия (с. 168 – 173) // ANTIQUITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 3: Проблемы источниковедения античной истории: Взгляд на историю и историческая информация в трудах античных авторов. Под ред. Махлаюк А.В., Молева Е.А.. Нижний Новгород. 2011.
45. Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб. 2005.
46. Тюленев В.М. Слово против меча: новое содержание Romanitas у Эннодия (305 – 316) // Antiquitas aenerna. Вып. 4 «История понятий,

- категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого. Нижний Новгород. 2014.
47. Тюленев В.М. Эннодий – штрихи к портрету раннесредневекового интеллектуала (с. 47 – 60) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и Раннего Нового времени, вып. 8 (юбилейный). Под ред. Ю.А. Дворниченко. СПб.: Исторический факультет СПбГУ. 2010.
48. Удальцова З.В. Италия и Византия в VI в. М.: Издательство АН СССР. 1959.
49. Уколова В.И. Империя как “смысл” исторического пространства: попытка политологического анализа, обращенная к прошлому (с. 20 – 33) // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. Отв. ред. Хачатурян Н.А. Составитель О.С. Воскобойников. М.: Наука. 2008.
50. Уколова В.И. Остготы в Италии // «Последний римлянин» Боэций. М.: Наука, 1987.
51. Фоне-Вампль С., Женщины от V по X век (с. 163 – 201) // История женщин на Западе. в 5 т. Т. II: Молчание Средних веков. Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. Том под ред. К. Клапиш-Зубер. Пер. с фр. под ред. Р. А. Гимадеева. Науч. ред.перевода Н. Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя. 2009.
52. Хачатурян Н.А. Король-саге в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти) (с. 19 – 28) // Священное тело короля. Отв. ред. Н.А. Хачатурян. Ин-т всеобщ. истории РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Наука. 2006.
53. Хизер П. Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы. М.: Центрполиграф. 2016.
54. Чекалова А.А., Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV - первая половина VII века. М.: Наука. 2010.
55. Шаров О.В. Гибель Эрманариха: история и эпос (с. 95 – 106) // Стратум: структуры и катастрофы. 1997.

56. Шипилов Д.Ф. О принадлежности Одоакру титула патриция (с. 402 – 407) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Выпуск № 76-1. 2008.
57. Шкаренков П.П. Между риторикой, историей и политикой: образ короля и королевской власти в «Панегирике Теодориху» Эннодия // История литературы. Новый филологический вестник. Вып. N 2. Том 7. Москва. 2008.
58. Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии по “*Variae*” Кассиодора. Миф, образ, реальность. М.: РГГУ (Библиотека студента). 2003.
59. Шувалов П.В., Рудницкий Р.Б. К вопросу о ритмизированных фрагментах в тексте «Гетики» Иордана (с. 62 — 73) // ВИД. Т. 31. СПб. 2010.
60. Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура. СПб: Филологический факультет СПбГУ. 2005.
61. Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. 489-554. Cambridge University Press. 1997.
62. Aubrichs W. Germanic and Gothic kinship terminology (p. 143 — 173) // The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. An Ethnographic Perspective. Ed. by S. J. Barnish, F. Marazzi. Woodbridge: The Boudell press. 2007.
63. Barnish S.J.B. Liberty and advocacy in Ennodius of Pavia: the significance of rhetorical education in late antique Italy // Hommages a Carl Deroux. Vol.5 Christianisme et Moyen Age Néo-latin et survivance de la latinité. Ed. by Pol Defosse. Bruxelles: Latomus. 2002-2003.
64. Barnish S.J.B. The Anonymus Valesianus II as a Source for the Last Years of Theoderic. Latomus. 1983.
65. Blockley R. C. Roman-Barbarian Marriages in the Late Empire (p. 63–77) // Florilegium 4. 1982.

66. Brogiolo G.P. *Dwellings and settlements Gothic in Italy // The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. An Ethnographic Perspective.* Ed. by S. J. Barnish, F. Marazzi. Woodbridge: The Boudell press. 2007.
67. Bustacchini G. *Ravenna: Capital of Mosaic.* Ravenna: Cartolibreria Salbaroli. 1988.
68. Cooper K. *The Heroine and the Historian: Procopius of Caesarea on the Troubled Reign of Queen Amalasuetha // A Companion to Ostrogothic Italy.* Ed. by Arnold J., Bjornlie S., Sessa K. Brill Academic Publishers: Brill's Companions to European History. 2016.
69. Croke B. *Latin Historiography and the Barbarian Kingdoms // Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* Ed. By G. Marasco. Brill, Leiden, Boston. 2003.
70. Garipzanov I.H., Geary P.J., and Urbańczyk P. *Introduction: Gentes, gentile, identity, and state formation in early Medieval Europe // Franks, Northmen and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe.* Brepols Publishers n.v., Turnhout, Belgium. 2008.
71. Gillett A. *Envoys and Political communication in the Late Antique West.* 411 – 533. Cambridge University Press. 2003.
72. Gillett A. *The Purposes of Cassiodorus Variae // After Rome's Fall: Narrators and Sources of Early Medieval History.* Ed. A. C. Murray. Toronto; Buffalo. 1998.
73. Gillett A. *Was Ethnicity Politicized in the Earliest Medieval Kingdoms? // On Barbarian Identity: Critical Approaches to Identity in the Early Middle Ages.* Ed. by A. Gillett. Turnhout. 2002. P. 85-121.
74. Heather P. *Cassiodorus and the Rise of the Amals: Genealogy and the Goths under Hun Domination (p. 103-128) // The Journal of Roman Studies.* Vol. 79. 1989.
75. Heather P., *Gens and regnum among the Ostrogoths. (p. 87 – 133) // The transformation of the Roman world. Volume 13 "Regna and gentes".* Brill, Leiden, Boston. 2003.

76. Heather P. Ethnicity, Group Identity, and Social Status in the Migration Period (p. 17 – 50) // Franks, Northmen and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Brepols Publishers n.v., Turnhout, Belgium. 2008.
77. Heather P., Merely a ideology? - Gothic identity in Ostrogothic Italy // The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. An Ethnographic Perspective. Ed. by S. J. Barnish, F. Marazzi. Woodbridge: The Boudell press. 2007.
78. Heydemann G. The Ostrogothic Kingdom: Ideologies and Transitions // A Companion to Ostrogothic Italy. Ed. by Arnold J., Bjornlie S., Sessa K. Brill Academic Publishers: Brill's Companions to European History. 2016.
79. Johnson M.J. Art and Architecture // A Companion to Ostrogothic Italy. Ed. by Arnold J., Bjornlie S., Sessa K. Brill Academic Publishers: Brill's Companions to European History. 2016. P. 358.
80. Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. Prosopography of the Late Roman Empire. T. II. Cambridge University Press. 1980.
81. Jones A. H. M. The constitutional position of Odoacer and Theoderic // The Journal of Roman Studies. Vol. 52. Parts 1 and 2 (1962). P. 126-130.
82. Kazanski M. The Ostrogoths and the princely civilization of the fifth century (p. 81 – 99) // The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. An Ethnographic Perspective. Ed. by S. J. Barnish, F. Marazzi. Woodbridge: The Boudell press. 2007.
83. Kovacs T. Some remarks on Anonymus Valesianus' Pars Posterior. Conference of Scientific Students' Associations (TDK). University of Szeged. 2008.
84. Lafferty S., The law // A Companion to Ostrogothic Italy. Ed. by Arnold J., Bjornlie S., Sessa K. Brill Academic Publishers: Brill's Companions to European History. 2016. P. 147 – 172.
85. MacCormac S. G. Art and ceremony in late antiquity. Berkeley, Los Angeles, London: University of California press. 1981.

86. MacCormic M. *Eternal victory. Triumphal rulership in late antiquity, Bizantium, and the early medieval West.* Cambridge: Maison des Sciences de l'Homme and Cambridge University Press. 1986.
87. Macpherson R. *Rome in involution. Cassiodorus' Variae in their literary and historical setting.* Poznan. 1989.
88. Marazzi F. *He last Rome: from the end of fifth to the end of sixth century // The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. An Ethnographic Perspective.* Ed. by S. J. Barnish, F. Marazzi. Woodbridge: The Boudell press. 2007. P. 279 – 301.
89. Nechaeva E. *Embassies. Negotians. Gifts: Systems of East Roman Diplomacy in Late Antiquity.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 2014.
90. O'Donnell J.J. *Cassiodorus.* Copyright and published 1979 (University of California Press: "Postprint". 1995). URL: <http://faculty.georgetown.edu/jod/texts/cassbook/toc.html> (дата обращения 14.01.2017).
91. Rapp C., *Death at the Byzantine Court: The Emperor and his Family // Death at Court.* Ed. by K.-H. Spieß and I. Warntjes. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden. 2012.
92. Shanzer D. *Two Clocks and Wedding: Theodoric's Diplomatic Relations with the Burgundians* (p. 225-258) // *Romanobarbarica* 14. 1996-97.
93. Swain B., *Goths and Gothic Identity in the Ostrogothic Kingdom // A Companion to Ostrogothic Italy.* Ed. by Arnold J., Bjornlie S., Sessa K. Brill Academic Publishers: Brill's Companions to European History. 2016.
94. Wood I., *Theodoric's monuments in Ravenna // The Ostrogoths from the Migration period to the sixth century. An Ethnographic Perspective.* Ed. by S. J. Barnish, F. Marazzi. Woodbridge: The Boudell press. 2007.

Приложение

Перевод на русский язык текста 12 писем «дипломатической» подборки *Variae* от Теодориха Великого к другим варварским лидерам. Латинский текст приводится по изданию Т. Моммзена. Сохранена общая последовательность и нумерация посланий в корпусе *Variae*. Датировка перед латинским текстом и переводом приведена по изданию Т. Моммзена.

I. 46

GUNDIBADO REGI BURGUNDIONUM THEODERICUS REX

507³⁵¹

1. Amplectenda sunt munera quae probantur omnimodis expetita: quando non est abiectum, quod potest explere desiderium. Nam per quaslibet pretiosas res ad illud tantum tenditur, ut cupientis animus expleatur. Quapropter salutantes gratia consueta per harum portitores illum et illum oblectamenta prudentiae vestrae, horologia cum suis dispositoribus credidimus destinanda: unum, in quo humana sollertia videtur colligi, quod totius caeli noscitur spatia pervagari: aliud, ubi solis meatus sine sole cognoscitur et aquis guttantibus horarum spatia terminantur. **2.** Habetote in vestra patria, quod aliquando vidistis in civitate Romana. Dignum est, ut bonis nostris vestra gratia perfruatur, quae nobis etiam affinitate coniungitur. Discat sub vobis Burgundia res subtilissimas inspicere et antiquorum inventa laudare: per vos propositum gentile deponit et dum prudentiam regis sui respicit, iure facta sapientium concupiscit. Distinguat spatia dici actibus suis, horarum aptissime momenta constituat. **3.** Ordo vitae confusus agitur, si talis discretio sub veritate nescitur. Beluarum quippe ritus est ex ventris esurie horas sentire et non habere certum, quod constat humanis usibus contributum.

Королю Гундобаду король Теодорих³⁵²

507

1. Должны быть одобрены дары, которые, вполне желанные, были приняты, поскольку не презренно [то], что может унять томление. Поистине, любые драгоценные предметы нужны для того, чтобы унялся дух страждущего.

Вот почему мы, благодаря тем перевозчикам — и тому, и другому — приветствуя с привычной благосклонностью утехи вашего благоразумия, поручаем часы вместе с их устроителями, чтобы они [часы] были установлены. Одни, в которых видится собранной [вся] человеческая изобретательность, которыми [часами] в блужданиях были познаны просторы целого неба; другие, где круговорот солнца познается без него и протяженность часов устанавливается каплющей водой. **2.** Имейте в вашем отечестве то, что некогда вы увидели в городе Рима! Подобаает, чтобы нашим дарованием наслаждалась ваша милость, которая связана с нами родством.

Пусть под вашей властью Бургундия учится смотреть на тончайшие вещи и восхвалять изобретения древних, с вашей помощью она отказывается от племенного состояния и, пока ожидает благоразумия от своего короля, она по праву страстно желает деяний мудрецов³⁵³. Пусть он [король] разделит протяженность дня деятельностью

³⁵¹ 506 год в датировке С. Барниша. Общая дискуссия о датировке этого послания приведена у Д. Шанзер (Shanzer D. Two Clocks and Wedding. P 246 — 248).

³⁵² Мною использована логика членения на абзацы при переводе С. Барниша. Пунктуация и коррекция деления на предложения мои.

³⁵³ Другой вариант перевода этого места на русский язык есть у С.В. Санникова: «Известно, что при Вас Бургундия вещи изысканнейшие лицезреет, изобретения древних восхваляет: Вашими усилиями оставляет варварский образ жизни, и благодаря мудрости своего короля приобщается достижениям разумнейших». (Санников С.В. бразы королевской власти эпохи Великого переселения народов. С. 48).

своей, да утвердит он целесообразнейше мгновения³⁵⁴ времен. 3. Порядок жизни приводится в замешательство, если не известно такое разделение под руководством истины. Разумеется, существует обыкновение зверей по голоду утробы ощущать часы и действительно не иметь того, что, как известно, отнесено к человеческому использованию.

Вероятно, одна из самых важных тем при анализе документов, созданных при дворах правителей варварских королевств — это то, каким образом их авторы определяют своё место, место своих владык и их контрагентов между двумя полюсами, на одном из которых — позднеантичная *civilitas*, а на другом — варварский мир, оценки которого со стороны носителей традиционной — и единственной — образованности предзаданы как изначально негативные. Варвары в риторических текстах, созданных в IV – V веках, нередко описывались и подавались как дикие животные, и главными словами в этом были “безумие” (*furor, rabies*), “необузданность” (*ferocitas, saevitia*), “жестокосердие” (*duritia*) и “непреклонность” (*rigor*)³⁵⁵.

В этой связи «дипломатические» письма *Variae*, адресованные германским лидерам от лица Теодориха Великого — германца из рода Амалов, представляют безусловный интерес, а во всей дипломатической подборке *Variae* — именно это письмо.

Д. Шанзер в своей работе, посвященной отдельно данному посланию и женитьбе Сигизмунда и Ареагни, утверждает, что основной целью Теодориха в данном случае было оскорбить адресата³⁵⁶, унижить как того, кто находится в варварском состоянии. С ее точки зрения, использование словосочетания *propositum gentile* — это очевидное указание на язычество, что не могло не задеть Гундобада, короля, который лично организовывал дебаты между арианскими и католическими епископами и присутствовал на них³⁵⁷. Упоминание о том, что звери «по голоду утробы» осознают ход времени, по мнению Д. Шанзера, — еще одна колкость, поскольку бургунды были гурманами, то есть разборчивыми именно в еде³⁵⁸. Впрочем, С. Барниш предлагает переводить *propositum gentile* как «племенной стиль жизни»³⁵⁹, что всё-таки не настолько оскорбительно. Как бы то ни было, цивилизаторский посыл этого фрагмента письма очевиден.

Кроме того, сам тон письма, лишенный пышных обращений и воззваний к лучшим чувствам адресата, существенно отличается от остальных «дипломатических» писем *Variae*. В связи с этим Д. Шанзер, кратко осветив дискуссию по вопросу о начале квесторской службы Кассиодора и датировке этого письма, делает вывод о том, что и этот оскорбительный тон, и отличия от других писем к варварским лидерам объясняются тем, что Кассиодор на момент создания текста еще не был квестором, а Теодорих до аламаннского и франко-вестготского кризисов чувствовал себя в праве снисходительно относиться к бургундам как непрекаемо сильный³⁶⁰.

В рамках данной работы, однако, представляется необходимым, избегая крайних суждений, сосредоточить внимание на других моментах, важных для понимания конструирования образа правителя Италии в дипломатических письмах. Посылая часы,

Принципиальная разница, в сущности, только в переводе слова *discat*, в котором я предлагаю видеть конъюнктив.

³⁵⁴ движущие силы.

³⁵⁵ Macpherson R. Rome in involution. Cassiodorus' *Variae* in their literary and historical setting. P. 85-86.

³⁵⁶ Shanzer D. Two Clocks and Wedding. P. 235.

³⁵⁷ Shanzer D. Two Clocks and Wedding. P. 242, 244.

³⁵⁸ Shanzer D. Two Clocks and Wedding. P. 244.

³⁵⁹ Barnish S.J.B. The *Variae* of Cassiodorus. P. 24 // Selected *Variae* of Magnus Aurelius Cassiodorus Senator. Translated with introduction and notes by S. J. B. Barnish. Liverpool: Liverpool University Press. 2006.

³⁶⁰ Shanzer D. Two Clocks and Wedding. P. 246 — 248.

пусть и не по собственному почину, а в ответ на просьбу Гундобада³⁶¹, Теодорих априори оказывался в положении более цивилизованного государя: он отправлял родственнику те достижения римской культуры, которые тот без него не мог достать. Этим может объясняться и необходимость рассуждений об использовании часов как именно такого достижения — средства стать еще более цивилизованным и сделать таковым свой народ. Бургундия, принимающая чудесные часы, в тексте письма предстает как земля, безусловно, менее культурная, чем Италия (именно в силу римского культурного наследия³⁶²), которая эти часы отправила, но стремящаяся к изменению под властью благоразумного короля и с помощью «деяний мудрецов». Кроме того, в послании также звучит тема внесения гармонии, отождествляемой с *civilitas* в противовес варварскому состоянию хаоса, отсутствия порядка. Гундобад же, который попросил Теодориха прислать ему часы, выступает скорее с положительной стороны: как благоразумный король, способный пожелать такую прекрасную вещь, как часы, оценить ее по достоинству, использовать для блага своего народа и стать тем, кто выполняет еще с античной точки зрения важнейшую функцию — вносит гармонию в неупорядоченность.

II. 41

LUDUIN REGI FRANCORUM THEODERICUS REX

507³⁶³

1. Gloriosa quidem vestrae virtutis affinitate gratulamur, quod gentem Francorum prisca aetate residem feliciter in nova proelia concitastis et Alamannicos populos caesis fortioribus inclinatos victrici dextera subdidistis. Sed quoniam semper in auctoribus perfidiae resecabilis videtur excessus nec primariorum plectibilis culpa omnium debet esse vindicta, motus vestros in fessas reliquias temperate, quia iure gratiae merentur evadere, quos ad parentum vestrorum defensionem respicitis confugisse. Estote illis remissi, qui nostris finibus celantur exterriti. **2.** Memorabilis triumphus est Alamannum acerrimum sic expavisse. Ut tibi eum cogas de vitae munere supplicare. Sufficiat illum regem cum gentis cecidisse superbia: sufficiat innumerabilem nationem partim ferro, partim servitio subiugatam. Nam si cum reliquis confligis, adhuc cunctos superasse non crederis. Accipe in talibus causis frequenter expertum: illa mihi feliciter bella provenerunt, quae moderato fine peracta sunt. Is enim vincit assidue qui novit omnia temperare, dum iucunda prosperitas illis potius blanditur, qui austeritate nimia non rigescunt. Cede itaque suaviter genio nostro, quod sibi gentilitas communi remittere consuevit exemplo. Sic enim fit, ut et meis petitionibus satisfecisse videamini nec sitis solliciti ex illa parte, quani ad nos cognoscitis pertinere. **3.** Quocirca salutantes honore et affectione, qua dignum est, illum et illum legatos nostros ad excellentiam vestram consueta caritate direximus, per quos et sospitatis vestrae indicium et speratae petitionis consequamur effectum. Quaedam vero, quae ad nos pro vestris utilitatibus pervenerunt, per harum portitores verbo vobis insinuanda commisimus. Ut cautiore effecti optata possitis victoria constanter expleri. Vestra siquidem salus nostra gloria est et totiens regnum Italiae proficere iudicamus. Quotiens de vobis laeta cognoscimus. **4.** Citharoedum etiani arte sua doctum pariter destinavimus expetitur, qui ore manibusque consona voce cantando gloriam vestrae potestatis oblectet: quem ideo fore credimus gratum, quia vos eum iudicastis magnopere dirigendum.

Королю Хлодвигу король Теодорих³⁶⁴

507

³⁶¹ Shanzer D. Two Clocks and Wedding. P. 236.

³⁶² Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 62.

³⁶³ 506 год в датировке С. Барниш.

³⁶⁴ Мною использована логика членения на абзацы при переводе С. Барниша. Пунктуация и коррекция деления на предложения мои.

Мы радуемся славному родству с вашей доблестью, ибо народ франков, благополучно оставшийся от старинной эпохи³⁶⁵, вы бросили в новое сражение и племена аламанных, склонившиеся, когда стойкие были умерщвлены, поставили под победную десницу. Но хотя, как кажется, среди виновников вероломства всегда есть те, кого следует унимать в первую очередь, должна быть наказана подлежащая этому вина не первых [лиц], но всех, умерьте [все же] ваши действия против слабых остатков, потому что по праву милости они достойны спастись. Ведь вы видите, что они обратились к защите ваших родственников. Станьте успокоенными для них, которые, пораженные ужасом, скрываются за нашими границами. **2.** [Уже] достопамятный триумф, что неукротимый аламанный испугался так, что ты принудил его умолять тебя о даровании жизни. Достаточно надменно бить того короля с народом его, достаточно, что неисчислимый народ, отчасти железом, отчасти неволей был подчинен. Поистине, если ты борешься с оставшимися, тебе до сих пор не верится, что [ты] всех победил.

Получите по столь важной причине многократно испытанное [в качестве совета]: для меня прошли благополучно те войны, которые были завершены благоразумным исходом. Ведь тот беспрестанно побеждает, который познал, что он во всем знает меру, до тех пор пока приятное благополучие лучше льстит тем, которые не отвердевают в чрезмерной мрачности. Итак, следуй с удовольствием нашему гению, ибо родство приучило для себя уступать [этому] примеру. Ведь так бывает, что видят, как вы пошли навстречу моим хлопотам, не будучи взволнованными той ролью³⁶⁶, которая, как вы знаете, принадлежит нам.

3. Ввиду этого, приветствуя с честью и благоволением, которое подобает [вам], мы с привычным уважением направили наших послов, того и этого, к вашему превосходству, благодаря которым мы достигаем и доказательства вашего спасения, и исполнения ожидаемой просьбы. Тех же [послов], конечно, которые к нам прибыли ради вашей пользы, мы поручаем через их перевозчиков для проникновения к вам словом, чтобы вы, ставшие³⁶⁷ более осмотрительными, могли неизменно достичь желанной

³⁶⁵ Речь идет о том, что народ франков, существующий уже давно и зародившийся в давние времена, начинает сражение и побеждает. Здесь народ франков наделяется категорией возраста, на что еще раз указывает возможное двойное толкование оборота «*prisca aetate residem feliciter*», где стоящее в аблятиве словосочетание «*prisca aetate*» можно перевести и как «в древней нопе [жизни]» и даже «в старческом возрасте». Таким образом, между «*prisca aetate*» и «*nova proelia*» ощущается некоторое противопоставление, которое, вполне вероятно, проистекает не только из-за перевода на русский язык, поскольку связано с изменением ритма прозаического текста. В анализируемом отрывке ритмический рисунок меняется как раз в месте «*in nova proelia concitastis*» и далее выравнивается: и до, и после между двумя ударными слогами располагаются два безударных. В указанном противопоставлении, подчеркнутым ритмической картиной, и раскрывается трансляция обсуждаемой дихотомии. Древний народ франков, от которого ожидается, в силу его возраста, решение возникающих противоречий не военным путем, вступает в новое сражение — и побеждает, принимая стиль поведения, свойственного «молодым». Таким образом, мы видим достаточно тонкую работу Кассиодора как ратора с устоявшимися в традиции образами «молодых и воинственных» и «старых и степенных», поскольку образ, обычно применяемый к правителю, он переносит на народ. О важности ритмизированной прозы Кассиодора в частности для определения соотношения его текста и текста Иордана в *Getica* — см. Шувалов П.В., Рудницкий Р.Б. К вопросу о ритмизированных фрагментах в тексте «Гетики» Иордана (с. 62 — 73) // ВИД. Т. 31. СПб. 2010 и Казбекова Е.В. К вопросу о предполагаемых стихотворных и ритмизированных вставках в «*Getica*» Иордана (Критика гипотез П.В. Шувалова) (с. 9 — 46) // ВИД. Т. 31. СПб. 2013.

³⁶⁶ Частью, участием.

³⁶⁷ Буквально — «сотворенные», «сделанные». Слово *effecti*, которое я перевела как «ставшие», имеет в латинском тексте форму пассивного причастия, что, безусловно, указывает на объект действия. В русском переводе более верно грамматически было бы «сделанные». Эта форма, вполне вероятно, указывает на роль Теодориха, как учителя благоразумия (см. главу IV): он подает совет и рассчитывает, что воспринятый и исполненный, этот совет сделает Хлодвига более благоразумным в долговременной перспективе, что принесет в будущем желанные плоды в виде благоприятного исхода затруднительных ситуаций любого рода.

победы. Поскольку ваше благополучие есть наша слава, мы столь [же] часто оцениваем, как преуспевает королевство Италии, сколько раз мы узнаем о вашем цветущем [благополучии]. 4. Также кифареда, обученного своему искусству, мы назначаем, желаемого [вами], который устами и руками да усладит пением гармоничного голоса славу вашего могущества, который по той причине, мы верим, будет приятен [вам], так как он послан для того, чтобы вы его оценили.

Как справедливо отмечал Р. Макферсон, культ физической силы, военной мощи, доблести и героизма был всегда свойствен римской цивилизации³⁶⁸. Римская свобода и римское мужество воспринимались как два ее основных отличительных признака. В этом смысле весьма показательна легенда о Курции, бросившимся ради сохранения Рима в расщелину, заполнив ее, как требовалось, лучшим, что было у римлян — оружием и храбростью. Поздняя Античность, знавшая блестящие триумфы императоров и церемониал торжественного въезда в город — *adventus domini* — не отошла от этих традиций. Уже было отмечено, что Макробий называет мужество в числе гражданских добродетелей, вторым по счету после благоразумия. Даже когда военные успехи остались далеко позади, правителей Империи продолжали изображать в виде триумфаторов или властелинов Ойкумены, принимающих дань и дары от склоненных варваров.

С другой стороны, в эпоху Поздней Империи на первый план выдвигается такая добродетель императора, как человечность — *pietas* или *humanitas* (φιλανθρωπία)³⁶⁹. Из текста в текст создается образ правителя, проникнутого любовью к своим подданным, сочувствующего им, денно и нощно трудящегося ради их блага. «В теории любое действие императора могло быть истолковано как определенный род милосердия, и после середины IV века *clementia nostra/vestra* становится полным синонимом его персоны»³⁷⁰.

Между культом военной силы и превозносимой человечностью не было противоречия, как и между оправдывающейся в юридических документах быстротой наказания и справедливостью императора: попраный закон следовало защитить как можно скорее, в этом и заключалась справедливость. Доблесть же примирялась с человечностью часто посредством различения объектов, в отношении которых проявлялись оба качества: первое было необходимо перед лицом варваров, второе оказывалось подданным. «Еще со времен Платона официальная идеология разделяла военные конфликты на два основных вида — собственно войну (*πόλεμος*) и так называемый "раздор" (*δτάδις*). Под войной понималось вооруженное столкновение с каким-либо варварским народом; "раздором" именовались конфликты между греческими античными полисами. Естественно, что приемы ведения военных действий в названных двух случаях оказывались существенно различными; в войне признавались приемлемыми все способы, вплоть до самых вероломных; "раздор" предполагал более уважительное отношение к сопернику»³⁷¹. В этой связи представляется важным анализ того, как работал с этими понятиями прекрасно образованный ритор Кассиодор, писавший письма от лица Теодориха другим германским королям, поскольку никто из адресатов не мог восприниматься бесспорно как носитель сугубо римской культуры.

Теодорих начинает с того, что выражает восхищение доблестью Хлодвига, выводя ее в обращение — получается абстрактное существительное со значением качества,

³⁶⁸ Macpherson R. Rome in involution. Cassiodorus' *Variae* in their literary and historical setting. P. 16.

³⁶⁹ Macpherson R. Rome in involution. Cassiodorus' *Variae* in their literary and historical setting. P. 33.

³⁷⁰ Macpherson R. Rome in involution. Cassiodorus' *Variae* in their literary and historical setting. P. 36.

³⁷¹ Кучма В.В. Введение // Стратегикон Маврикия. Изд. подг. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя. 2004. С. 32.

которое замещает собой человека, что типично для позднеантичной риторики³⁷². Таким образом достигается акцент именно на этом качестве. Теодорих поздравляет брата своей жены с победой — и далее следует призыв к милосердию. Аргументация необходимости его проявления строится на следующих тезисах. Во-первых, аламанным стоит пощадить, потому что они обратились к защите родственника своего победителя — собственно, к Теодориху, что позволяет ему перевести дело в русло родственных отношений. Во-вторых, сам по себе факт победы над таким народом, как аламанны, уже почтен. В-третьих, они уже платят за то, что оказались слабее, унижением. И завершается система аргументов морализирующей сентенцией, где, вероятно, местоимение «ты» использовано для передачи оттенка обобщения: тот, кто продолжает преследовать уже побежденных, превращая триумф в резню, не является настоящим победителем, потому что подобным поведением он демонстрирует свою неуверенность, а значит — слабость.

Стоит заметить, что два из этих посланий, где наряду с признанием ценности воинской доблести высказывается мысль о необходимости милосердия и способности к решению противоречий мирным путем, адресованы королю франков — то есть, безусловно, сильному. Д. Шанзер даже предполагает, что тому, кого Теодорих действительно опасался³⁷³. Возможно, умиротворяющий тон³⁷⁴ в какой-то степени объясняется именно этим.

Музыка же, связывавшаяся с миром в душе — репрезентацией небесной гармонии³⁷⁵, стала в данном случае символическим воплощением основной цели посольства — призвать Хлодвига к установлению мира на границе между франками и остготами, там, куда бежали под защиту Теодориха побежденные аламанны, мира, подкрепленного дружбой обоих владык, связанных родственными узами. Смысловая насыщенность этого дара, описанного в данном письме, крайне велика: это и мир в душе Хлодвига, и спасительный для аламанны мир на границе, и родственное согласие. Интересно, что в послании к Бозэцию на ту же тему³⁷⁶, Кассиодор называет кифареда, который должен отправиться к Хлодвигу, новым Орфеем, который чарующей музыкой должен будет смягчить грубые сердца варваров. Эта пренебрежительная по отношению к франкам позиция, оформленная с помощью традиционных риторических топосов, не нашла отражения в том письме, которое отправилось к Хлодвигу вместе с официальным посольством.

III. 1

ALARICO REGI WISIGOTHARUM THEODERICUS REX

507

1. *Quamvis fortitudini vestrae confidentiam tribuat parentum vestrorum innumerabilis multitudo, quamvis Attilam potentem reminiscamini Wisigotharum viribus inclinatum, tamen quia populorum ferocium corda longa pace mollescunt, cavete subito in aleam mittere quos constat tantis temporibus exercitia non habere.* **2.** *Terribilis est hominibus conflictus, si non sit assiduus et nisi usu praesumatur, concertandi subito fiducia non habetur. Absit ut vobis aliquid indignatio caeca subripiat. Moderatio provida est, quae gentes servat: furor autem instantia plerumque praecipitat et tunc utile solum est ad arma concurrere, cum locum apud adversarium iustitia non potest invenire.* **3.** *Quapropter sustinete, donec ad Francorum regem legatos nostros dirigere debeamus, ut litem vestram amicorum debeant amputare iudicia. Inter duos enim nobis affinitate coniunctos non optamus aliquid tale fieri, unde unum minorem contingat forsitan*

³⁷² Macpherson R. Rome in involution. Cassiodorus' *Variae* in their literary and historical setting. P. 161.

³⁷³ Shanzer D. Two Clocks and Wedding. P. 235.

³⁷⁴ А вот П. Амори видит в тоне этого послания неприкрытое издевательство - Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. P. 63.

³⁷⁵ O'Donnell, Chapter 3: The *Variae* // Cassiodorus.

³⁷⁶ *Variae* II.40.

inveniri. Non vos parentum fusus sanguis inflammat, non graviter urit occupata provincia; adhuc de verbis parva contentio est: facillime transigitis, si non per arma vestros animos irritetis. Obiciamus quamvis cognato cum nostris coniuratis eximias gentes iustitiamque, quae reges efficit fortiores: cito convertit animos, qui contra se tales sentit armatos. **4.** Et ideo salutationis honorificentiam praelocuti legatos nostros illum atque illum ad vos credidimus esse dirigendos, qui vobis et mandata nostra sufficienter insinuent et usque ad fratrem nostrum Gundibadum vel alios reges cum vestra voluntate deproperent, ne videamini eorum inmissione laborare, qui maligne gaudent alieno certamine. Avertant enim divina, ut supra vos iniquitas illa praevaleat. Commune malum vestrum iudicamus inimicum. Nam ille me iuro sustinebit adversum, qui vobis nititur esse contrarius.

Алариху, королю визиготов, король Теодорих³⁷⁷

507

1. Хотя неисчислимое множество ваших предков отдает должное твердости вашей отваги, хотя вы вспоминаете могущественного Атиллу, склоненного силами визиготов, но так как долгий мир смягчает сердца мужественных народов³⁷⁸, остерегайтесь, что те наспех метают [игральные] кости, [кто] такое [длительное] время воздерживается от упражнений³⁷⁹. **2.** Ужасно столкновение между людьми, если [оно] непродолжительно и если не предсказывается опытом, и если внезапно в состязании [непосредственно в процессе] теряется уверенность. Да не случится так, чтобы от вас слепое раздражение хитростью укрывало что-либо. Предусмотрительно самообладание, которое сохраняет народы: ярость же в неистовстве низвергает многих, и только тогда полезно обращаться к оружию, когда справедливость не может найти место у противников.

3. Вот почему – сдержитесь, покуда мы должны направить наших послов к королю франков, чтобы решения друзей должны были уменьшить ваш спор. Поистине между двумя, привязанными к нам родством, мы не желаем рождения чего-либо иного³⁸⁰, из-за чего может случиться, что будет достигнут один, более слабый. Не воспламеняет вас текущая кровь предков, не жжет мучительно захваченная провинция, до сих пор на словах была незначительна борьба: вы легко договоритесь, если не озлобите свои души с помощью оружия. Мы с нашими союзниками да противопоставим родственнику какие угодно сильнейшие народы и справедливость, которая делает королей сильнее: скоро повернет мысли он [Хлодвиг], который почувствовал против себя таких воинов. **4.** И по этой причине мы, первыми начиная говорить, поверили, что с почтением приветствия должны были быть отправлены к вам наши послы, тот и этот, которые вам в достаточной мере доставят поручения наши вплоть до [того, что] к брату нашему

³⁷⁷ Мною использована логика членения на абзацы при переводе С. Барниша. Пунктуация и коррекция деления на предложения мои.

³⁷⁸ Это представление восходит ещё к Геродоту – История. IX. 122.

³⁷⁹ Здесь говорится о военной доблести как о родовом свойстве Балтов, к которым принадлежал Аларих II — германского королевского рода, который, именно в силу своих боевых добродетелей сумел победить Атиллу. Кассиодор, бесспорный фактический автор текста этого письма и носитель римской риторической культуры, не просто признает варваров достойными уважения из-за их мужества — традиционной римской добродетели. Он делает эту добродетель сущностно свойственной конкретному роду варварских королей и, возможно, конкретного германского народа — вестготов, поскольку имя Балтов не названо. Тот же, с кем в рамках этого текста предложено им помериться силами — это Атилла, фигура того же племенного мира, которому принадлежали предки Алариха. Причем фигура, действительно вызывавшая ужас и у романского населения Империи, и у варваров. Победа же над ним, упомянутая здесь Кассиодором, в качестве особого предмета для гордости осталась в памяти многих участвовавших в этом народов и в письменных памятниках: в «Гетике» Иордана, и в «Истории франков» Григория Турского, и в «Lex Burgundiorum» Гундобада. Иными словами, уже знакомым нам образом область идеалов военной доблести и прославления мужества становится полем диалога между римской риторической культурой и варварами.

³⁸⁰ не чувства родственной привязанности.

Гундобаду или другим королям с вашим желанием поспешат, чтобы не увидели вас трудящимся над их [послов] отправлением [те], которые злобно радуются чужой распре. Да отвернется Провидение, если над вами возобладает несправедливость. Мы рассудим ваше общее враждебное несчастье. Поистине, клянусь, тот будет вынужден терпеть меня в качестве своего противника, который будет упорствовать в том, чтобы быть вам врагом.

III. 2

GUNDIBADO REGI BURGUNDIONUM THEODERICUS REX

507

1. Grave malum est inter caras regiasque personas voluntates sibimet videre contrarias et dissimulando spectare, ut de uno aliquid dolendum possit emergere. Non sine invidia nostra geritur, si nobis patientibus affinium clade dimicetur. Habetis omnes per me pignora magnae gratiae: non est unus ab alio segregatus: si quid in vobis delinquitis, meo graviter dolore peccatis. **2.** Nostrum est regios iuvenes obiecta ratione moderari, quia illi, si nobis vere sentiunt displicere quod male cupiunt, audaciam suae voluntatis retinere non possunt. Verentur senes, quanivis sint florida aetate ferventes. Sciant nos adversarios esse contrarietatibus suis et illud velle persequi, ne ab utrisque possit excedi. Decet enim nos aspera verba dicere, ne affines nostri ad extremum debeant pervenire. **3.** Et ideo illum et illum legatos ad fraternitatem tuam credimus destinandos, ut, si filio nostro Alarico visum fuerit, ad regem Francorum cum coniuratis nobis gentibus dirigere debeamus, quatenus causa, quae inter eos vertitur, amicis mediis rationabiliter abscidatur. Convenit enim tales tantosque reges non inter se lamentabiles rixas quaerere, ut de suis et nos possint casibus sauciare. **4.** Quapropter fraternitas vestra adhibito mecum studio eorum nitatur reparare concordiam: quia nemo potest credere sine nostro voto illos ad haec proelia pervenisse, nisi omnino clareat, ne ad conflictum veniant, nostra potius esse certamina. Aliqua vero a praesentium gerulis litterarum sermone vobis commisimus intimanda, ut sic prudentia vestra cuncta componat, quemadmodum consuevit deo iuvante perficere, unde solet diligentissime cogitare.

Гундобаду, королю бургундов, король Теодорих³⁸¹

507

1. Тяжелое зло – самому видеть враждебные желания между любезными [нам] и царственными лицами и наблюдать, скрывая чувства, что от одного из них может возникнуть нечто причиняющее боль. Не без нашего недоброжелательства оно [зло] было порождено, если даже по нам, переносящим это, несчастьем родственников наносится удар. Все вы имеете через меня залог³⁸² великой милости, ни один не отделен от другого: если вы в чем-то совершаете проступок по отношению к себе, вы тяжко погрешаете к моей скорби. **2.** Наше [же дело] — обуздывать царственных юношей устремленным [к этому] разумом, потому что те, если они истинно чувствуют неприятное нам, оттого что дурного они жаждут, не могут обуздывать наглость своего

³⁸¹ Мною использована логика членения на абзацы при переводе С. Барниша. Пунктуация и коррекция деления на предложения мои.

³⁸² Можно предположить, что под «залогом» (в латинском тексте во множественном числе) подразумеваются как раз те принцессы, о значимости которых речь шла выше, поскольку слово *pignorus* имеет также значение «заложник», непосредственно указывающее на человека, а не неодушевленный предмет, причем в таком значении это слово встречается в текстах Тита Ливия, на которые в лексическом плане ориентировался Кассиодор, наравне с трудами Цезаря, Цицерона и Тацита, что можно заметить при анализе контекстных значений отдельных слов в дипломатических письмах *Variae*. Иными словами, этот пассаж также отсылает к механизму построения той связи, которая осознается здесь как чрезвычайно значимая — через браки королев с ближайшими родственницами Теодориха.

желания. Старики испытывают опасение, сколь бы они [юноши] ни были пылки в цветущую пору. Пусть они знают, что мы против их противоречий и желаем того достичь, чтобы оно [наше желание] не миновало бы никого из обоих. Приличествует, чтобы мы произносили колкие слова, и наши родственники не должны доходить крайности.

3. По этой причине мы вверили нашим послам, такому и такому, определенным к тебе, брат мой³⁸³, чтобы, если [это] будет одобрено сыном нашим Аларихом, в королевство франков с союзными нам народами мы должны направить [посольства], чтобы тяжба, которая между ними существует, была разумно разрешена с помощью друзей-посредников. Подобаает же таким и столь великим королям не искать плачевной ссоры между собой так, что от своего падения они по нам могут нанести удар. **4.** Вот почему вы, брат мой³⁸⁴, вместе с моим приложенным усердием, да устремитесь восстановить согласие этих [Алариха и Хлодвига], так как никто не может поверить, что без нашего желания те прибыли для этой битвы, если только не станет полностью ясно, что не они вступили в столкновение, а скорее это наши состязания. Мы поручили послам, что они должны сообщить вам об этом в другой беседе о данном послании, чтобы все ваше благоразумие соединило [данное] таким образом, как оно привыкло совершать с божьей помощью, поскольку оно [вообще] имеет обыкновение размышлять усерднейшим образом.

В этом письме используется характерная для позднеантичной дипломатической риторики дихотомия: с одной стороны молодой правитель, полный сил и энергии, порывистый и потому воинственный, с другой — умудренный опытом правитель в летах, склонный решать противоречия мирным путем³⁸⁵. Он в этой оппозиции является носителем благоразумия.

Однако эта оппозиция сущностно гораздо древнее, чем латинская и даже греческая риторика, поскольку она восходит ещё к первобытности и оппозиции «отец» и «сын», не имеющей отношения к терминам родства в современном смысле. «*В системе архаических смыслов «отец» и «сын» различаются не по возрасту, а по функциям*»³⁸⁶. Первый из них выступает носителем мужской силы-власти³⁸⁷, второй — тем, кто предназначен её отнять, унаследовать — и в этом смысле «сын», безусловно, подобен «отцу». С передачей, часто происходящей под силовым давлением, этой силы-власти приходит старость, связывавшаяся также с магическим бессилием, с неспособностью гарантировать защищенность сообщества³⁸⁸. Поэтому в противоположность старцам-«отцам» «сыновья»-богатыри вечно воюют³⁸⁹.

Однако, безусловно, связь с этими представлениями в риторическом топосе была уже утрачена. При этом реальный биологический возраст тех, о ком шла речь, при этом не брался в расчет. В послании к Гундобаду двое враждующих королей отнесены к первой категории, хотя Хлодвиг был ненамного младше Теодориха, а Аларих был, конечно, значительно младше своего тестя, но все же далеко не юноша. Королю же бургундов правитель Италии предлагает занять позицию благоразумных стариков. Очевидно, критерием для отнесения правителя к той или иной категории в

³⁸³ «к твоему братству» дословно.

³⁸⁴ «ваше братство» дословно.

³⁸⁵ Nechaeva E. Embassies. Negotians. Gifts. P. 20.

³⁸⁶ Калинина И.В. Зверь-тотем в типологии образов // I. Тотемизм: артефакты, концепции, реальность. II. Культура: социум и индивид // Теория и методология архаики. Материалы теоретического семинара. Выпуск 2. Отв. ред. Доктор ист. наук, профессор Д.Г. Савинов. СПб: Европейский дом. 2000. С. 61.

³⁸⁷ Калинина И.В. Структурированность потестарного общества. С. 157.

³⁸⁸ Пропп В.Я. Глава IX. Невеста. III. Воцарение героя // Исторические корни волшебной сказки.

³⁸⁹ Калинина И.В. Зверь-тотем в типологии образов С. 61.

риторическом тексте было его поведение в условиях конфликта — более или менее благоразумное.

III. 3
EPISTULA UNIFORMIS TALIS AD ERULORUM REGEM :
AD UARNORUM REGEM :
AD THORINGORUM REGEM THEODERICUS REX

507

1. Superbiam divinitati semper exosam persequi debet generalitatis assensus. Nam qui vult opinabilem gentem voluntaria iniquitate subvertere, non disponit ceteris iusta servare. Pessima consuetudo est despiciere veritatem. Credit sibi omnia cedere, si elatum contigerit in abominabili certamine superare. **2.** Et ideo vos, quos conscia virtus erigit et consideratio detestabilis praesumptionis accendit, legatos vestros una cum meis et fratris nostri Gundibadi regis ad Francorum regem Luduin destinate, ut aut se de Wisigotharum conflictu considerata aequitate suspendat et leges gentium quaerat aut omnium patiatur incursum, qui tantorum arbitrium iudicat esse temnendum. Quid quaerit ultra, cui offertur absoluta iustitia? Dicam plane quod sentio: qui sine lege vult agere, cunctorum disponit regna quassare. **3.** Sed melius inter initia perniciose reprimatur assumptio, ut sine labore perficiatur omnium, quod certamen esse poterat singulorum. Recolite namque Eurici senioris affectum, quantis vos iuvit saepe muneribus, quotiens a vobis proximarum gentium imminet bella suspendit. Reddite filio eius gratiam, quam tamen agnoscitis vestris utilitatibus attributam. nam si tanto regno aliquid praevaluerit, vos aggredi sine dubitatione praesumit. **4.** Quapropter excellentiam vestram epistulari sermone salutantes per legatos nostros illum et illum praesentium portitores verbo vobis aliqua dicenda commisimus, ut vos, qui nostrum sequimini deo iuvante dispositum, unus complectatur assensus et foris hoc agatis. Ne in vestris provinciis dimicare possitis.

Такое простое письмо к королю герулов, к королю гуарноров, к королю тюрингов
король Теодорих³⁹⁰

507

1. Согласие общества должно преследовать высокомерие, всегда ненавистное высшей мудрости³⁹¹. Поистине, кто желает низвергнуть известный [нам] народ добровольной суровостью, не планирует беречь причитающееся по праву другим. Худшее обыкновение – презирать истину. Если случится, что надменный победит в отвратительном сражении, он поверит, что ему подчиняется все.

2. И по этой причине вы, которых воодушевляет осведомленная мужественность и разгорячает созерцание гнусного упорства, назначьте ваших послов вместе с моими и брата нашего короля Гундобада к Хлодвигу, королю франков, чтобы он или осмотрительным хладнокровием удержал себя от столкновения с визиготами и постарался узнать закон народов³⁹², или претерпел нападение всех [он — Хлодвиг], который считает, что решение стольких [королей] должно быть презираемо. Что дальше ищет [тот], кому противопоставляется совершенная справедливость? Я говорю открыто [то], что чувствую: кто желает действовать без закона, устраивает разрушение царств всех [народов].

3. Пусть среди губительных начал будет отброшено мнение, что без труда устраивается дело всех, поскольку сражение есть то, что могло бы [решить] дело

³⁹⁰ Мною использована логика членения на абзацы при переводе С. Барниша. Пунктуация и коррекция деления на предложения авторская.

³⁹¹ Провидению.

³⁹² нормы взаимоотношений между народами.

отдельных [людей]. Ибо, действительно, вспомните расположение более старого Эвриха, какими большими услугами он многократно поддерживал вас, сколько раз непосредственной угрозой удерживал от вас войны ближайших народов. Верните его сыну влияние, которое, однако, вы признаёте предназначенным для вашей пользы. Ведь если он [Хлодвиг] до некоторой степени возобладает над таким королевством, он, без сомнений, предвкушает напасть на вас.

4. Вот почему мы поручаем, приветствуя ваше превосходство в эпистолярной беседе, [чтобы] через наших послов, такого и такого, носителей настоящих [писем], вам словом нечто другое должно быть высказано, чтобы вас, кто с божьей помощью следует нашему плану [предложенному в данном письме] охватывало единое согласие и чтобы вы вовне [как внешнее дело] это совершали, чтобы вам не пришлось сражаться в ваших землях.

III. 4

LUDUIN REGI FRANCORUM THEODERICUS REX

507

1. Ideo inter reges affinitatis iura divina coalescere voluerunt, ut per eorum placabilem animum proveniat quies optata populorum. Hoc enim sacrum est, quod nulla permittitur commotione violari. Nam quibus obsidibus habeatur fides, si non credatur affectibus? Sociantur proximitate domini, ut nationes divisae simili debeant voluntate gloriari et quasi per alveos quosdam concordiae adunata se possint gentium vota coniungere? **2.** Quae cum ita sint, miramur animos vestros sic causis mediocribus excitatos, ut cum filio nostro rege Alarico durissimum velitis subire conflictum, ut multi, qui vos metuunt, de vestra concertatione laentur. Ambo estis summarum gentium reges, ambo aetate florentes. Non leviter regna vestra quassatis, si data partibus libertate confligitis. Virtus vestra patriae non fiat inopinata calamitas, quia grandis invidia est regum in causis levibus gravis ruina populorum. **3.** Dicam libere. Dicam affectuose quod sentio: impatiens sensus est ad primam legationem arma protinus commovere. A parentibus quod quaeritur, electis iudicibus expetatur. Nam inter tales viros et illis gratum est dare. Quos medios volueritis efficere. Quid de nobis vos ipsi aestimare poteritis, si nos intentiones vestras reliquisse cognoscitis? Absit ille conflictus, ubi unus ex vobis dolere poterit inclinatus. Abicite ferrum, qui in meum pugnare vultis opprobrium. **4.** Iure patris vobis interminor et amantis. Ille nos et amicos nostros patietur adversos, qui talia monita, quod non opinamur, crediderit esse temnenda. Quapropter ad excellentiam vestram illum et illum legatos nostros magnopere credidimus dirigendos, per quos etiam ad fratrem vestrum. Filium nostrum regem Alaricum scripta nostra direximus, ut nullatenus inter vos scandala seminet aliena malignitas: sed in pace perseverantes, quae sunt mediis amicis placabiliter finire debeatis. Per eos etiam et verbo vobis aliqua dicenda mandamus, ut gentes, quae sub parentibus vestris longa pace floruerunt, subita non debeant concussione vastari. Illi enim credere debetis, quem vestris utilitatibus arridere cognoscitis, quoniam qui vult alterum in praecipites casus mittere, eum certum est fideliter non monere.

Королю Хлодвигу король Теодорих³⁹³

507

1. По той причине короли, следуя божественной справедливости, пожелали между собой соединиться родством, чтобы через их примиряющий дух родился желанный покой народов. Ибо то священо, чему никакое возбуждение не причинит вреда. Поистине, к каким залогам иметь веру, если не доверять чувствам? Владыки

³⁹³ Мною использована логика членения на абзацы при переводе С. Барниша. Пунктуация и коррекция деления на предложения мои.

соединяются родством, чтобы разделенные народы ощутили необходимость гордиться единой волей и чтобы они [владыки] могли объединенными молитвами сочетать согласия народов, словно [пчелы] в нескольких ульях.

2. В то время как это так и есть, мы недоумеваем, как дух ваш, возбужденный столь незначительной причиной, [сделал так], что с сыном нашим королем Аларихом вы захотели вступить в жесточайшее столкновение, чтобы многие, которые страшатся вас, порадовались вашему спору. Вы оба – короли высочайших народов, оба – в цветущей поре жизни. Нелегко вы разрушаете ваши королевства, если вы сталкиваетесь землями в имеющейся свободе. Да не станет ваша доблесть неожиданным поражением отечества, так как сильная злоба королей по незначительным причинам есть падение народов. **3.** Я говорю свободно. Я говорю с любовью [то], что чувствую: нетерпеливая мысль – двинуть армию для первого посольства. Пусть о том, чего домогаются родственники, спрашивают избранные судьи³⁹⁴. Поистине, между такими мужами и таким приятно дарение, которых вы пожелали бы сделать посредниками. Что о нас вы сами сможете рассудить, если вы узнаете, что мы [без внимания] оставили ваш замысел³⁹⁵? Да не будет этого столкновения, где один из вас сможет пострадать, склоненный. Отбросьте железо, которым вы желаете сражаться к моему позору. **4.** По праву отца и любящего я грожу вам. Тот обретет в нас и наших друзьях врагов, кто посчитает, что такими предостережениями должно пренебречь (чего мы не предполагаем).

Вот почему мы верим, что к вашему превосходству наши послы — тот и этот — должны быть действительно направлены, через которых же – к вашему брату. Мы направили наши послания сыну нашему королю Алариху, чтобы никоим образом чужое недоброжелательство не посеяло меж вами достойного ужаса, но, настойчивые в мире, вы должны положить пределы существующим [противоречиям] мирным путем с помощью друзей-посредников. Через этих же [послов] и на словах вам мы передаем другое утверждение, чтобы народы, которые под властью ваших родителей процветали в течение долгого мира, внезапным сотрясением не должны были быть разорены. Ведь вы должны верить тому, о ком вы знаете, что он улыбается вашему благу, потому что кто желает направить другого в опасные падения, тот, действительно, не станет добросовестно предостерегать этого.

IV. 1
HERMINAFRIDO REGI THORINGORUM
THEODERICUS REX

507/511³⁹⁶

1. Desiderantes vos nostris aggregare parentibus neptis caro pignori propitia divinitate sociamus, ut qui de regia stirpe descenditis, nunc etiam longius claritate Hamali sanguinis fulgeatis. Mittimus ad vos ornatum aulicae domus, augmenta generis, solacia fidelis consilii, dulcedinem suavissimam coniugalem: quae et dominatum vobiscum iure compleat et nationem vestram meliore institutione componat. **2.** Habebit felix Thoringia quod nutrit Italia, litteris doctam, moribus eruditam, decoram non solum genere, quantum et feminea dignitate, ut non minus patria vestra istius splendeat moribus quam suis triumphis. **3.** Quapropter salutantes gratia competenti indicamus nos venientibus legatis vestris inpretiabilis quidem rei, sed more gentium suscepisse pretia destinata, equos argenteo colore vestitos, quales decuit esse nuptiales. Quorum pectora vel crura sphaeris carneis decenter ornantur: costae in quandam latitudinem porriguntur: alvus in brevitate constringitur: caput cervinam reddit effigiem, imitantes velocitatem cuius videntur habere similitudinem. Hi sunt sub pinguedine nimia

³⁹⁴ У С. Барниша: «*пусть жалобы ваших родственников разберут избранные судьи*».

³⁹⁵ В значении «мы не отреагировали на ваш спор».

³⁹⁶ Датировка по Барнишу — 506 — 512 гг.

mansueti, magna mole celerrimi, aspectibus iucundi, usibus gratiores: incedunt enim molliter, sessores insanis festinationibus non fatigant: quiescitur in ipsis potius quam laboretur et compositi delectabili moderatione agilitate norunt continua perdurare. **4.** Verum hunc quamvis nobilissimum gregem beluasque morigeras vel alia quae direxistis eximia victa cognoscitis, quando omnia iure superat, quae decus regiae potestatis exornat. Destinavimus et nos quidem, quae principalis ordo poscebat: sed nihil maius persolvimus, quam quod vos tantae feminae decore copulavimus. Assint vestro divina coniugio, ut sicut nos causa iunxit affectionis, ita et posteros nostros obliget gratia parentalis.

Герминафриду, королю герулов, король Теодорих³⁹⁷

507/511

1. Желая, чтобы вы присоединились к нашим родственникам, а племянница — к дорогому залогу любви³⁹⁸, по милости Провидения³⁹⁹ мы сочетаем [вас] браком, чтобы вы, который происходит из царского рода, ныне же засияли блеском крови Амалов⁴⁰⁰. Мы послали вам украшение придворного покоя, увеличение рода, отраду надежного совета, милую сладость супружества, которая да наполнит законом подвластное вам и да составит лучшим устройством народ ваш. **2.** Будет иметь счастливая Тюрингия [то], что вскормила Италия: обученную наукам, просвещенную в нравах, благородную не только происхождением, сколько женским достоинством, чтобы не менее ваше отечество блистало ее нравом, чем своими триумфами.

3. Вот почему приветствуя с подобающей милостью, мы объявляем вашим прибывшим послам, что принимаем цену⁴⁰¹, пусть и не подходящую [по ценности] к делу, но по обычаю народов назначенную, — одетых серебряным цветом жеребцов, каких подобает иметь свадебными⁴⁰². Их грудь и голени подобающе украшены плотскими шарами [мускулов], ребра на сколь угодно большой протяженности вытянуты, живот коротко стянут, голова воспроизводит олений образ; подражая его проворству [оленья], они словно имеют с ним сходство. Они приручены при мощности своей, более быstroногие при крупной величине, радующие взгляд, приятные в применении; выступают же они плавно, не утомляют всадников безрассудной торопливостью: он скорее отдыхает на них, чем трудится, и, организованные приятным управлением, они знают, как долго время пребывать в непрерывном движении.

4. Поистине, хотя вы отправили этот родовитейший табун и покорных зверей, или другие [дары], вы знаете, что [все] было побеждено [ею], исключительной, ибо по праву

³⁹⁷ Мною использована логика членения на абзацы при переводе С. Барниша. Пунктуация и коррекция деления на предложения мои.

³⁹⁸ Поскольку в письме III.2 к Гундобаду встречалось то же слово *pignus* во множественном числе в значении залога сформированной нерасторжимой родственной связи между Теодорихом и другими королями, можно интерпретировать пассаж в данном письме следующим образом. Племянница присоединяется к «дорогому залогу любви» в том смысле, что она становится в числе остальных залогов, то есть принцесс из рода Амалов, уже выданных замуж для формирования связей с другими королями, так же как Герминафрид — в числе родственников Теодориха. Это подчеркивается общей грамматической конструкцией, в которой, чтобы избежать повторения, пропущено слово *aggregare* уже в отношении племянницы.

³⁹⁹ или «божественной мудрости».

⁴⁰⁰ Существует мнение о том, что возвеличивание рода Амалов в идеологии правления Теодориха появляется только в последние годы — в связи с тем, что было необходимо обеспечить более прочное будущее малолетнему наследнику (Heater P. Merely a ideology? P. 45 – 47). Данное письмо показывает, что, как минимум, были более ранние исключения. Однако, мне кажется, здесь апелляция к достоинству рода Амалов настолько уверенная, что было бы странно считать её первой. В том числе поэтому в рамках данной работы я отказалась от постулируемой двухфазности идеологии правления Теодориха.

⁴⁰¹ то есть выкуп за невесту.

⁴⁰² По всей видимости, это слово тоже отсылает к выкупу за невесту: «свадебные» не в смысле «подходящие к свадьбе как к действию», а в значении «имеющие отношение к свадьбе», то есть более широко.

она превзошла всех, красота которой увенчивает могущество королевства. И мы со своей стороны назначили, что требует ранг принцепса, но ничего большего мы не исполнили, чем то, что мы сочетали вас с красотой такой женщины. Да будут божественные знамения вашему браку, подобно тому как причина душевной склонности соединяет нас и таким образом связывает наших потомков.

Ответ на вопрос о том, в связи с чем в качестве выкупа за невесту отправляются именно лошади, достаточно труден, и требует обращения к значительному историческому и этнографическому материалу, касающемуся брачных обычаев, что в рамках данной работы было бы слишком серьезным отступлением. Поэтому придется ограничиться самыми общими замечаниями и предположениями.

Сам по себе *ixoris pretium* предполагал передачу довольно значительного имущества⁴⁰³. Поэтому вполне возможно, что для описания Кассиодор выбрал самую значимую часть принятых Теодорихом богатств. В самом тексте письма есть указание на то, что таких лошадей «подобает иметь свадебными» (*quales decuit esse nuptiales*), до этого же речь идет о цене, назначенной «по обычаю народов» (*more gentium*). Это довольно однозначно можно интерпретировать как прямое заявление о том, что лошади традиционно дарятся семье невесты в качестве выкупа за нее.

Неоспоримое сакральное значение лошади в культуре кельтских, германских и иранских народов, окружавших Империю, а также в культуре самого греко-римского мира, не вызывает сомнений. Она связывалась с хтоническими силами, выступала связным между этим и потусторонним миром⁴⁰⁴, тем, кто в более поздние времена заменил «волшебного помощника» (в терминологии В.Я. Проппа), обретаемого юношей во время обряда инициации⁴⁰⁵ и в таком виде появился в мифологии этих народов. Связь же брака с обрядами инициации не нуждается в пояснениях. Вполне возможно, что лошадь в качестве брачного дара – часть уже мало осознаваемого символического мира мифологических представлений, уходящих корнями в тотемическое прошлое, когда магическое средство, позволяющее проходящему инициацию юноше стать полноценным членом племени и обрести некоторую власть над силами природы, передавалось ему из рода его будущей жены – по женской линии⁴⁰⁶. Более того, будущий тесть мог потребовать от жениха демонстрации тех магических умений, которые он приобрел во время обряда⁴⁰⁷. Теперь же это средство, обретшее вид коня, возвращалось в род жены до брачной церемонии как часть выкупа за невесту.

IV. 2

REGI ERULORUM THEODERICUS REX

507/511

1. Per arma fieri posse filium grande inter gentes constat esse praeconium, quia non est dignus adoptari, nisi qui fortissimus meretur agnosci. In subole frequenter fallimur: ignavi autem esse nesciunt, quos iudicia pepererunt. Hi enim gratiam non de natura, sed de solis meritis habent, quando vinculo animi obligantur extranei, et tanta in hoc actu vis est, ut prius se

⁴⁰³ О германских и римских свадебных обычаях в первой половине первого тысячелетия новой эры — см. Фоне-Вампль С. Женщины от V по X век. С. 163 – 201.

⁴⁰⁴ Пропп В.Я. Замогильный конь // I. Волшебный помощник // Глава V. Волшебные дары // Исторические корни Волшебной Сказки.

⁴⁰⁵ Пропп В.Я. 24. Волшебный дар // Глава III. Таинственный лес.

⁴⁰⁶ Пропп В.Я. 25. Яга-тёща // Глава III. Таинственный лес.

⁴⁰⁷ Пропп В.Я. 20. Предварительные выводы // В. Содержание задач // II. Трудные задачи // Глава IX. Невеста.

velint mori quam aliquid asperum patribus videatur infligi. **2.** Et ideo more gentium et condicione virili filium te praesenti munere procreamus, ut competenter per arma nascaris, qui bellicosus esse dinosceris. Damus tibi quidem equos enses clipeos et reliqua instrumenta bellorum: sed quae sunt omnimodis fortiora, largimur tibi nostra iudicia. Summus enim inter gentes esse crederis, qui Theoderici sententia comprobaris. **3.** Sume itaque arma mihi tibi que profutura. Ille a te devotionem petit, qui te magis defensare disponit: proba tuum animum et opus non habebis obsequium. Adoptat te talis, de cuius gente tu potius formideris. Nota sunt enim Erulis Gothorum deo iuvante solacia. Nos arma tibi dedimus: gentes autem sibi olim virtutum pignora praestiterunt. **4.** Salutantes proinde gratia competenti reliqua per illum et illum legatos nostros patrio sermone mandamus, qui vobis et litteras nostras evidenter exponant et ad confirmandam gratiam quae sunt dicenda subiungant.

Королю герулов король Теодорих⁴⁰⁸

507/511

1. Неизменно [мнение] между народами, что стать сыном благодаря оружию есть высшее прославление, потому что [никто] не достоин усыновления, кроме как [тот], кто приобрел признание как храбрейший. Мы многократно обманывались в потомках – [те] же, кто был рожден [нашим] решением, не знают [того], чтобы быть малодушными. У них же [приемных детей] есть [наша] милость не согласно природе, но согласно заслугам; и поскольку [теми] узами связаны души чужих [по крови людей], такая в том стремлении сила, что [они] прежде захотят умереть, чем чтобы показалось, что несчастье было причинено отцам.

2. И потому по обычаю народов и в соответствии с твоим мужественным характером, мы настоящей милостью делаем тебя сыном, чтобы надлежащим образом через оружие родился ты, про кого знают, что он воинственен. Мы даруем тебе со своей стороны жеребцов, мечи, щиты и остальные орудия войн, но и то, что во всех отношениях сильнее – даруем тебе наше решение. Высочайший же, [как] тебе верится, среди народов [тот], который одобрен мнением Теодориха. **3.** Бери, поэтому, оружие, мне и тебе приносящее пользу. Тот от тебя домогается обета, кто более упорно планирует тебя защищать: испытай свой дух — и послушание не будет тебе трудом. Усыновляет тебя тот, из-за чьего народа тебя скорее будут страшиться. С божьей помощью знакомы герулам отрады готов. Мы тебе дали оружие: народы же для себя некогда обнаружили залог доблести⁴⁰⁹.

4. Таким образом, приветствуя сообразной обычной милостью через наших послов, того и этого, в отеческой беседе мы поручаем, чтобы они [послы] вам и писания наши ясно представили, и присоединили для упрочения нашей милости [то], что должно быть сказано.

V. 1

REGI WARNORUM THEODERICUS REX

523/526

⁴⁰⁸ Издания этого письма в переводе С. Барниша нет. В монографии Р. Макферсона был издан фрагмент этого письма с комментарием по поводу стиля (Macpherson R. Rome in involution. Cassiodorus' *Variae* in their literary and historical setting. P. 200 — 202). Пунктуация, коррекция деления на предложения и членение на абзацы мои.

⁴⁰⁹ Общий посыл этой части послания довольно интересен: усыновленный и, соответственно, поставленный в подчиненное положение, не должен стыдиться своей кажущейся униженности, поскольку он склоняется перед сильным (причем именно в военном смысле), который окажет ему помощь и поддержку.

1. Cum piceis timbribus et pueros gentili candore relucentes, spathas nobis etiam arma desecantes vestra fraternitas destinavit, ferro magis quani auri pretio ditiores. Splendet illic claritas expolita, ut intuentium facies fideli puritate restituant, quarum margines in acutum tali aequalitate descendunt, ut non limis compositae, sed igneis fornacibus credantur effusae. Harum media pulchris alveis excavata quibusdam videntur crispari posse vermiculis: ubi tanta varietatis umbra concludit, ut intextum magis credas variis coloribus lucidum metallum. 2. Hoc vestra cotis diligenter emundat, hoc vester splendidissimus pulvis ita industrie detergit, ut speculum quoddam virorum faciat ferream lucem, qui ideo patriae vestrae natura largiente concessus est, ut huius rei opinionem vobis faceret singularem: enses, qui pulchritudine sui putentur esse Vulcani, qui tanta elegantia fabrilis visus est excolere, ut quod eius manibus formabatur, non opus mortalium, sed crederetur esse divinum. 3. Proinde per illum et illum legatos vestros solventes debitae salutationis affectum arma vestra libenter nos accepisse declaramus, quae bonae pacis studia transmiserunt: vicissitudinem muneris pro expensarum vestrarum consideratione tribuentes, quae tantum vobis reddantur accepta, quantum nobis vestra fuere gratissima. Praestent divina concordiam, ut haec inter nos grata mente facientes gentium nostrarum velle iungamus et invicem solliciti mutuis possimus utilitatibus obligari.

Королю варнов король Теодорих⁴¹⁰

523/526

1. Вместе с черными, как смоль, мехами⁴¹¹ и отроками, сияющими иноземной белизной, вы, брат мой, отправили⁴¹² нам спаты, разрезающие броню, ценные более железом, чем золотом. Сияет там [на спатах] блестящая ясность [такая], что от верной чистоты возвращаются образы наблюдателей⁴¹³; края ее с такой соразмерностью сходятся на острие, что кажется, словно они не тщательной отделкой составлены, но излиты огненными печами. Их середины⁴¹⁴, выдолбленные с красивыми желобами, выглядят, как закрученные в виде гусениц, где играет вместе такая тень многообразия, что ты скорее сочтешь сверкающий металл сотканным из разнообразных цветов. 2. Ныне [столь] усердно очищает [металл] ваш точильный камень, ныне ваше блестящее усилие так ревностно чистит [его], чтобы некое зеркало мужей создавало железный свет, который потому покорился щедро дающей природе вашего отечества, чтобы это [деяние] создало здесь особое представление о вас. Мечи по красоте своей кажутся сделанными Вулканом, который представлялся с таким изяществом совершенствующим произведения [своего] искусства, чтобы [то], чему придали форму эти руки, казалось не земным трудом, но божественным.

3. Потому, соблюдая нежность должного приветствия, через ваших послов – такого и такого – мы с удовольствием провозглашаем, что получили ваше оружие, которое передало [нам] усердие хорошего мира. [Мы] предоставим в рассуждении ответную милость в уплату за ваши расходы, которые в такой степени будут вам возвращены, принятые, насколько нам были ваши в высшей степени приятны. Пусть Провидение даст согласие, чтобы мы, приятно создавая это [дело] между нами, соединили желания наших народов, и друг о друге взаимно встревоженные, мы могли быть связаны обоюдными выгодами.

V. 2

⁴¹⁰ Мною использована логика членения на абзацы при переводе С. Барниша. Пунктуация и коррекция деления на предложения мои.

⁴¹¹ возможно, соболиными.

⁴¹² «ваше братство отправило» дословно.

⁴¹³ речь идет о полированной поверхности, от которой отражаются лица наблюдателей.

⁴¹⁴ или рукоятки.

1. Illo et illo legatis vestris venientibus grande vos studium notitiae nostrae habuisse cognovimus, ut in Oceani litoribus constituti cum nostra mente iungamini: suavis nobis admodum et grata petitio, ut ad vos perveniret fama nostra, ad quos nulla potuimus destinare mandata. Amate iam cognitum, quem requisistis ambienter ignotum. Nam inter tot gentes viam praesumere non est aliquid facile concupisse. 2. Et ideo salutatione vos affectuosa requirentes indicamus sucina, quae a vobis per harum portitores directa sunt, grato animo fuisse suscepta. Quae ad vos Oceani unda descendens hanc levissimam substantiam, sicut et vestrorum relatio continebat, exportat: sed unde veniat, incognitum vos habere dixerunt, quam ante omnes homines patria vestra offerente suscipitis. Haec quodam Cornelio describente legitur in interioribus insulis Oceani ex arboris suco defluens, unde et sucinum dicitur, paulatim solis ardore coalescere. 3. Fit enim sudatile metallum, teneritudo perspicua, modo croceo colore rubens, modo flammea claritate pinguescens, ut, cum in maris fuerit delapsa confinio, aestu alternante purata vestris litoribus tradatur exposita. Quod ideo iudicavimus indicandum, ne omnino putetis notitiam nostram fugere, quod occultum creditis vos habere. Proinde requirite nos saepius per vias, quas amor vester aperuit, quia semper prodest divitum regum adquisita concordia, qui, dum parvo munere leniuntur, maiore semper compensatione prospiciunt. Aliqua vobis etiam per legatos vestros verbo mandavimus, per quos, quae grata esse debeant, nos destinasse declaramus.

Эстам король Теодорих⁴¹⁵

1. Когда прибыли ваши послы, такой и такой, мы узнали, что у вас появилось сильное рвение к нашему знакомству, чтобы, организованные с помощью нашего рассудка, мы были соединены в берегах Океана — весьма приятное нам и милое стремление, что к вам дошла наша слава, к которым мы не смогли отправить ни одного поручения. Возлюбите отныне узанного, которого, неведомого, вы усердно искали. Поистине, между столькими народами в какой-то мере непросто пожелать предугадать путь.

2. И поэтому полным нежности приветствием устремляясь к вам, мы объявляем, что янтарь, который был направлен от вас с помощью этих перевозчиков, был принят с благодарностью. Волна Океана, приходя к вам, выносит эту легчайшую субстанцию, как если бы вознаграждение ваших [трудов] заключало [ее — субстанцию]; но они [ваши послы] сказали, что вам неведомо, откуда приходит она [эта субстанция], которую вы получаете раньше других народов, поскольку [ее] предлагает ваше отечество. Эта [субстанция], как описывал некий Корнелий⁴¹⁶, собирается на центральных островах

⁴¹⁵ Издания этого письма в переводе С. Барниша нет. В монографии Р. Макферсона был издан фрагмент этого письма с комментарием по поводу стиля (Macpherson R. Rome in involution. Cassiodorus' Variae in their literary and historical setting. P. 196 — 198). Пунктуация, коррекция деления на предложения и членение на абзацы мои.

⁴¹⁶ Тацит. Имеется ввиду 45 глава De origine et situ Germanorum: «Однако нетрудно понять, что это — древесный сок, потому что в янтаре очень часто просвечивают некоторые ползающие по земле или крылатые существа; завязнув в жидкости, они впоследствии оказались заключенными в ней, превратившейся в твердое вещество. Таким образом, я склонен предполагать, что на островах и на землях Запада находятся дубравы и рощи, подобные тем сокровенным лесам на Востоке, где сочатся благовония и бальзамы; из произрастающих в них деревьев соседние лучи солнца выжимают обильный сок, и он стекает в ближайшее море и силою бурь выносится на противоположные берега. При поднесении к янтарию, ради познания его свойств, огня он вспыхивает как факел, вслед за чем расплавляется, словно смола или камедь» (*Sicum tamen arborum esse intelligas, quia terrena quaedam atque etiam volucra animalia plerumque interlucent, quae implicata umore mox durescente materia cluduntur. Fecundiora igitur nemora lucosque sicut Orientis secretis, ubi tura balsamaque sudantur, ita Occidentis insulis*

Океана, стекая соком из деревьев – отчего и называется «sucinum»⁴¹⁷, и он постепенно затвердевает под жаром солнца. **3.** Рождается же струящийся металл, прозрачная мягкость, то краснеющая шафрановым цветом, то наливающаяся пламенной яркостью, чтобы, когда она соскользнет в море для промежуточного этапа, очищенная переменным течением, выставленная [напоказ], она была вверена вашим берегам. Поэтому мы пришли к заключению, что необходимо открыть это [сказанное выше], чтобы вы не считали, что знакомство наше истечет, потому что вы верите, что у вас есть тайное.

Итак, устремитесь к нам многократно с помощью дорог, которые показала ваша любовь, потому что всегда полезно найденное согласие обогащенным королям, которые, пока они смягчены малым подношением, всегда заботятся о большем возмещении⁴¹⁸. Другую же [речь], которая должна быть приятна, мы на словах передали через ваших посланцев, через которых мы излагаем [то], что наметили.

V. 43

TRANSIMUNDO REGI WANDALORUM THEODERICUS REX

511

1. Quamvis a diversis regibus expetiti pro solidanda concordia aut neptes dedimus aut filias deo nobis inspirante coniunximus, nulli tamen aestimamus nos aliquid simile contulisse, quam quod germanam nostram, generis Hamali singulare praeconium, vestrum fecimus esse coniugium: feminam prudentiae vestrae parem, quae non tantum reverenda regno, quantum mirabilis possit esse consilio. **2.** Sed stupeo vos his beneficiis obligatos Gesalecum, qui nostris inimicis, dum a nobis foveretur, adiunctus est, in vestram defensionem sic fuisse susceptum, ut qui ad vos viribus destitutus privatusque fortunis venerat, subita pecuniae ubertate completus ad gentes externas probetur esse transmissus: qui quamvis deo iuvante laedere nihil possit, tamen animum vestrae cogitationis aperuit. **3.** Quid expectent extraneorum iura, si sic meretur affinitas? Nam si causa misericordiae susceptus est in regno vestro, teneri debuit: si nostri propter expulsus est, non oportuerat cum divitiis ad aliena regna transmitti, quae ne vobis redderentur infesta, nostra fecerunt absolute certamina. Ubi est, quod tanta lectione saginatus alios solebas docere de moribus? Hoc si voluisses cum sorore nostra tractare, utique vobis non potuisset accidere, quia nec fratrem permiserat laedi nec maritum fecerat in rebus talibus inveniri. **4.** Atque ideo per illum et illum legatos nostros salutantes honorificentia competenti petimus, ut hanc iniustitiam deliberatio vestra pertractet, ne parentum nostrorum animus causis evidentibus excitatus cogitet aliquid temptare quod pacem videatur irrumpere. Graviter siquidem dolet iniuria, quae contigerit insperata et si inde proveniat dolus, unde credebatur auxilium. Quaedam vero per harum portitores verbo vobis insinuanda commisimus, ut aestimantes omnia, quid fieri in tanta causa oporteat, providentia vestra reponat, quia non est leve prudentes viros in pacis constituta peccare.

terrisque inesse crediderim, quae vicini solis radiis expressa atque liquentia in proximum mare labuntur ac vi tempestatum in adversa litora exundant. Si naturam sucini admoto igni temptes, in modum taedae accenditur, alitque flammam pinguem et olentem; mox ut in picem resinamve lentescit). Латинский текст цитируется по изданию *The Life of Agricola & The Germania*. ed. William Allen. Ginn & Co. Boston. 1913.

⁴¹⁷ то есть нечто, связанное с соком.

⁴¹⁸ Вполне вероятно, контакты, укрепившиеся после прибытия к Теодориху посланцев от эстов, принесли в Прибалтику более материальные вещи, носившие на себе печать культуры Империи. М.Б. Щукин отмечал, что «возможно, пара крупных двунастичных «готских» фибул из погребения 144 могильника Плинкайгаллис в Литве и богатое «княжеское» погребение середины V в. из Таурапилса там же свидетельствуют именно об этих контактах» (Щукин М.Б. Готский путь. С. 307).

1. Хотя мы, желанные отдаленным королям, для укрепления согласия отдали племянниц и по воодушевлению божьему сочетали [с ними] дочерей, но ни с кем мы не полагали, что связаны до некоторой степени подобно [как с вами], ибо мы создали вашу связь с нашей единокровной сестрой – единственным прославлением рода Амалов – женщиной, подобающей вашему благоразумию, которая не только вызывает почтение королевским достоинством, сколько может быть необыкновенной советом.

2. Но я изумляюсь вам, обязанным этим благодеянием, [и тому], что Газалех, который с врагами нашими, пока мы оказывали ему поддержку, был тесно связан, под вашу защиту был принят так, что он, который пришел к вам покинутый могуществом и лишенный удачи, внезапно снабженный богатым имуществом, как доказывают [о нем], был отправлен к другим народам – он, который хотя не смог, с божьей помощью, ничему причинить вред, но открыл характер ваших замыслов. 3. Чего ожидают права чужеземцев, если такого было достойно родство? Поистине, если по причине милосердия он [Газалех] был принят в вашем королевстве, он должен был быть [там] задержан. Если от близости наших [границ] он был удален, не нужно отправлять его в другие королевства с богатствами, чтобы не откликнулись они [королевства], враждебные, [ибо] они [богатства], безусловно, создали наш спор. Где то, что ты, столь начитанный⁴²⁰, имел обыкновение учить нравам других? Это, если бы ты захотел управлять совместно с нашей сестрой, во всяком случае, не могло бы случиться с вами, потому что она не допустила бы, что было оскорблено братство, и сделала бы [так], что супруг не был вовлечен в такие дела.

4. И потому, приветствуя с сообразным почтением, через наших послов, такого и такого, мы добиваемся, чтобы ваше размышление исследовало эту несправедливость, чтобы не воображал дух, возбужденный по очевидной причине, что касается нашего родственника нечто, что представляется нарушающим мир. Ведь опасно интригует несправедливость, которая дотрагивается неожиданно, и оттуда рождается обман, откуда ожидалась помощь. Истинно нечто [иное] через тех перевозчиков на словах мы поручили для проникновения [к вам], чтобы, оценивая все, что нужно сделать по этой причине, ваша предусмотрительность сохранила, потому что беспокойно, когда благоразумные мужи ошибаются в учреждении мира.

V. 44

TRANSIMUNDO REGI WANDALORUM THEODERICUS REX

1. Ostendisti, prudentissime regum, post erroris eventum sapientibus subvenire posse consilium nec pertinaciae vitium vos amare, quod brutis hominibus videtur accidere. Obligastis animum meum tanta vos in melius celeritate mutando. Nam cum rex satisfacit, quaelibet dura dissolvit, quia sic est in principibus humilitas gloriosa, quem admodum in mediocribus odiosa potest esse iactantia. 2. Nuper vobis obiecimus Gesaleci quondam regis dolosa meditatione

⁴¹⁹ Издания этого письма в переводе С. Барниша нет, равно как и в монографии Р. Макферсона. Другие издания в переводе на английский язык мне неизвестны. Пунктуация, коррекция деления на предложения и членение на абзацы мои.

⁴²⁰ Этот вопрос, по всей видимости, стоит понимать так: как могли вы, такой образованный, повести себя столь неосмотрительно, то есть столь несоответствующе своей учености? Фактически, здесь добродетель благоразумия (а Трасамунд в этом послании упрекается именно в его отсутствии) связывается с образованием, что весьма в духе представлений о сущности греко-римской образованности. Её центральной роли в понимании римского духа, Romanitas, посвящена статья В.М. Тюленева – Тюленев В.М., Слово против меча: новое содержание Romanitas у Эннодия.

discessum: sed vos nobilitatis vestrae memores et honoris actum rei nobis sub veritate declarastis. Unde non fuit sic vituperabile hominem pravis suspicionibus locum dedisse, quantum gloriosum est dominantem tam celerrime se potuisse purgare. Ille enim, qui minus poterat cogi, animae non passus est arcana violare. **3.** Cui laudi vicissitudinem, in qua possumus parte, reddentes sinceram purgationem pura mente suscepimus. Sed auri transmissi munera non tenemus, ut et ipsi intellegatis causam per iustitiam fuisse motam, quam nulla potuit finire venalitas. Fecimus utrique regalia: sic nos superavimus tyrannicam cupiditatem, sicut et vos vicisse constat errorem. Redeant ad cubiculum vestrum munera, quorum tantum oblatio videtur esse gratissima. Neglegatur aurum, ubi electum est conscientiae praemium: patiaturo aliquando repulsam, quod semper avaris regibus imperabat. Eat nunc actus iste per gentes carum parentem non excusasse culpam et laesos animos respuisse pecuniam. **4.** Ita, quod per bella solebat quaeri, amoris studio declaratum est potuisse contemni. Intellegant parentes tales fuisse qui studio avaritiae causas sibi nequiverint excitare. Omnia siquidem superavit affectus: tunc coepit petitio magis desinere, quando pulsatus obiecta non passus est abnegare. Recipite igitur munera sensibus suscepta, non manibus. Suavius nobis fuit ista reddere quam multo grandia suscepisse. Estote nunc ad similia cauti, ad ventum solliciti: quia instructus redditur animus in futuris, quando praeteritorum commonetur exemplis. Quapropter illo et illo legatis vestris redeuntibus plenissime reddimus salutationis affectum, optantes ut sospitatem vestram divina concedant, cuius nobis animos validissime cognoscimus esse sociatos.

Трасамунду, королю вандалов, король Теодорих⁴²¹

511

1. Ты показал, благоразумнейший из королей, что после совершения ошибки мудрым людям может помочь совет и что вы не любите порок упрямства (что кажется присущим глупым людям). Вы обязали мой дух к лучшему благодаря такой скорости изменения. Поистине, когда король удовлетворен, любая твердость рассеивается, потому что так среди первых есть славное смирение, что среди незначительных может быть достойным ненависти хвастовством⁴²².

2. Недавно мы упрекнули вас за отъезд коварного Газалеха, некогда короля, но вы, помня о вашей знатности, под руководством истины провозгласили нам свершение дела чести. Поэтому не случилось столь недостойного, что человек дал место превратным подозрениям. Насколько [же] славно то, что правитель смог столь быстро очистить себя. Тот же, который меньше способен заставить себя это сделать, не признаёт, что скрытность наносит вред жизни. **3.** Смену этой хвале, в том отношении, в котором мы можем, мы искренне приняли, откликаясь на неподдельное извинение.

Но мы не обладаем дарами посланного золота⁴²³, чтобы вы сами постигли, что с помощью справедливости была приведена в движение причина, которую никакая продажность не сможет ограничить. Каждый из нас сделал подобающее королям⁴²⁴: как

⁴²¹ Издания этого письма в переводе С. Барниша нет, равно как и в монографии Р. Макферсона. Другие издания в переводе на английский язык мне неизвестны. Пунктуация, коррекция деления на предложения и членение на абзацы мои.

⁴²² Здесь раскрывается мотив величия и смирения государя, который станет центральным для понимания и репрезентации власти в Средние века (Бойцов М.А. Величие и смирение. С. 22). Смирение здесь, идущее от благоразумия, выступает как безусловная добродетель, причем свойственная именно правителям, на что указывает сравнение их поведения с поступками «незначительных» лиц. В таком смирении — и честь, и конечное величие короля.

⁴²³ золото было отправлено Трасамундом, но Теодорих его не принял.

⁴²⁴ В латинском тексте – *regalia*: мы поступили по-королевски. Здесь речь идет о том, что королям подобает укрощать самовластные влечения ради подчинения закону (а им следует это делать как защитникам справедливости) и стремления к добродетели. Конкретно же слова о самовластном влечении можно понимать двояко: как то, что Теодорих победил желания действовать излишне резко по

мы превзошли самовластное влечение, так и вы твердо победили ошибку. Да вернутся в ваши покои дары, преподнесение которых кажется столь приятным. Да будет презрено золото, где была избрана награда совести: да случится когда-нибудь поражение [его, т. е. золота], ибо всегда оно [золото] приказывало алчным королям. Пусть же пройдет это стремление по народам, чтобы дорогой родственник не упрекал себя за эту вину и испорченные души с презрением отвергли наживу. **4.** Итак, провозглашено, что тем, к чему по обыкновению стремились в войнах, можно пренебречь стремлением любви. Пусть же поймут случившееся те родственники, которые из-за жажды наживы не смогли подняться над спорами. Поскольку страсть превосходит все: тогда обвинение скорее начинает терять силу, когда обвиняемый не позволяет себе отрицать то, в чем его обвиняют.

Итак, примите признанные дары чувствами, не руками. Нам было приятно их вернуть, нежели принять гораздо большие. Станьте ныне осторожным в подобном и тревожащимся о грядущем, потому что сведущий дух возвращается в будущем, ибо он предостережен образцами прошлого.

Вот почему вашим возвращающимся послам — такому и такому — мы в полной мере отдаем назад нежность приветствия, желая, чтобы Провидение подчинилось вашему спасению, стремления которого⁴²⁵, мы знаем, с нами прочнейше соединены.

К вопросу о титулах и обращениях

Учитывая, что все представленные выше послания адресованы варварским лидерам — лицам, которые могли относить себя примерно к одному кругу «первых», — и что в них, пусть и не в самой явной форме развивается мотив первенства и важности соответствия своему статусу, важен вопрос, как именно в тексте отражается эта принадлежность.

Знаменательно, что слово «*princeps*» из текстов 12 писем встречается только дважды — в послании к Герминафриду и во втором послании к Трасамунду. Этого слишком мало для того, чтобы с точностью установить контекст употребления и поле значений этого слова, что принципиально важно, поскольку это слово могло употребляться по отношению к императору⁴²⁶. С другой стороны, оно встречается также в отношении других лиц, облеченных властью, например, в «*Vita sancti Epifani*» когда речь идет о высокопоставленных собеседниках епископа Тицина, таких как Рицимер, Эврих, Теодорих и Гундобад. Всё, что можно сказать на эту тему в посланиях Теодориха другим варварским королям — это то, что Кассиодор, составлявший эти послания, вполне вероятно, намеренно избегал употребления слова «*princeps*». В послании к Герминафриду оно относится к Теодориху и только к нему. Возможно, оно употреблено, чтобы подчеркнуть высокий статус правителя Италии и его племянницы, которую он выдает замуж за короля тюрингов, а следовательно — и значимость появившейся родственной связи, а также важность благодеяния, оказанного этим Герминафриду. В письме к Трасамунду слово «*princeps*», вполне возможно, употреблено для создания акцента именно на личности правителя в связи с раскрывающейся риторикой величия и смирения государя. Иными словами, для того, чтобы не создалось впечатление, что речь

отношению к Трасамунду и Газалеху, так и что он не стал брать золото, победив влечение к нему ради урока лучших чувств по отношению к своему родственнику.

⁴²⁵ то есть ваши стремления.

⁴²⁶ Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии. С. 63.

идет о группе людей — о знати⁴²⁷, поскольку «*princeps*» стоит в форме множественного числа.

Для понимания взаимоотношений в кругу «первых», помимо вопросов, касающихся происхождения, и прямо заявленных моментов, важны обращения и конструкции, используемые в тексте писем для замены имени адресата. Ниже представлен их перечень в соответствии с порядком писем в корпусе *Variae*:

I.46 (Гундобаду) — «ваше благоразумие» (*prudencia vestra*) и «ваша милость» (*vestra gratia*)

II.41 (Хлодвигу) — «ваша доблесть» (*vestra virtus*), «ваше превосходство» (*excellencia vestra*) и, возможно, «ваше могущество» (*vestra potestas*)⁴²⁸

III.1 (Алариху) — нет

III.2 (Гундобаду) — «твое/ваше братство» — «брат мой» (*fraternitas tua/vestra*) и «ваше благоразумие» (*prudencia vestra*)

III.3 (королям герулов, тюрингов и гуарноров) — «ваше превосходство» (*excellencia vestra*)

III.4 (Хлодвигу) — «ваше превосходство» (*excellencia vestra*)

IV.1 (Герминафриду) — нет

IV.2 (королю герулов) — нет

V.1 (королю варнов) — «ваше братство» — «брат мой» (*fraternitas vestra*)

V.2 (эстам) — нет

V.43 (Трасамунду) — «ваше благоразумие» (*prudencia vestra*), «ваша предусмотрительность» (*providencia vestra*) и «ваше размышление» (*deliberatio vestra*)

V.44 (Трасамунду) — «благоразумнейший из королей» (*prudenticissime regum*)

Большая часть этих обращений лежат в плоскости основных античных добродетелей. Кассиодор, и это свойственно риторике Поздней Античности, употребляет абстрактные существительные⁴²⁹, выделяя одно качество и делая его в каждом конкретном случае определяющим для адресата послания — добродетель затеняет человека во всем многообразии его проявлений. Самым общим и нейтральным является «ваше превосходство» (*excellencia vestra*), остальные в большинстве своем определены контекстом: в приглашении к обдумыванию ситуации появляется «ваше размышление» (*deliberatio vestra*), в поздравлении с победой — «ваша доблесть» (*vestra virtus*). Знаменательно, что полностью лишены конструкций с заменой имени адресата абстрактным существительным именно те письма, в которых речь Теодориха принимает наиболее покровительственный тон, за исключением послания к эстам, которое составлено так, чтобы его было возможно считать адресованным как отдельному лицу — вождю или правителю народа — так и группе людей.

⁴²⁷ Именно для передачи значения «первых как группы» (в которую может входить и правитель) Кассиодор в другом месте использует слово *primarii* (*Variae* II.4: 1).

⁴²⁸ Только «возможно», потому что контекст позволяет перевод и без отождествления указанного словосочетания с персоной правителя для замены его имени в тексте.

⁴²⁹ Macpherson R. Rome in involution. Cassiodorus' *Variae* in their literary and historical setting. P. 154.